

В К

18+

*Все сказки
старого
Вильнюса.*

ЭТО БУДЕТ
ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Ф Д М

Макс Фрай
Все сказки старого Вильнюса.
Это будет длинный день
Серия «Все сказки старого
Вильнюса», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69528952
Все сказки старого Вильнюса. Это будет длинный день:
ISBN 978-5-17-145985-7*

Аннотация

Имя Макса Фрая уже известно всем ценителям хорошей литературы, а «Сказки старого Вильнюса» – один из самых известных и ожидаемых циклов современного фэнтезийного мира.

Эта книга – третья часть подарочного издания, в котором написанные от руки комментарии и эксклюзивные фотографии Вильнюса сделаны лично автором.

«В Старом городе Вильнюса, как выяснилось, сто сорок семь улиц, переулков, площадей, рынков и мостов; зная характер нашего города, мы не сомневаемся, что это число еще не раз изменится, здесь у нас чуть ли не каждый день что-нибудь появляется и исчезает, а всем кажется, всегда так и было – это одно из правил нашей тайной повседневной игры...»

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Улица Раугиклос (Raugyklos g.)	6
Сквер Реформату (Reformatų skveras)	75
Улица Руднинку (Rūdninkų g.)	95
Улица Русу (Rusų g)	108
Улица Савичяус(Savičiaus g)	118
Улица Сирвидо (K. Sirvydo g)	166
Улица Скапо (S. Skapo g.)	176
Улица Слушку (Sluškų g.)	205
Улица Сметонос (A. Smetonos g.)	237
Конец ознакомительного фрагмента.	244

Макс Фрай
Все сказки старого
Вильнюса. Это
будет длинный день

© Макс Фрай, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Улица Раугиклос (Raugyklos g.)

Какого цвета ваши танцы

– Танцуем синий, – говорит Фрида. – Сейчас танцуем синий. Пожалуйста, все вместе, сосредоточились, да-да-да, совершенно верно... Эй, Дайва, девочка, синий, а не голубой. Темнее, еще темнее. И еще. Вот так.

Девочке Дайве пятьдесят четыре года. У девочки Дайвы тонкие щиколотки, прямая спина, зеленые глаза, глубокие морщины у рта, неудачная завивка, маленький вздернутый нос, под корень остриженные ногти и ни одного лишнего килограмма. У девочки Дайвы есть работа в школьной библиотеке, для души, и еще одна, о которой она не расскажет ни за что, никому, хоть режьте, ей кажется, что пожилой женщине с высшим педагогическим образованием стыдно зарабатывать на жизнь уборкой чужих квартир, но деньги очень нужны, а сил пока, слава богу, хватает, да и умения не занимать. У девочки Дайвы деревянный дом на Жверинасе, ветхий, зато свой, с маленьким палисадником, где летом цветов больше, чем во всем остальном квартале. У девочки Дайвы есть еще две девочки – внучки, а третьей девочки, дочери, нет уже пять лет, царствие ей небесное. Муж девочки Дайвы умер еще раньше, не дожил до смерти любимой дочери,

можно сказать, повезло; сын девочки Дайвы жив-здоров и счастливо женат, только поселился очень уж далеко, аж в Канаде, в гости особо не поездишь, а что делать. Девочка Дайва отлично танцует, потому что в юности немного занималась бальными танцами, но цвета она путает чаще других, вернее, не путает, просто представляет что-то свое. Знает, что так нельзя, но вечно как черт под локоть толкает, никакого сла-ду.

Но у Фриды особо не забалуешь. Фрида говорит:

– Голубой будет когда-нибудь потом, девочка, это я тебе твердо обещаю. А сейчас танцуем синий, вместе со всеми. Давай, моя хорошая, давай.

На темной, освещенной лишь окрестными окнами улице стоит человек в дорогом кашемировом пальто. И, затаив дыхание, смотрит на танцующих. Даже рот приоткрыл, как ребенок, впервые попавший на представление фокусника.

* * *

Никогда в жизни не танцевал. И не собирался этому учиться. То есть просто не думал о танцах, как и о великом множестве других, теоретически хороших, но совершенно неинтересных лично ему вещей.

Но когда проходил вечером по улице Раугиклос мимо больших ярко освещенных окон танцевальной студии, зани-

мавшей весь первый этаж невысокого серого дома, невольно замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Стоял, смотрел. Глаз отвести не мог. И не потому что люди там, внутри, так уж хорошо танцевали. То есть вполне может быть, что хорошо, но его зацепило другое. Все лица светились такой радостью. Никогда не видел столько радостных людей сразу. Собственно, даже одного не видел – радостного настолько.

Хотя одного-то как раз видел. Когда-то – практически каждый день. Но Лиса нет уже так давно, что – не считается.

Добрую четверть часа стоял как замороженный, глазел на танцоров. И простоял бы еще дольше, да ноги замерзли. И снег опять пошел.

Уже сворачивая на Швенто Стяпано, зачем-то обернулся. И увидел, как теплый желтый электрический свет в окнах мигнул, погас и тут же снова вспыхнул – синим. Но миг спустя все стало как прежде. Решил – наверное, померещилось. Или это светомузыка такая у них? Как на дискотеке?

Впрочем, какая разница.

...На следующий день специально пошел домой этой дорогой. И даже в пятницу, хотя из бара, где сидел с приятелями после работы, логично было бы проложить другой маршрут. Гораздо короче.

В субботу было так холодно, что весь день просидел дома. Но в воскресенье собрал волю в кулак и выгнал себя на улицу. Официальная версия – в супермаркет за продуктами; на

самом деле куда и зачем угодно, любой предлог хорош, лишь бы не киснуть в четырех стенах.

Когда понял, что вместо супермаркета идет в направлении улицы Раугиклос, совершенно не удивился. Даже обрадовался. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы жопу от дивана отрывало. Хоть изредка. А то невозможно же.

На зрелища особо не рассчитывал. Полдень едва миновал, вряд ли в помещении горит свет. А без него хрен что разглядишь. Но все равно пошел – просто так, почему нет. Погода хорошая, и температура наконец поднялась до вполне терпимой. Когда еще гулять.

Окна танцевальной студии были не просто темны, но и завешены шторами. Этого следовало ожидать. Все-таки воскресенье. Все вокруг закрыто, все отдыхают, и танцоры тоже. Имеют право.

– Извините меня, пожалуйста, – произнес женский голос за его спиной. Звонкий, теплый, глубокий, отличной поставленный голос. Слушать его было приятно, как пить на морозе горячий вишневый пунш. И, наверное, так же легко захмелеть, переусердствовав.

Обернулся. И увидел женщину столь ослепительную, что застыл перед ней, открыв рот. Даже не спросил, за что она просит прощения. Какая разница.

Потрясшей его красавице было никак не меньше шестидесяти. («Семьдесят восемь, – однажды признается Фрида

и после небольшой паузы с нескрываемой гордостью добавит: – Уже пятый год кряду семьдесят восемь; мне-то все равно, но люди почему-то шарахаются от больших чисел». Однако этот разговор состоится еще нескоро, сперва им придется подружиться, а дружба – дело далеко не одного дня.)

У нее были совершенно белоснежные волосы, золотое от загара лицо, высокие скулы, породистый тонкий нос, аккуратный, но резко очерченный подбородок и огромные глаза невозможного фиалкового цвета. В левом углу длинного чувственного рта притаилась улыбка, правый же трагически изогнулся вниз – поди разбери, что получается в сумме.

– Внешность обманчива, – усмехнулась она в ответ на его немое восхищение. – Всю мою жизнь люди думали, будто я создана для любви. А это не так. Я – только для танцев.

Зачем-то повторил за ней вслух:

– Для танцев.

И наконец очнулся. Спросил:

– А почему вы извинились?

– Ну как же, – она удивленно приподняла тонкую бровь. – За опоздание. Должна была явиться в полдень, а уже четверть первого. Вы же записываться пришли? В танцевальную студию? Долго ждете?

Покачал головой:

– Нет, что вы. Не записываться. Просто мимо шел... То есть, положила руку на сердце, не совсем просто. Уже несколько раз проходил мимо ваших окон по вечерам, смотрел, как

танцуют. И подумал: а вдруг сегодня тоже. Не сообразил, что еще слишком рано. И вообще воскресенье.

– Ясно, – кивнула она. Но вместо того, чтобы отвернуться и уйти, протянула ему руку в лиловой бархатной митенке. Сказала: – Меня зовут Фрида. И мне почему-то кажется, что вы с удовольствием выпьете со мной чаю. А я редко ошибаюсь в людях.

Рука оказалась маленькой, но очень сильной. И такой горячей, словно только что держала кружку с чаем, который ей еще только предстояло заварить.

Ужасно смутился. Но обрадовался гораздо сильнее.

– Вы совершенно правы. Выпью с удовольствием, сколько нальете. И, чего доброго, добавки попрошу.

– Да, – серьезно подтвердила Фрида. – Такое развитие событий вполне возможно.

Отперла дверь, трижды повернув ключ. В огромный зал с паркетными полами не пошли, сразу свернули в кухню. Фрида сняла тяжелое, подбитое каракулевым мехом пальто, осталась в сиреневом, под цвет глаз, платье. Переобулась в серебристые босоножки с закрытой пяткой, на невысоком устойчивом каблучке. Налила воду из бутылки в электрический чайник, щелкнула кнопкой, поднявшись на цыпочки, взяла с полки две керамические кружки, синюю и лиловую. А он стоял на пороге и зачарованно следил за этими нехитрыми действиями. Движения Фриды были похожи на танец; строго

говоря, они и были танцем. И даже подходящая музыка начала звучать в его сознании, простенький медленный вальс. Впервые за черт знает сколько лет.

– Вы слышали мою музыку, да? – усмехнулась Фрида. – Ничего-ничего, не переживайте, мелкие безобидные галлюцинации на этой кухне в порядке вещей. – И, не дожидаясь ответа, спросила: – Вам нравится смотреть, как танцуют? Поэтому ходили в наши окна заглядывать?

Вежливо сказал:

– Да.

Но тут же исправился:

– Хотя вообще-то нет.

И наконец дал самый честный ответ:

– Сам не знаю. Я, наверное, все-таки не столько танцы смотрел, сколько лица разглядывал. Такие счастливые были все... Нет, даже не так. Не просто счастливые, радостные. А это совсем большая редкость.

– Ваша правда, – кивнула Фрида. – Вы молодец.

И принялась разливать чай.

– И еще свет этот синий, – зачем-то добавил он. – Я сперва подумал, у вас что-то вроде цветомузыки. Что нормально для дискотеки и довольно странно для бальных танцев. Но он один раз мигнул, и все. Так что я еще из-за этого ходил. Хотел понять, есть ли у вас цветомузыка и зачем она. Но уже ясно, что просто померещилось.

– Ну надо же, – изумилась Фрида. – В жизни не думала,

что это можно увидеть с улицы. Ну, будем надеяться, все дело в вас. Тем более что так оно и есть.

Сказал:

– Я не понимаю.

– Ну а чего вы хотели, – рассудительно заметила Фрида. – Если уж вызвались пить чай с незнакомой эксцентричной старухой, приготовьтесь к тому, что речи ее будут вздорны и туманны. Согласны ли вы продолжать беседу на таких условиях?

– Да я на любых условиях согласен, – признался он. – Лишь бы подольше тут с вами посидеть.

– Вот это разговор! – рассмеялась Фрида. – Вот это по-нашему! Осторожно, молодой человек, если продолжите в том же духе, я буду вынуждена признаться, что обожаю вас.

* * *

Чай пах мятой и малиной, и он старался пить как можно медленней. Чтобы отсрочить неизбежный момент, когда придется прощаться и уходить.

– Мне кажется, – вдруг сказала Фрида, – что вам очень нужен хороший друг. И еще мне кажется, что я могла бы им стать – теоретически. Но на практике, скорее всего, ничего не выйдет. Чтобы дружить со мной, надо танцевать. Вот если бы вы пришли записываться...

– Вы бы меня все равно не взяли. Я не умею танцевать.

Мало кто умеет, я знаю, но я в этом смысле вообще уникам. Даже хороводы в детском саду не водил. Обижался, уходил в дальний угол и сидел там, дуясь на всех, ждал, когда прекратится безобразие и можно будет снова поиграть в прятки или салочки. С тех пор так и пошло.

– Конечно, вы не умеете танцевать, – кивнула Фрида. – Это совершенно нормально. Собственно, затем ко мне и приходят, чтобы научиться; в большинстве случаев, как и вы, с нуля. У нас иное ограничение: я не беру профессиональных танцоров. Но вас это, к счастью, не касается. Поэтому вы можете попробовать. Первое занятие бесплатно. Не понравится – никто вас неволить не станет. Понравится – платите десять литов в месяц, и добро пожаловать.

Хотел наотрез отказаться. Какое занятие, вы что?! Но вместо этого почему-то спросил:

– Всего десять литов? По-моему, это благотворительность.

– Она и есть, – кивнула Фрида. – Благотворительность в чистом виде. Но не моя. Помещение нам одолжил один из моих учеников, так что скидываемся, считайте, только на коммунальные платежи. Что остается, тратим на чай и печенье. Если бы нам приходилось платить за аренду полностью, десятью литами в месяц, конечно, не обошлось бы... Кстати, о расходах. У вас есть туфли на тонкой кожаной подошве? Если нет, придется купить.

– На кожаной – точно есть. Не знаю только, можно ли счи-

тать ее тонкой. Никогда об этом не думал.

– Ладно, посмотрим. А костюм? У вас есть костюм?

– У меня их шесть штук.

Сказал и почему-то смутился. Как будто некстати похвастался.

– Отлично. Если не сможете выбрать, в каком приходить, надевайте самый старый и удобный, вот вам мой совет. И без туфель не приходите.

Опешил:

– Куда не приходить без туфель?

– Сюда, конечно же. Если не возражаете, в среду, в семь вечера. Мне бы хотелось включить вас в группу, которая занимается по средам и субботам, там как раз не хватает мальчиков. Но если вам неудобно, есть группы и в другие дни.

Пожал плечами:

– На самом деле абсолютно все равно. У меня все вечера более-менее свободны.

– В вашем возрасте это совершенно ужасное признание, – серьезно сказала Фрида. В фиалковых глазах светилось неподдельное сочувствие.

Спросила:

– Как вас записать? Скажите имя, фамилия мне ни к чему.

Понял, что пора решительно отказаться, а потом встать и уйти. Чай отличный, и кухня такая уютная, что сидел бы тут вечно, но зачем морочить голову этой чудесной женщине. Она, похоже, уже уверена, что заполучила нового ученика.

ка. И чем раньше будет разочарована, тем меньше в итоге огорчится.

Но вместо этого почему-то сказал:

– Лис.

И дважды соврал. Во-первых, это было не имя, а прозвище. А во-вторых, чужое.

Подумал: «Господи, что на меня нашло. Зачем записал в танцевальную студию мертвого друга? Сходил, называется, за хлебом, вот молодец».

Подумал: «С другой стороны, так даже лучше. Я не умею и не люблю танцевать, а Лис любил. Ему, в отличие от меня, здесь самое место. Наверное, он был бы только рад».

Подумал: «Теперь придется прийти, не могу же я подвести Лиса».

* * *

– Танцуем серый, – говорит Фрида. – Анна, принцесса, не хмурься, что за предрассудки, серый – прекрасный цвет, особенно когда он цвет шелка, струится и переливается, ты только представь.

* * *

...Принцесса Анна – самая младшая в группе. Принцессе

Анне тридцать два года. Принцесса Анна – не самая удобная партнерша, рост ее равен одной греческой оргии, и слава богу, что не египетской. Но это, полагает принцесса Анна, вовсе не повод сутулиться и отказывать себе в удовольствии носить каблуки. Принцесса Анна феноменально рассеянна, она может внезапно остановиться посреди танца, просто забыв, где находится и что сейчас следует делать. Принцесса Анна¹² – математик, программист и переводчик с полудюжины славянских языков; она привыкла думать на всех сразу, включая Си и Паскаль. В этом, смеется Фрида, и состоит проблема.

Зато иных проблем у принцессы Анны нет. У принцессы Анны темные брови вразлет, пепельные волосы до лопаток и глаза цвета зимних сумерек. Она прекрасна, как элитное модельное агентство в полном составе, беззаботна, как еще не усевшаяся на яйца птичка, и ни в кого не влюблена. Обниматься с принцессой Анной – почти такое же счастье, как танцевать с Фридой. Это счастье нельзя заслужить, оно всегда достается даром – тому, кто нуждается больше прочих.

– Фрида, – говорит принцесса Анна, – ты была совершенно права, серый шелк – это действительно очень красиво. Но теперь он так громко шуршит у меня в голове! Я даже музы-

---

¹ *Оргия* – единица измерения длины в Древней Греции. Наиболее известна т. н. олимпийская оргия, равная 1,8514 м.

² Египетская оргия времен фараонов составляла 2,094 м.

ку почти не слышу.

– Ничего, ничего, – смеется Фрида, – пусть себе шуршит. Это тоже музыка. Танцуем серый, принцесса. Сейчас танцуем серый.

* * *

– Это была худшая посадка в моей жизни, – говорит коллегам пилот самолета польских авиалиний, только что прилетевшего из Варшавы. – Или, наоборот, лучшая, это как поглядеть. Потому что в итоге все целы, по-моему, даже испугаться толком не успел никто – кроме меня. Я, кстати, не представлял, что столько молитв знаю. Откуда? У нас в семье только мамина бабка в церковь ходила. И тут вдруг из меня как полилось.

– В последний момент, – говорит он, устало опустив голову на руки. – В самый последний момент вдруг все стало хорошо. И мы сели прямо как в учебном фильме – и-де-ально. Если это не чудо, то... То все равно чудо. Иного объяснения нет.

* * *

– Ну надо же, – восхитилась Фрида. – Пришел! А я-то, глупая, волновалась. Дети мои, это Лис. Он к нам пришел,

счастливчик. Любите его отныне, как меня и друг друга.

И, не желая обузывать бурю охвативших ее чувств, закружила по залу, вальсируя с невидимым партнером, тихонько напевая себе под нос: «Лис пришел, Лиспришел, Лиспришел».

Ноги ее не касались пола. «Дети» (в возрасте примерно от тридцати до семидесяти), видимо, и не к такому привыкли, а он смотрел, распахнув рот. Наконец смущенно переспросил:

– Вы волновались? Но почему?

– Как – «почему»?! – Фрида даже плясать перестала. – Да потому что ты мне позарез нужен, счастливчик, вот и все. – И, чтобы снизить градус признания, поспешно добавила: – В этой группе не хватает мальчиков, я тебе уже говорила. Собственно, ровно одного и не хватало. Теперь полный комплект. И кстати. Как ты уже, наверное, заметил, я перешла на «ты». Не вздумай обижаться. Я говорю «ты» всем, кто здесь со мной танцует. И ожидаю в этом смысле взаимности. Друг к другу тоже лучше обращаться на «ты», по крайней мере в стенах этого зала. Не то чтобы это было принципиально важно, но я предпочитаю сразу и недвусмысленно обозначить степень близости, неизбежной для всех, кто приходит сюда танцевать.

Подумал: «Неизбежной – ишь ты». А вслух сказал:

– Вы погодите, может, еще выгоните меня в вашей после первых же па. Я двигаюсь как мешок с песком.

– Это вряд ли, походка у тебя легкая. И жестикуляция

не разболтанная. И спину держишь неплохо. Не предвижу особых проблем. Впрочем, если даже я ошибаюсь, не беда. Мешков с песком я за свою жизнь перетаскала – не сосчитать. И все остались довольны.

* * *

Фрида говорит:

– Мы занимаемся бальными танцами. Классическая программа: вальс, танго, фокстрот. И еще, конечно, самба, румба, джайв, ча-ча-ча, пасодобль, но все это будет потом, латинскую программу мы танцуем только летом, а до лета еще надо дожить. Кстати, имей в виду, дожить – это домашнее задание. Обязательное для всех.

Фрида говорит:

– У нас нет специальной группы для новичков. Занимаемся вместе, это, как ни странно, идет всем только на пользу. С новичками я танцую сама, и это хорошая для тебя новость, у меня все быстро учатся, и ты научишься, никуда не денешься, поэтому иди-ка сюда, дорогой.

Фрида говорит:

– Ни о чем не беспокойся, просто слушай музыку и слушайся меня. Делай все, что мы с ней велим. Это гораздо проще, чем кажется.

Фрида говорит:

– Положись на меня, счастличик. Я не подведу.

Полчаса пролетают как сон; наверное, они и есть сон. Потому что только во сне так легко и просто получается то, чего никогда не умел наяву: мчаться на мотоцикле, превращаться в зверя, летать, танцевать.

А вот десять минут перерыва более-менее похожи на явь. Можно сесть на паркетный пол, прислониться спиной к стене, беспомощно улыбаться женщинам, наперебой поздравляющим тебя с отличным дебютом, пожимать руки специально ради знакомства присевших рядом мужчин, смотреть в окно, в отчаянную темноту безлунной декабрьской ночи, где то вспыхивает, то гаснет огонек Фридиной сигареты, медленно-медленно выдыхать.

Боже, что это было вообще? Я – танцевал?

Фрида появляется на пороге, на ходу сбрасывает шубку. Фрида говорит:

– Продолжим.

Фрида говорит:

– Иди сюда, мой драгоценный мешок с золотым песком. Я скучала по тебе, пока курила. Мне понравилось с тобой танцевать.

Фрида говорит:

– Только не зазнавайся, счастливчик.

В следующий перерыв Фрида пошла на кухню заваривать чай. И его за собой поманила.

– Пока мы будем танцевать, как раз настоится, – сказала она, заливая кипятком дивный натюрморт из цветов, листьев и пряностей. – Теперь самое главное. Даже не стану спрашивать, будешь ли ты ходить на занятия. И так ясно, что будешь. Следовательно, с тебя десять литов. Если захочешь дать больше, не стесняйся, тогда на следующей неделе к чаю у нас будет не только дешевое печенье, но и, к примеру, бельгийский шоколад. И наши девицы станут молиться за тебя денно и ночью. А это серьезный профит.

– Ты меня поймала. Если мои взносы – единственный шанс накормить девочек шоколадом, никуда не денуться, придется ходить.

– Ай, не прикидывайся, – отмахнулась Фрида. – Тебе же понравилось со мной танцевать. Готова спорить, ты уже заранее не знаешь, как дотерпеть до субботы.

– Не знаю, – согласился он. – Но все равно как-нибудь дотерплю.

– Такое мужество заслуживает награды, – объявила Фрида. – Пошли, счастливчик. Нас ждут райские наслаждения: еще один вальс, а потом, ты не поверишь, фокстрот!

– Учти, я пока даже не знаю, что это такое.

– Фокстрот – это почти как вальс, только совершенно иначе, – рассмеялась Фрида. – Гораздо веселей. И при этом труднее, чем все, что было до сих пор, но мы с тобой как-нибудь справимся, я в нас верю.

– Если я отдавлю тебе ноги, ты меня все равно не выгонишь?

– Не тревожься, счастливчик, ты в полной безопасности. Если я выгоню тебя, кто купит девочкам шоколад?

Уже на пороге остановилась, картинно хлопнула себя по лбу.

– А главное-то и забыла! Я же заманила тебя в кухню, чтобы проинструктировать. Всякий раз в конце занятия мы танцуем какой-нибудь цвет. Танец может быть любой, сегодня будет фокстрот, но это не принципиально. Цвет выбираю я. Говорю: «Танцуем красный». Или, к примеру, синий. Какой цвет скажу, такой и танцуем. В этом смысле у нас, конечно, страшная тоталитарная диктатура. Но тут уж ничего не поделаешь.

– Но как можно танцевать красный или синий? Это какие-то особенные движения? Притормози, Фрида, я пока даже фокстрот от румбы не отличу.

– Не беспокойся, никаких особенных движений. Просто представь себе этот цвет. Как будто весь мир в него окрасился – у тебя в голове. Тебе понадобятся воображение и внимание. И, конечно, концентрация – на первом этапе. Потом привыкнешь.

Озадаченно покачал головой:

– Вряд ли у меня получится.

– Всего час назад ты грозился, что будешь танцевать, как мешок с песком. Обещал и не выполнил, ай, как не стыдно! Не переживай, счастливчик. Все у тебя получится. Со мной вообще все очень легко. Особенно на первых порах.

* * *

– Танцуем оранжевый, – говорит Фрида. – Зима только началась, всем нам нужны витамины, поэтому будем танцевать оранжевый. Ян, детка, если уж ты все равно забываешь выключить телефон на время занятий, будь добр, хотя бы поменяй мелодию. Потому что лично мне очень трудно продолжать танцевать вальс, когда в ушах звучит такой чумовой рок-н-ролл. Вот как начну скакать тут драной козой – что тогда с вами станет, мои дорогие?

Детке Яну сорок два года, а выглядит он гораздо моложе. У детки Яна светло-рыжие волосы, ярко-голубые круглые глаза и белоснежная кожа, усыпанная мелкими золотыми веснушками. Родись он женщиной, был бы доволен своей молодостью, но бизнесмену его уровня следует выглядеть солиднее; впрочем, не так уж часто внешность действительно мешает в делах, и для таких случаев у детки Яна имеется чрезвычайно полезный генеральный директор, такой солид-

ный, что хоть на пол ложись и плачь.

Иногда, представляясь новым знакомым: «Да-да, совершенно верно, тот самый», – детка Ян чувствует себя примерно как герои ремарковских «Трех товарищей», когда обгоняли на своем Карле новые дорогие автомобили, общее недоумение и смешит его, и, чего греха таить, льстит. Меж тем дела у детки Яна идут так хорошо, что самому иногда не верится; впрочем, бизнес в этом смысле похож на танец: лучше особо не задумываться, а главное – не останавливаться, пусть земля крутится от толчков твоих ног, а не сама по себе, остальное приложится.

Детка Ян заметно прихрамывает при ходьбе, одна его нога короче другой. Но пока он танцует, это не имеет значения. Какая хромота, вы что. Детка Ян танцует как бог. Даже Фрида однажды сказала, что, если вдруг за ней придет смерть, она непременно позовет на выручку детку Яна, потому что танцевать с таким партнером и не воскреснуть решительно невозможно. Детка Ян дал ей слово, что обязательно примчится по первому же зову. Потому что шутки шутками, но – а вдруг это действительно поможет? Он с радостью вернул бы ей долг.

Шесть лет назад детка Ян был уверен, что не доживет до своего следующего дня рождения. Во всяком случае так уверяли его лечащие врачи. «А вот хрен им», – решительно сказала на это Фрида, с которой он познакомился в больничной курилке; она не лечилась, а приходила навещать кого-то из

своих.

«Хрен им, – говорила Фрида, – ты будешь жить, детка. Я знаю, какое лекарство тебе нужно. Еще ни один по-настоящему счастливый человек ни разу не умирал от какой-то дурацкой болезни. Правда, иногда они внезапно гибнут в катастрофах, но это, поверь мне, гораздо веселее больниц. Осталось понять, что может сделать счастливым тебя. Ты когда-нибудь пробовал танцевать? Да плевать на твою ногу, она нам с тобой не начальник. А ну бросай сигарету, пошли в коридор. Конечно прямо сейчас. В моем возрасте и твоем положении глупо хоть что-то откладывать на завтра».

Детка Ян до сих пор жив. В глубине души он считает себя бессмертным.

– Ян, детка, мы танцуем оранжевый, – говорит Фрида. – И учти, если тебе снова кто-то станет трезвонить посреди танца, я за себя не ручаюсь.

– Я уже выключил звук. Прости.

– Ничего, детка. Человеку, который так танцует, я бы охотно простила даже убийство президента. А не только какой-то жалкий телефонный звонок.

Из индийского ресторана на Одминю выходит немолодая пара.

– О боже, – говорит женщина. – Смотри, что творится!

– Что? Где? – ее спутник вертит головой, пытаясь по-

нять, о чем речь.

– Да вот же, вот, прямо тут! Смотри, сколачивают помосты, ставят киоски и развешивают фонари. Похоже, у нас наконец-то будет настоящая рождественская ярмарка. Как в Бремене и Кельне, как в Праге, как в Варшаве, Барселоне и Риге. Как во всех нормальных европейских городах. Селочными игрушками, вязаными носками, жареной ветчиной и глинтвейном на площади. Я уже думала, не доживу. И вот!

– То есть до сих пор у вас не было рождественских ярмарок? – изумленно спрашивает мужчина. – Надо же! Даже не верится. Да, тогда понятно, почему ты так разволновалась. Я рад за тебя, дорогая. И за весь город, конечно.

* * *

Танцевали до девяти, потом долго, никуда не торопясь, пили чай. Потом провожали Анну и Фриду, остальные девочки жили далеко, и их повез по домам Ян, обладатель огромного белоснежного джипа, больше похожего на игрушку великаньего ребенка, чем на взаправдашний автомобиль.

Шли, не торопясь, болтали о пустяках, лепили снежки, замерзли в итоге до изумления, даже невозмутимая принцесса Анна под конец лязгала зубами, как выброшенная на улицу сирота.

Домой пришел за полночь, лег навзничь на диван и заплакал. Не то от боли, не то от облегчения. Наверное, от того и другого сразу. А выплакавшись как следует, заснул, так и не сняв пальто и ботинки. Такого с ним не случилось даже в юности, после самых лихих вечеринок.

Проснулся на рассвете. И не почувствовал себя счастливым. Но твердо знал, что сделал шаг в этом направлении. Самый первый верный шаг с тех пор, как...

С тех пор как.

* * *

– Танец бескорыстен, – говорит Фрида. – Нельзя танцевать «зачем-то» или «для чего-то». Танец – ради танца. Не он для нас, а мы для него. Пока есть танец, того, кто танцует, нет. И это – самое главное. Единственная наша корысть состоит в том, что, когда танец закончится, мы можем быть совершенно уверены, что рано или поздно начнется новый. И это такое счастье, что я каждый день готова плакать от зависти к самой себе.

Слушая ее, танцоры приподнимаются на цыпочки, все как один.

– Танцуем желтый, – говорит Фрида. – Сейчас танцуем желтый, и ничего больше. Арам, золотой, учти, я знаю, что у тебя на уме. И до известной степени разделяю твои чувства.

Мне тоже надоел мороз. Но если ты будешь специально танцевать оттепель, потеряешь кучу сил, а завтра, скорее всего, переживешь горькое разочарование. Поэтому сейчас мы будем просто танцевать желтый, и ты с нами. Желтый, Арам, золотой. Просто желтый, и точка, все, все.

Золотой Арам – почти ровесник Фриды. Большую половину жизни золотой Арам провел в инвалидной коляске, среди россыпей драгоценных камней. Арам был ювелиром, из тех, чья негромкая слава молниеносно разносится по городу «сарафанным радио», и очереди к нему выстраивались на годы вперед. Золотой Арам часто думал: в каком-то смысле даже удачно, что я стал инвалидом в восемнадцать лет, а не, скажем, в тридцать. Успел выбрать подходящую профессию, ни дня не был близким обузой. И жену нашел хорошую, иначе и быть не могло, такой крест на себя взвалить отважится только очень добрая и сильная женщина и только по большой любви. Трех сыновей подняли, дочку-красавицу выдали замуж, построили дом, а уж деревьяев вокруг того дома посадили – видимо-невидимо. А как иначе.

После визита к знаменитому китайскому кудеснику – сам золотой Арам считал его шарлатаном, но жена и дети так просили попытать счастья, что он не смог им отказать, – неожиданно встал и пошел, хотя ни веры, ни надежды не было в нем, только любовь. Страстная любовь к жизни. Китайский чудотворец сказал, этого достаточно.

Так в пятьдесят шесть лет для золотого Арама началась совершенно новая жизнь. Он принялся азартно исследовать внезапно открывшиеся возможности, перепробовал все, до чего смог дотянуться. Ходил в походы на байдарке, заново освоил велосипед, трижды летал на воздушном шаре, съездил на африканское сафари, исколесил на своей машине пол-Европы; до Америки, впрочем, не добрался, рассерженный запретом на курение в самолетах. Однажды, шутки ради, присоединился к танцорам, по случаю праздника выступавшим на Ратушной площади, сделал круг вальса с пришедшей ему на выручку Фридой – и пропал навек.

Всем бы так пропасть.

* * *

– Арам, – говорит Фрида, – не упрямясь, мой золотой. Танцуем желтый, Арам, сейчас просто танцуем желтый, и больше ничего.

На следующий день все городские модницы наденут пестрые резиновые сапожки, а дети по дороге в школу будут снимать и прятать в портфели вязаные шапки. К вечеру вывешенные за окна термометры станут уверенно показывать шесть градусов выше нуля, а еще два дня спустя в проходном дворе на улице Бокишто, через который Фрида любит ходить, когда нет гололеда, расцветет, не дожидаясь весны,

желтая форзиция. «Вот засранец, – восхищенно подумает Фрида, – настоял-таки на своем!»

Сердиться на Арама она не станет. Победителей не судят. К тому же морозы действительно ужасно надоели. А цветение во время зимы Фрида всегда считала доброй приметой.

* * *

Когда, допив чай, стали одеваться, Фрида положила руку ему на плечо.

– Счастливчик, у меня такое ощущение, что ты хочешь добавки, – твердо сказала она. – А попросить стесняешься.

– Стесняюсь, – легко согласился он. – А что, можно?

– Можно. При условии, что потом проводишь меня домой. А то я, знаешь, балованная маменькина дочка. Без кавалеров по вечерам гулять не приучена.

– Проводить тебя домой – это дополнительное удовольствие. Кто же в здравом уме от такого откажется?

– Тогда договорились.

Когда они остались одни, Фрида рассеянно нажала на кнопку электрического чайника, уже отключенного от розетки. Так и не заметила своего промаха. Села напротив, испытующе заглянула в глаза. Сказала:

– У тебя такая дыра в сердце, бедный мой счастливчик.

Такая страшная дырища. Это смерть, да? Кто-то у тебя умер. Самый важный для тебя человек. А ты остался – не жить, доживать. Очень глупо с твоей стороны, но ничего не поделаешь.

– Умер, да. Друг. Но это было очень давно. И я научился жить без него. То есть научился думать, что научился. На самом деле, конечно, нет.

– Друг, – задумчиво повторила Фрида. – Вот, значит, как. Надо же. Обычно прорехи таких размеров оставляют дети, но всякое, конечно, бывает... Слушай, а ты уверен, что называешь вещи своими именами? Это был не просто друг, да? Это была любовь? По тебе не скажешь, но... Вы спали вместе?

Укоризненно покачал головой:

– Не спали, Фрида. Играли. Мы были музыкантами. Два саксофониста. Я – тенор, он – альт. По отдельности – так, ничего выдающегося. А вместе мы были почти боги. Вернее, один двухголовый, многорукий, совершенно безбашенный бог. Вместе мы могли абсолютно все. И, да, ты совершенно права, это была любовь. Что ж еще.

– О боже. Тогда я понимаю. Он умер, и с тех пор ты не можешь играть?

Эхом повторил:

– Он умер, и с тех пор я не могу играть. А значит, я умер вместе с ним. Хотя формально остался жив. Ты права, в этом все дело.

Помолчали.

– Прости мою солдатскую прямоту, счастливчик, но, мне кажется, ты зря сдался, – наконец сказала Фрида. – Огромная потеря, я понимаю. Но зачем добровольно делать ее еще больше? Руки, губы и легкие пока при тебе. Скажешь, нет?

Яростно помотал головой:

– Нет. Не добровольно. Я ничего не решал. Просто не смог.

– Не смог – что?

– А ничего не смог. Штука же не в том, что дуэтом мы звучали много лучше, чем порознь. Я не настолько амбициозен. Но чтобы играть – нет, не так, чтобы *делать из себя* музыку – надо внутренне соглашаться с тем, что принадлежишь этому миру. Что ты – малая часть прекрасного неопостижимого целого, которое будет сейчас литься через тебя – сколько сможешь пропустить, и еще – через край. А если такого согласия нет, будешь фальшивить. И дело, как ты понимаешь, не в технических огрехах.

Фрида молча кивнула...

– Я не раз слышал о людях, которые, похоронив кого-нибудь близкого, решали, что Бога нет. Или того хуже, проклинали Его навек за бессмысленную жестокость. Это не мой случай. Я никого не проклинал. И веру не утрачивал. Собственно, нечего было утрачивать, в том месте, где у нормальных людей вера, у меня всегда был один огромный неформулируемый вопрос, и уж он-то никуда не делся.

– Тогда почему?

– Потому что я никогда не смогу ни понять, ни тем более принять мироустройство, логика которого допускает, чтобы такие люди, как Лис, умирали совсем молодыми. Он был сама радость, ветер и свет, воплощенный смысл бытия, гораздо более уместный среди живых, чем любой из нас, уцелевших. И позарез необходимый – мне и многим другим. Но все это оказалось совершенно не важно.

– Да, – сказала Фрида. – Наверное, я тебя понимаю. К сожалению.

– На самом деле никакой логики, скорее всего, нет вообще. Никакого замысла, ни тайного, ни явного. Только слепая игра случая, как и вся жизнь на Земле. Нечего тут ненавидеть, некого проклинать. Но ощущать себя частью реальности, в которой умер Лис, я все равно не могу. Так и живу с тех пор инородным телом. Возможно, именно поэтому из меня получился неплохой, как считают коллеги, юрист. Законодательные акты – нелепые нагромождения наспех придуманных идей, по большей части абстрактных. Они даже не то чтобы противоречат природе и смыслу бытия, а просто находятся где-то сбоку, как бантик, прилегающий ко всякому «черт-те что». И это мне сейчас близко и понятно. Я сам, в некотором роде, такой бантик.

– А потерять хлебную профессию не боишься? – неожиданно рассмеялась Фрида. И дружески пихнула его в бок локотком, острым, как лезвие мизерекордии.

– Боюсь? Да нет, с чего бы. Как, интересно, я могу ее потерять?

– У занятий танцами порой бывают самые непредсказуемые последствия, – очень серьезно сказала она. – В один прекрасный день ты можешь проснуться и обнаружить, что перестал быть «сбоку бантиком». И худо ли, хорошо ли, а снова принадлежишь этому миру. И что тогда?

Пожал плечами:

– Тогда я просто снова возьмусь за саксофон. Но, знаешь, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Я предпочитаю говорить: «Достаточно хорошо, чтобы быть правдой». Как тебе такая формулировка?

* * *

– Танцуем коричневый, – говорит Фрида. – Стас, мальчик мой, прекрати так гнусно ухмыляться. Держи себя в руках. Коричневый – это не только цвет дерьма. А еще, к примеру...

– Шоколада, – хором подсказывают девочки и Ян, страстный любитель сладкого.

– И еще медвежьей шкуры, – смущенно добавляет Дайва.

– И корабельных досок, – подхватывает Анна. – И древесных стволов.

– И крепко заваренного чая.

– Тогда уж и кофе.

– И старой школьной формы.

- И коровы моей бабушки.
- И двухтомника Фицджеральда.
- И...
- Иииии...

– И всякого дерьма, – добродушно заключает мальчик Стас, чрезвычайно довольный своей находчивостью.

Мальчик Стас недавно разменял седьмой десяток. Мальчику Стасу до сих пор плохо дается вальс, зато он практически король танго. При звуках танго мальчик Стас, добродушный увалень, болтун и балагур, вдруг дивным образом преображается, даже отвисшие щеки подтягиваются, пухлые губы сжимаются в злую, ласковую нить, скулы становятся резче, а черешневые глаза начинают полыхать неподдельной страстью.

Тридцать лет назад мальчик Стас овдовел. Жена вышла в булочную за хлебом для ужина и не вернулась; ее нашли наутро в соседнем дворе, среди мусорных баков, спрятанных за жасминовыми кустами. Несколько десятков ножевых ранений, из которых только одно оказалось смертельным. Не то тайный ревнивый любовник счеты свел, не то просто маньяк. В любом случае убийцу не нашли, а мальчик Стас остался с двумя трехлетними сыновьями-близнецами на руках. Жениться снова не стал. Сам вырастил мальчишек. И каких! Один теперь большой начальник на телевидении, другой – специалист по аппаратуре настолько хитрой, что родной отец не в силах уяснить, в чем, собственно, заключа-

ется его работа.

Мальчик Стас всю жизнь проработал таксистом и до сих пор с удовольствием возит пассажиров, хотя сыновья против, они могли бы обеспечить обожаемому отцу не просто достойную, а натурально сладкую жизнь. Но мальчик Стас не поддается на уговоры. Такси – это люди. Каждый день десятки новых людей. С одними интересно поговорить, других можно послушать, третьим сразу хочется исповедаться, а остальных можно просто разглядывать.

Чем дольше мальчик Стас возит людей, тем меньше их понимает. И тем больше они ему интересны.

– Ой, смотри, допрыгаешься у меня! – смеется Фрида и показывает мальчику Стасу кулак. – А вы чего ржете? – грозно спрашивает она остальных. – Смотрите, всех оставлю без сладкого. В частности, без шоколада, коричневого, как де... Ой. Тьфу на вас! До чего пожилую интеллигентную женщину довели.

В течение следующих десяти минут вся группа хохочет до полного изнеможения. Невозможно остановиться, когда смеешься в такой большой компании, тут только палец покажи, и все снова заходятся, постепенно сползая на паркетный пол.

– Ладно, – говорит Фрида, вытирая батистовым платочком выступившие слезы. – Все хороши. И я хороша, не спо-

рю. А теперь, дети, все-таки танцуем коричневый. Соберитесь.

По проспекту Гедиминаса бежит щенок бассета. За ним волочится поводок. Хозяин щенка, мальчишка лет двенадцати, тоже бежит со всех ног, но расстояние между ними постепенно увеличивается. Поди поймай такого резвого неслуха, до полусмерти перепуганного собственным своеволием, лаем чужих собак, зимними башимаками прохожих, шумом, перекрывающим голос хозяина, гудками автомобилей и ослепительным светом их фар.

Словно нарочно решив максимально ухудшить и без того драматическую ситуацию, щенок выскакивает на проезжую часть. Раздается визг тормозов. «Нееееет!» – страшным голосом кричит мальчишка и, обессилив от отчаяния, садится прямо в сугроб.

Минуту спустя к нему подходит коротко стриженная женщина в спортивном костюме и высоких зимних кроссовках. Несет в охапке визжащего, вырывающегося щенка. Коротко спрашивает: «Твой?» И, не дожидаясь благодарности, разворачивается и переходит на бег. И так опаздывала на тренировку, да еще из-за этих двух дурачков столько времени потеряла, надо наверстывать.

«Такие трогательные оба, – умиленно думает она, сворачивая в сторону Зеленого моста. – Хорошо, что все обошлось».

Зачем-то пришел на целых полчаса раньше, ругал себя за это последними словами, думал, придется теперь топтаться на морозе, и, как назло, ни одного кафе рядом, чтобы там подождать. Но ему повезло, дверь уже была открыта, Фрида сидела на кухне и разговаривала по телефону.

– Ангел мой, – говорила она, – ты прекрасно знаешь, я никогда никого не ругаю за прогулы. Все взрослые люди, у всех бывают неотложные дела и непреодолимые обстоятельства. Зачем ты снова рассказываешь мне эту нелепую историю?.. Нет. Нет. А я говорю, неправда. А если даже правда, впредь потрудись ее от меня скрывать. Она разбивает мне сердце... Что? Господи, ну конечно, мы тебя подождем. Да. Совершенно верно, начнем на четверть часа позже. И закончим соответственно. С превеликим удовольствием. Да, ради тебя. Просто потому что я тебя люблю. И не только я. И мы все очень соскучились. Давай, бегом.

Спрятала телефон в карман и только тогда заметила, что уже не одна. Улыбнулась, растерянно развела руками, сказала:

– Привет, счастливичик. Видишь, нашлась наша пропажа.

– А кто у нас пропажа?

– Люси, конечно. А, ты же ее пока не знаешь. Ты пришел ровно в тот день, когда она в очередной раз сгинула на две

недели, и это, увы, еще не рекорд. Я ее очень люблю. Явилась ко мне три года назад, как раз перед самым Рождеством, с виду – совершеннейший мальчишка, штанишки, курточка, вязаная шапка до бровей, упрямый подбородок, нахальный взгляд исподлобья. Заявила: «С детства мечтала быть настоящей девочкой и танцевать вальс в красивом платье, правда же, вы меня к себе возьмете?» С тех пор сшила себе полдюжины платьев, а танцует так, что лично я смотрела бы, не отрываясь. Но занятия прогуливает безбожно. Что, впрочем, полбеда. Если бы она при этом не выдумывала всякие ужасы, цены бы ей не было.

– Ты меня заинтриговала. Что за ужасы?

Фрида нахмурилась. Неохотно сказала:

– Всякий раз твердит одно и то же. Никакой фантазии! Говорит, будто иногда просыпается в мире, где нет нашей танцевальной студии. Все остальное на месте – город, работа, родители, друзья, парки, кафе, велосипед и любимый каток, – но студии нет. Вместо нее в этом доме на Раугиклос магазин, торгующий швейными машинками. Почему именно швейными машинками, хотела бы я знать?! Если бы я взялась сочинять подобную историю, поместила бы здесь тренажерный зал, так гораздо правдоподобней... Да, и мой телефон в этой ситуации, конечно же, не отвечает. А когда отвечает, трубку берет какой-то неприятный пожилой господин, кричит, что никакой Фриды тут нет, требует больше не беспокоить. Люси говорит, будто ничего не может с этим поде-

лать. Просто живет дальше, как ни в чем не бывало, но каждый день проверяет: вдруг мир снова изменился и мы уже есть. Ходит сюда или просто мне звонит. И что бы ты думал? В какой-то момент все действительно возвращается на место, и Люси воссоединяется с нами. Как тебе это нравится, счастливец?

Долго думал прежде, чем ответить.

– Знаешь, а я как раз вполне способен поверить в такие штуки. У нас в свое время даже целая теория была. Ну, что почти одинаковых версий реальности видимо-невидимо, и все люди порой, сами не подозревая, перепрыгивают из одной в другую, причем, скорее всего, во сне, когда же еще. И только немногие способны осознать эти перемещения, подмечая различия в пустяковых деталях: отсутствие любимой радиостанции на знакомой волне, цветущие акации на улице, где всегда росли только липы, кондитерская на месте сапожной мастерской, откуда только вчера забрал отремонтированные ботинки... И учти, в качестве безумного автора этой бредовой идеи, а значит, единственного научного авторитета в данной области, я совершенно уверен, что твоя танцевальная студия есть абсолютно везде. Во всех измерениях, или как их положено называть. Просто там, куда заносит твою бедную Люси, она находится по какому-нибудь другому адресу. А у тебя другой номер телефона, с разницей в одну цифру, вот и все.

– Какая чушь, – проворчала Фрида. Впрочем, она заметно

повеселела. Спросила: – А почему ты так уверен, что моя студия там есть?

– Потому что мир, в котором нет ни тебя, ни твоих танцев, – это совершенно бессмысленно. И даже жестоко. А реальность не может быть бессмысленной и жестокой. Лично я в такое не верю.

– Боже мой, – Фрида смотрела на него круглыми от изумления глазами. – Реальность не может быть бессмысленной и жестокой? Ты это сказал, счастливчик? Сам? По доброй воле? Никто тебя не заставлял? Совсем рехнулся. Дай я тебя обниму.

* * *

– Люси, – говорит Фрида, – Люси, ангел, ну наконец-то. Быстро марш переодеваться, мы тебя заждались.

Ангел Люси смеется, кивает, обнимается со всеми, кто подвернется под руку, невпопад отвечает на вопросы. Наконец замечает новое лицо, умолкает на полуслове, смотрит на него во все глаза.

– Ой, – говорит Люси. – Кажется, я тебя знаю. Ты играешь на саксофоне, да? Ну точно же! Дуэт «Феликс и Лис». Когда вы выступали, я была студенткой и влюбилась по уши – в вас обоих примерно на неделю, в джаз – на всю жизнь. Господи, только сейчас поняла, как давно вас не слушала. Куда вы оба подевались? Или это я подевалась? А ты Феликс или Лис?

И как, скажите на милость, ей отвечать.

Правду и только правду?

– Сегодня – Лис. Тогда был Феликс. Все очень сложно. Однажды один из нас умер, и с тех пор я пытаюсь понять, кто именно.

– Господи, – говорит Люси, – бедные Феликс и Лис. Ну почему нельзя было оставить в живых обоих?

Справедливый вопрос. И адресат в общем выбран верно. Кого еще о таких вещах спрашивать.

* * *

– Люси, ангел мой, – говорит Фрида, – а ну марш переодеваться. Ждем тебя, страстно бия копытами и раздувая от нетерпения ноздри. И даже отчасти прядая ушами. А тебя все нет и нет. Только какой-то посторонний мальчишка в холле топчется.

Ангел Люси и правда похожа на хорошенького мальчишка, когда приходит на занятия в джинсах, теплой куртке и черной вязаной шапке, надвинутой до бровей. Ангел Люси похожа на хорошенькую кудрявую куклу, когда переодевается в синее бархатное платье и бальные туфельки на каблучках. На взрослую женщину тридцати шести лет, любимицу нескольких поколений университетских студентов-гуманитариев, автора доброй дюжины монографий, названия ко-

торых мало кто способен прочитать иначе как по слогам, ангел Люси не бывает похожа ни при каких обстоятельствах. Что совершенно не мешает ей всем этим быть – в те редкие часы, когда она способна быть чем-то конкретным.

Ангел Люси очень не любит пропускать занятия. Эти дурацкие вынужденные прогулы выбивают ее из колеи. И после всякого невольного исчезновения ангел Люси понимает, что следовало бы придумать какую-нибудь незатейливую историю о внезапной командировке, простуде, свадьбе сестры или еще что-то в таком роде, правдоподобное и безобидное. Но ангел Люси слишком любит Фриду, чтобы врать ради ее спокойствия.

Ангел Люси всегда говорит Фриде правду.

Беда Фриды в том, что она это знает.

* * *

Фрида говорит:

– Танцуем зеленый. Но не теплый цвет молодой листвы и свежей травы, о нем пока забудьте. Сегодня мы будем танцевать изумрудный. Холодный, блистательный, неумолимый. И не говорите, что я вас не предупредила.

Фрида говорит:

– О чем задумался, счастливец? Ты прекрасен, как вечерняя заря, и я желаю с тобой танцевать.

Фрида говорит:

– С кем еще танцевать такой злой, такой прельстительный и страшный зеленый, как не с тобой.

* * *

Пока не попробовал, даже не предполагал, как легко, оказывается, танцевать заданный цвет. Представлять, как жидкая яркая краска заливает все окружающие предметы, паркетный пол, зеркальные стены, низкий, давно небеленый потолок, как разбавляется цветным сиропом густая заоконная тьма, как меняют цвет фиалковые глаза его лучшей в мире учительницы, как звуки бесхитростной музыки превращаются в цветные сияющие нити, трепещут и оплетают танцующие тела, как наконец окрашивается внутреннее пространство, которое привык считать пустотой.

Видеть, как весь мир исчезает в цветном подвижном тумане, а потом сладко взрывается с нежным, но явственно слышимым хлопком, и тогда все становится цветом и светом, перестает существовать, начинает быть, и тогда...

* * *

Феликс уже почти знал, что происходит тогда, что за паутина плетется, что за дыры латаются. Уже почти понимал, что такое эти разноцветные танцы и зачем они. Уже по-

чти видел радужные круги, медленно расходящиеся по поверхности океана времени. Но сформулировать все это не смог бы даже на своем внутреннем почти бессловесном языке, специально предназначенном для переговоров с бездной, притаившейся в дальних коридорах сознания. Впрочем, бездна-то в пояснениях не нуждалась, она просто была счастлива – впервые с тех пор, как пришлось убрать в шкаф футляр с саксофоном.

И впервые за эти годы Феликс подумал, что победить смерть гораздо проще, чем кажется.

И почему бы не попробовать прямо сейчас, пока весь мир и он сам – изумрудно-зеленый свет, и смерть – изумрудно-зеленый свет, и желание ее победить – изумрудный свет тоже.

И мертвый Лис – изумрудный свет, как все остальное. Как будто он здесь, как будто тоже танцует, как будто живой.

* * *

Фрида думает: «Этого следовало ожидать».

Фрида думает: «Если бы он не попробовал, я бы, пожалуй, даже рассердилась».

Фрида думает: «А все-таки придется дать ему по ушам. Бедный мой бедный».

Фрида шепчет:

– Да, счастличик, ты правильно все понимаешь. И в то же время, ты пока не понимаешь вообще ничего. Поэтому, по-

жалуйста, прекращай фантазировать. Твой друг не воскреснет от того, что ты тут со мной танцуешь. Мертвые вообще никогда не воскресают. И это, поверь мне, к лучшему.

Феликс ничего не говорит. Он думает: «Да. Ты, конечно, права. Извини. Но я не мог не попробовать».

Фрида сочувственно кивает в ответ. Она думает: «Конечно, ты не мог».

– Жалко, что ты с нами не пошел, – говорит своему другу девушка с малиновыми волосами. – Мы сперва просто гуляли, а потом забрели на какую-то улицу, забыла, как называется, там еще такая арка между домами; ну, не важно, если захочу, найду, я дорогу запомнила. И там играл невидимый трубач. То есть я так и не поняла, где он прятался. И никто не понял. Там с одной стороны глухая стена, без окон и дверей, а с другой – забор из металлических прутьев, за ним обычный двухэтажный дом и двор, засаженный страшными черными трупами прошлогодних подсолнухов. Но во дворе точно никого не было, только толстая трехцветная кошка, и еще старуха выходила ее покормить, но почти сразу ушла. И никаких трубачей.

– Так он, наверное, в том двухэтажном доме и сидел.

– Ну да, больше нигде. Хотя звук был такой, как будто он прямо тут, рядом с нами на улице стоит. Только невидимый. И как он здорово играл! Ленка под конец вообще разревелась, и я тоже, но совсем немножко... Вообще никогда

такого не слышала – чтобы одна труба так круто звучала. Мы час оттуда уйти не могли, хотя замерзли ужасно. Но все равно стояли, пока музыка не умолкла. Жалко, что ты не пошел. Так было хорошо.

* * *

В Сочельник Феликсу не сиделось дома. Обычно на эти дни он уезжал из города – в горы, или в теплые края, или просто на хутор к дальней родне, все равно куда, лишь бы ехать. В путешествии все кажется не совсем настоящим, и это такое облегчение, что ездил бы и ездил, не останавливаясь нигде дольше чем на два дня. И сам толком не понимал, зачем всякий раз возвращается домой. Неужели только из-за работы? Ой, не смейся.

Но в этом году никуда не поехал. Не захотел пропускать танцы. Только-только вошел во вкус, не время сейчас делать перерыв. Хоть убей, не время.

Но сидеть дома в рождественский вечер оказалось невыносимо. Вина не хотелось, заранее приготовленные книги нагоняли тоску, кино даже включать не стал, и так ясно, что сейчас не пойдет. Только мандарины шли на ура, но после первого десятка ему надоело их чистить. Помаявшись, стал одеваться. Рассовал по карманам пальто оставшиеся мандарины, решил – съем на ходу. Вышел в совершенно пустой, заново обледеневший после недавней оттепели город и отпра-

вился куда глаза глядят.

Глаза в последнее время глядели исключительно в одном направлении. Понятно в каком. Пока шел на улицу Раугиклос, думал: «Ну и дурак. Рождество – семейный праздник, нет там сейчас никого». Но не сумел даже уговорить себя пойти кружным путем вместо кратчайшего.

Еще издалека увидел, как ярко светятся окна танцевального зала. И уж тогда дал себе волю – побежал.

* * *

Фрида была в кухне. Как раз ставила кастрюлю для глинтвейна на электрическую плитку.

Конечно не удивилась. Сказала:

– Вот молодец, вовремя пришел. Мне как раз в кои-то веки позарез нужен мужчина. Желательно, прекрасный, как вечерняя заря; впрочем, это не главное. Лишь бы руки не совсем из задницы росли. Не могу открыть дурацкую бутылку. Слишком редко практикуюсь, вот в чем моя беда.

Сказала:

– Я всегда встречаю Рождество здесь. И никого никогда не приглашаю присоединиться. Но непременно варю глинтвейн, потому что каждый год кто-нибудь да приходит. Сам, без приглашения. Потому что дома стало не вмоготу, или еще по какой-то причине. Не важно.

Подмигнула:

– И всякому, кто приходит сюда встретить со мной Рождество, я делаю отличный подарок.

– Ого! А у меня только мандарины.

И принялся выкладывать их из карманов на стол. Остановился, только когда Фрида сказала:

– Опомнись, счастливчик. В твои карманы никак не могло поместиться полсотни мандаринов. А эта уже пятьдесят первая.

– Извини, я не нарочно. Надеюсь, они все-таки съедобные. А что у тебя за подарок?

– Самый лучший, – сказала Фрида. – Я буду с тобой танцевать. Конечно, я и без всякого Рождества танцую с тобой дважды в неделю. Но сегодня все будет немного иначе, счастливчик. Не совсем то, к чему ты привык. Сегодня мы оба будем танцевать *для тебя*.

* * *

– Танец бескорыстен, – говорит Фрида. – Не он для нас, а мы для него. Я твержу это чуть ли не на каждом занятии, и еще не раз повторю, будь уверен, потому что это важнейшее из правил, не усвоив его, ни к чему путному не придешь. Но любое правило можно чуть-чуть нарушить – изредка. Скажем, раз в год. Например, на Рождество. Поэтому сегодня мы будем танцевать для тебя, счастливчик. Не знаю, к чему это приведет. То есть ничего конкретного обещать не могу.

Кроме одного: все станет немного иначе. И тебе эти перемены, скорее всего, понравятся. Потому что ты не дурак, счастливец. Совсем не дурак.

Только не вздумай загадывать желание, – говорит Фрида. – И даже не потому, что это наивернейший способ все испортить. Желание – насилие над реальностью, а мы сейчас стараемся с нею подружиться. Но, кроме того, скажи мне, положи руку на сердце: неужели ты сам знаешь, чего на самом деле хочешь?

«Я-то как раз знаю, – думает Феликс. – Я хочу музыку. Музыку и Лиса, потому что музыки без Лиса не бывает, я не умею быть музыкой без него. Но мертвые не воскресают, поэтому все мои желания можно смело засунуть в задницу прямо сейчас. И просто танцевать».

– То-то и оно, – говорит Фрида. – То-то и оно.

И нажимает кнопку на блестящем корпусе музыкального центра.

– Всегда знала, счастливец, что твой танец – фокстрот. Очень легко тебя учить, – говорит Фрида. – Поначалу ты и правда двигался как мешок с песком, но уже тогда умел самое главное: дышать в одном ритме с партнером. Я ни слова не сказала тебе про дыхание, ты все сделал сам, мгновенно подстроился под меня, и дело сразу пошло.

«Еще бы я этого не умел, – думает Феликс. – Мы с Лисом всегда дышали как одно существо. Без этого у нас ничего бы не вышло».

– У меня хорошая новость, – говорит Фрида. – Только никому не говори, пусть это будет наш с тобой секрет. Смерти нет, счастливчик, есть только иллюзия, достоверная, как всякий хороший цирковой фокус. Трюкач ныряет в замаскированный люк, а зрители в зале думают, будто он только что исчез навсегда. Смерти нет, счастливчик, и это значит, что вы с Лисом еще не раз сыграете вместе. Только не спрашивай, где и когда, откуда мне знать. Не здесь, не прямо сейчас, это правда. Ну и что. Можно немного потерпеть. – Смерти нет, – говорит Фрида. – А если она есть, тогда нет меня. Или я, или она – именно так стоит вопрос.

«Ну уж нет, ты совершенно точно есть, – думает Феликс. – Иначе с кем я сейчас танцую?»

– То-то и оно, – повторяет Фрида. – То-то и оно.

* * *

Когда, допив глинтвейн, они вышли на темную морозную улицу, Фрида сказала:

– Представляешь, в тот день, когда мы познакомились, я еще лица твоего не видела, только спину, а уже придумала, что, если десять тысяч раз назову тебя «счастливчиком», это непременно поможет тебе им стать. Очень хочу посмотреть на счастливого тебя. Ужасно интересно, как это будет выглядеть.

Спросил:

– И сколько раз уже назвала?

– Четыреста восемьдесят семь раз, счастливчик. О! Уже четыреста восемьдесят восемь. Запасись терпением, я делаю все что могу.

* * *

Фрида говорит:

– Не грусти, счастливчик, мы еще не раз потанцуем вместе. Но сейчас для тебя пришло время снова начать с нуля. То есть с другой партнершей. Без моей помощи.

Теперь – все сам. Не волнуйся, счастливчик, лично я за тебя совершенно спокойна. И считаю, что все прекрасно получится. Веришь ли ты своим ушам?

Феликс говорит:

– Конечно, не верю. Но какая разница. Все равно будет, как ты скажешь. Вне зависимости от того, правильно я слышал или нет.

Фрида говорит:

– Учитесь у него, дети. Вот как надо льстить педагогу.

Фрида говорит:

– Теперь будешь танцевать с Соней. Соня восхитительна, как звезда Канопус; впрочем, это вполне очевидно и без моих речей. Соня, я уверена, родилась специально для того, чтобы танцевать, но тут в Небесной Канцелярии случилась

генеральная уборка, папки со списками призваний засунули на самую дальнюю полку, и на какое-то время все безнадежно перепуталось. Потом дежурные ангелы спохватились³ – лучше поздно, чем никогда! – и теперь Соня с нами. Пользуйся этим обстоятельством, счастливчик. У тебя на первых порах наверняка будут проблемы, ты слишком привык полагаться во всем на меня; твоё тело, конечно, всё помнит, а вот голова поначалу станет сбивать его с толку. Ничего, справишься, и Соня тебе поможет, не сомневайся. Она восхитительная танцовщица. Она вообще восхитительна – во всем.

...Восхитительной Соне скоро исполнится сорок; на свои сорок она и выглядит, но ещё три года назад ей можно было дать все пятьдесят. В восхитительной Соне сто шестьдесят сантиметров роста и восемьдесят килограммов живого веса, но она не грустит: три года назад килограммов было, страшно сказать, сто двадцать, и где они теперь.

Впрочем, когда восхитительная Соня танцует, она весит не больше тридцати кило. Конечно, танцуя, нельзя встать на весы, но Сонины партнеры – надежные свидетели, ни один из них не стал бы врать ради пустых комплиментов.

Когда муж восхитительной Сони во время очередного заповя заперся в сарае, намереваясь повеситься, она не стала звать на помощь и взламывать дверь, как не раз поступала

---

³ Канопус, она же Сухаин у арабов, она же Шоу-син у китайцев – вторая (после Сириуса) по яркости из видимых в Северном полушарии звезд.

прежде, а надела свое единственное более-менее приличное платье и пошла гулять. Впервые за много лет посидела в кафе, впервые в жизни купила себе букет пионов. Вернулась домой поздно вечером, когда все было кончено, а она – свободна.

Восхитительная Соня вовсе не уверена, что поступила хорошо. Но если бы ей дали возможность еще раз сделать выбор, не стала бы ничего менять.

У восхитительной Сони трижды рождались мертвые дети; она твердо знает, что четвертый родится живым. Но, вопреки сводному хору врачей и подруг, предрекающему, что скоро будет поздно, не спешит. Сейчас надо просто танцевать, не только по средам и субботам, а каждую свободную минуту, дома – под старые виниловые пластинки с вальсами, в саду – тихонько напевая под нос. А потом все как-нибудь случится само.

Свободных минут у восхитительной Сони не так уж много: с утра она работает в своем магазине одежды, после обеда – на огороде, а зимой сидит за книгами, получает второе образование – педагогическое, как мечтала с детства.

Восхитительная Соня твердо знает, что ее жизнь только начинается.

* * *

Когда Феликс пробовал танцевать дома, один – сперва,

чтобы понять, удалось ли хоть что-то усвоить, а позже ради тренировки и удовольствия – ему достаточно было представить, как ложится на плечо горячая рука Фриды, и все получалось само. Но Соня совсем не походила на Фриду, поэтому во время их первого танца он путался так отчаянно и позорно, что чуть не разрыдался от беспомощности, как маленький.

Соня была беззаботна и великодушна, она не просто прощала ему все ошибки, а вела себя так, словно ей достался самый безупречный партнер во вселенной. Поэтому дела понемногу пошли на лад еще до перерыва, а к концу занятий он чувствовал себя так, словно танцевал с толстой невесомой Соней всю жизнь, и даже не представлял, что может быть как-то иначе.

* * *

Фрида говорит:

– Сегодня танцуем красный. Вита, солнышко, можешь считать, это дружеский намек специально для тебя: когда будешь придумывать новое платье для танцев, шей красное, вот тебе мой совет. Этой весной красный, я знаю, не в моде, но какое дело до переменчивой моды нам, в чьем распоряжении вечность?

Солнышко Вита – миниатюрная блондинка с тонким по-

терьянным лицом доброй феи, внезапно разучившейся колдовать. Солнышку Вите почти сорок пять; к ней до сих пор порой пристают на улице желающие познакомиться студенты и даже старшие школьники, и тут ничего не поделаешь, как говорил папа: «Мелкая собачка до старости щенок».

Солнышко Вита лепит кукол из паперклея, шьет для них кружевные платья. У всех ее кукол есть крылья; у большинства – невидимые. Куклы солнышка Виты так хороши, что за ними приезжают издалека, ждут, сколько потребуется, платят, не торгуясь. Если бы солнышко Вита понимала, что такое будущее, она могла бы считать его обеспеченным. Но солнышко Вита только теоретически знает, что имеют в виду люди, когда говорят о завтрашнем дне. Она умеет пользоваться календарями и даже записывать в ежедневник напоминания о предстоящих делах, хотя чувствует себя при этом немного неловко, словно ее вот-вот поймают на мелком вранье. Жизнь в представлении солнышка Виты – это один бесконечный сегодняшний день.

Солнышко Вита – одна из трех сестер-близнецов. Единственная выжившая при родах. Родители не рассказывали солнышку Вите о мертвых сестрах и очень испугались, когда трехлетняя дочь заговорила о них сама. Солнышко Вита совсем не хотела пугать родителей и больше не упоминала при них о сестричках, которые живут в чудесном месте, не похожем ни на одну из прочитанных сказок, и время от времени приходят с ней поболтать.

Солнышко Вита, конечно, немного жалела, что не может угостить сестер пирогом, поиграть с ними в прятки и «Эрудита» или поехать к морю большой веселой компанией. Но не огорчалась. Разговоры – это тоже немало. Особенно когда тебе рассказывают такие интересные вещи, каких ни в одной книжке не вычитаешь. Эти истории солнышко Вита потом пересказывала своим куклам; возможно, именно потому у них выросли невидимые крылья, а в глазах появлялась небесная глубина, пугающая детей и магнитом притягивающая взрослых коллекционеров.

Солнышко Вита привыкла жить среди потусторонних голосов и живых людей, от которых эти голоса следовало во что бы то ни стало скрывать. Она не видела в своем положении большой беды, только некоторое неудобство. С временем сестрички подросли, научились сдержанности и стали появляться только в отсутствие посторонних. Солнышку Вите, конечно, стало полегче. Но от одиночества, в юности казавшегося единственно возможным вариантом судьбы, отказываться не стала. Привыкла уже. И не хотела ничего менять.

Одну из кукол солнышка Виты друзья подарили Фриде. Несколько дней спустя Фрида отыскала художницу, сказала, что кукла скучает без подруг, а денег, чтобы купить еще одну, нет и не предвидится. Спросила, не согласится ли мастерица поменять любую свою работу на пожизненную возможность бесплатно заниматься бальными танцами. Солныш-

ко Вита так растерялась, что приняла предложение. Впрочем, сестрички оказались чрезвычайно довольны этим обстоятельством, кто бы мог подумать, что им так понравятся танцы. Особенно Фридины. Особенно цветные.

Фрида говорит:

– Сегодня танцуем красный. Вита, солнышко, ты замерзла? Да, очень холодный в этом году апрель. Ничего, сейчас согреешься. И я с тобой за компанию, и вообще все. Танцуем красный.

– Ну, слушай. Можно выдыхать, – негромко говорит в телефонную трубку невысокий широкоплечий мужчина. Голос его звучит спокойно, даже небрежно, лицо закрыто капюшоном, волнение выдает только рука, лихорадочно отстукивающая по бедру какой-то фантасмагорический марш. – Будет у нас фестиваль уличной музыки. И в этом году, и в следующем. В мае, как всегда и было. Ложная тревога, никто нас закрывать не собирался, только попросили на неделю вперед перенести, но это, по-моему, вообще не проблема, афиши мы пока не печатали, а на сайте сегодня же быстренько все исправим... А? Да, я тоже думаю, что к лучшему. Может, хоть немного потеплеет к тому времени. Все-таки очень поздняя в этом году весна, я таких холодов в апреле вообще не припомню.

Когда Феликс заметил Люси на уличной веранде кофейни, обрадовался, замахал руками, бросился к ней. Давным-давно собирался вызнать номер ее телефона, предложить встретиться – просто так, между занятиями, где угодно, зачем-нибудь. Потому что танцы у Фриды по средам и субботам – это, конечно, почти вся их жизнь. Но есть и еще кое-что кроме танцев. Ну теоретически должно быть. Осталось только придумать, что именно. А придумывать лучше вместе.

Чувствовал: Люси будет рада любому его предложению. Но откладывал разговор, потому что больше всего на свете хотел случайно встретить ее где-нибудь в городе, не договариваясь о свидании, не стараясь угадать, по какому графику она живет и какими маршрутами ходит, не выслеживая, не надеясь на встречу, не мечтая, вообще не думая о ней, пока не удастся столкнуться нос к носу – вот в точности как сегодня. Решил: все начнется для нас с нечаянной, необязательной встречи где-нибудь в Старом Городе, весной или, может быть, только летом, как повезет. Если, конечно, вообще что-то начнется.

Стоп. Никаких «если». Начнется, и точка.

Добежал. Сел рядом на единственный пустующий, словно бы специально для него оставленный стул. Сказал:

– Ты даже не представляешь, как я рад.

Люси задумалась. Надолго, секунды на три. Наконец честно сказала:

– Да ну, вполне представляю. Сама рада примерно так же. Не давая опомниться, проинструктировала:

– Тут надо все заказывать у стойки. Эспрессо у них безупречный и еще миндальный хорош – но это при условии, что ты в принципе любишь латте. Если захочешь меня чем-нибудь угостить, имей в виду, кофе я уже выпила достаточно. Лучше купи персиковый сок в стеклянной бутылочке, я его больше всех свежавыжатых люблю.

Вернувшись с напитками, Феликс сел напротив. Сказал:

– Самое главное вот что. Ты, пожалуйста, запиши мой номер. Вот прямо сейчас. И выучи его наизусть. Если вдруг опять когда-нибудь проснешься там, где вместо нашего зала необъятный простор и швейные машинки, ты мне, пожалуйста, сразу позвони. Вдруг я там все-таки есть? И знаю, где Фрида студия. А если не знаю, поищем ее вместе.

Люси посмотрела на него с нескрываемым интересом.

– Совсем псих, – одобрительно сказала она. – Ты даже хуже, чем я. Теперь точно не пропаду.

* * *

– Фрида, – сказал Феликс, – можешь меня поздравить, я стал персонажем комедии. Даже не так, я и есть дурац-

кая старая комедия, в самом названии которой сокрыта вся страшная правда про меня.

Фрида непонимающе нахмурилась, но миг спустя хлопнула себя по лбу и расхохоталась.

– «Я люблю Люси»?

– Холмс! Но как?

– Элементарно, Ватсон. О чем ином может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протертое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя?⁴

...Внезапно стала серьезной. Спросила:

– И что ты будешь делать, когда она в очередной раз сгинет?

Феликс просиял:

– Так это же самое интересное! До сих пор, по словам Люси, все ее родные и близкие оставались на месте, исчезала только ты и твоя танцевальная студия. А теперь у нее буду я. С одной стороны, тоже близкий и, надеюсь, почти родной. А с другой, я совершенно не намерен пропускать твои занятия. Возможно, из меня получится своего рода мост? А если нет, просто куплю тебе швейную машинку в том магазине на Раугиклос. Который вместо.

– И в городской психушке станет одной свободной палатой меньше, – проворчала Фрида. – Ты меня знаешь, счаст-

---

⁴ Артур Конан Дойл «Союз рыжих», перевод М. и Н. Чуковских. Цитируется по изданию: Библиотека приключений и научной фантастики, Ленинград, Детская литература, 1978 г.

ливчик. Я очень храбрая. Но если в один прекрасный день я увижу в твоих руках швейную машинку, закричу и убегу прочь.

– Кстати. Сколько раз ты уже назвала меня счастливым?

– Семь тысяч ровно, счастливчик. Упс! Моргнуть не успела, а уже семь тысяч один.

– Всего семь тысяч, и уже такой эффект, – восхитился Феликс.

– То ли еще будет, счастливчик. Попомнишь мои слова.

* * *

Фрида говорит:

– Сегодня – сюрприз-сюрприз, незабываемое развлечение. Сегодня меняемся парами.

Фрида говорит:

– Рано радуешься, счастливчик. Немедленно прекрати облизываться и тарашиться на всех девочек сразу. Ты бы еще замаякал. А март меж тем давным-давно закончился, май на дворе, и какой же роскошный май!

Фрида говорит:

– Сегодня мальчики танцуют с мальчиками, а девочки с девочками. Ну что ты так на меня уставился, счастливчик? Я же не предлагаю вам всем раздеться догола и вымазать друг друга брусничным вареньем. Хотя могло бы выйти неплохо.

Но варенье мы все-таки прибережем к чаю.

Фрида говорит:

– Пока тебе не все равно, с кем танцевать, счастливчик, ты вообще ничего не знаешь о том, что такое танец. Вопреки распространенному мнению, танец – вовсе не прелюдия к сексу. Танец самодостаточен, как любое другое искусство. Даже удивительно, что приходится об этом напоминать. И кому – тебе, музыканту.

* * *

Фрида сказала: «тебе, музыканту». Пропустила прилагательное «бывшему», которое столько лет казалось совершенно необходимым, а теперь и правда стало ни к чему.

Какому «бывшему», вы что, с ума сошли.

Покаялся:

– Прости, Фрида. Я просто кривляюсь, чтобы тебя насмешить. И, похоже, переусердствовал. Увлекающаяся, знаешь ли, натура. Богема бессмысленная, что с меня взять.

– Богема бессмысленная, говоришь? Ну, поздравляю, допрыгался, – снисходительно улыбнулась Фрида. И, приподнявшись на цыпочки, уткнувшись теплыми губами в самое ухо, торопливо прошептала: – Девять тысяч девятьсот пятьдесят четыре, счастливчик. То есть уже девять девятьсот пятьдесят пять. Финишная прямая.

Фрида говорит:

– Юргис, милый, не знаю, чем ты так страшно согрешил в прошлой жизни. Возможно, поджег сиротский приют, а потом вдохновенно сочинял непристойные частушки, любуясь пожаром с вершины холма. Так или иначе, но пробил час расплаты. Теперь твой партнер – то ли Феликс, то ли Лис, оба счастливчики, каких еще поискать, выбирай любого.

Милый Юргис говорит:

– Зачем выбирать? Беру обоих, и точка.

Милому Юргису сорок семь лет; ему самому иногда кажется, что минимум триста – так много событий, идей, впечатлений и лиц хранит его память.

Милый Юргис – бывший рыбак, сын рыбака и внук множества поколений куршских рыбаков и охотников на ворон. Милому Юргису едва исполнилось двадцать два, когда он нечаянно проглотил какой-то залетный лихой ветер. Три дня и три ночи маялся лихорадкой, а потом встал, оделся, вышел из дома, и его понесло.

Двадцать без малого лет милый Юргис не мог усидеть на месте. Исколесил полмира, перебиваясь случайными заработками и мимолетными дружбами. Плотничал в Ирландии, медитировал в Индии, торговал китайским чаем в России,

фотографировал туристов в Турции, водил грузовик в Аргентине, выгуливал чужих собак в Нью-Йорке, был массажистом в Испании, управлял прогулочными катерами в Египте; господи, да чего еще только не делал, обучаясь всему на лету и так же легко забывая.

Ненадолго вернувшись в Литву, случайно попал на уличное выступление музыкантов с гонгами. Увидел тусклый блеск певучего металла, отрешенных людей с мягкими колотушками, услышал густой, низкий, ни на что не похожий гул, закрыл глаза, позволил звуковой волне утащить себя на самое дно теплого сияющего омута, а себе – утонуть, упокоиться на этом дне, как положено рыбацкому сыну. Почувствовал, как его покидает лихорадочный ветер странствий, который милый Юргис давно привык считать собственной сутью. Кто занял его место и откуда он взялся – об этом милый Юргис предпочитал не особо задумываться. Сказал себе: «Теперь это я, и точка».

Месяц приходил в себя от потрясения, заодно собирал информацию. Наконец снова уехал – недалеко, но надолго. В Польшу, к знаменитому гонг-мастеру Тому Чарторыскому. Учиться. На этот раз учеба шла медленно и туго, даже удивительно, что учитель его не выгнал. Еще поразительней, что сам не бросил, до сих пор ежедневные поражения были ему неведомы. Зато усвоил новые знания прочно, так что и после смерти невозможно будет забыть.

Вернувшись в Вильнюс, стал играть в клубах и на площа-

дах, год спустя открыл собственную студию звукотерапии. И наконец успокоился, как и положено всякому, кто нашел наконец свое призвание.

К Фриде милый Юргис пришел сам. Объяснил: «Слишком далеко улетаю с этими гонгами, того гляди, потеряюсь совсем. Решил, что для равновесия мне нужно что-то совсем простое, понятное, заземляющее. Например, бальные танцы». Фрида долго смеялась, с удовольствием повторяя: «Простое! Понятное! За-зем-ля-ю-ще-е!» Но ученика, конечно, взяла. Не в ее это правилах – сокровищами разбрасываться.

* * *

Фрида говорит:

– Перерыв.

И идет на улицу курить.

Феликс и Юргис сидят на паркетном полу, смотрят друг на друга и хохочут так, что стены дрожат.

– I think this is the beginning of a beautiful friendship⁵, – сквозь смех говорит Феликс.

– Да уж, – ухмыляется Юргис. – И учти, теперь нам обоим придется жениться.

---

⁵ Цитата из фильма «Касабланка», настолько знаменитая, что даже перевод: «Я думаю, это начало великолепной дружбы», – писать неловко. Но пусть будет – для порядка.

– Почему именно теперь? Зачем? И на ком?

– А это как раз все равно. Главное – завести детей и дождаться внуков. И вот когда внуки немного подрастут, настанет наш звездный час: «Познакомьтесь, дети, это лучший друг вашего дедушки. Наша дружба началась с того, что мы вместе танцевали танго». Ради одной этой фразы имеет смысл заморачиваться с женьшеньбой. Скажешь, нет?

– Еще как имеет, – соглашается Феликс. – Если только в ближайшее время не изобретут более простой и доступный способ производства внуков.

– Например, из бумажных отходов.

– Да лишь бы не из пластиковых. Пластиковым внукам хрен чего объяснишь.

* * *

Фрида говорит:

– Сегодня первое июня. Это значит, что все мы дожили до лета, выполнили домашнее задание, молодцы. А еще это значит, что... Что?

– Латинская программа! – нестройным восторженным хором отвечают ее ученики. И только счастливчик Феликс растерянно хмурится.

«Ну правильно, – думает Фрида, – латинскую программу он еще с нами не танцевал. Он же пришел только в начале декабря».

«В начале декабря, надо же, – изумленно думает Фрида. – Теперь-то кажется, он был с нами всегда. Впрочем, он и был с нами всегда, просто какое-то время мы все этого не осознавали».

Фрида говорит:

– Иди сюда, счастливчик. Будем опять танцевать вместе. Правда, здорово? Лично я уже соскучилась по старым добрым временам, когда таскала тебя по паркету, как мешок с картошкой.

– С песком, Фрида. Я был как мешок с песком.

– Цыц, юноша. Если говорю с картошкой, значит, с картошкой. Я – твой педагог, мне виднее.

* * *

– Отлично получается. Если не хочешь потерять меня как партнершу уже на следующем занятии, тебе следует постараться и проявить больше неуклюжести, – сказала Фрида, когда они вышли на улицу, воинственно клацая портсигарам. – А вот вид у тебя не очень, счастливчик. Ты что, вообще не спишь?

– Очень мало, – покаянно признался Феликс. – Столько всего происходит, Фрида. Столько прекрасного всего! Еще и играю теперь – трижды в неделю в клубе. И в офисе – ночи напролет. Зря смеешься, у нас там есть переговорная с такой звукоизоляцией, хоть кузницу открывай, никому не по-

мешает. Поэтому, собственно, и не бросаю пока эту контору. Деньги – черт с ними, проживу, но где я еще такой репетиционный зал найду, сама подумай. Так что, какими бы бурными ни были мои ночи, а вставать приходится по-прежнему в семь утра, и вот это – действительно серьезная проблема. Зато единственная. А я еще хорошо помню времена, когда все было иначе.

– Ай, брось, – рассмеялась Фрида. – Не было у тебя никаких дурацких плохих времен. Просто примерещились.

* * *

– Магия, – говорит Фрида. – Конечно, танец – это магия. Но не та сказочная магия, овладеть которой обычно мечтают люди. Принято полагать, будто магия – это возможность насильственно переделать мир по собственному вкусу, руководствуясь корыстными соображениями или просто умозрительными представлениями о том, как все должно быть устроено. Это, конечно, полная ерунда, сказки народов мира, младенческий лепет смятенного разума, лично мне совершенно неинтересный.

Подлинная магия, – говорит Фрида, – органичной частью которой является танец – это умение забыть о себе и чутко прислушиваться к желаниям реальности. Помогать их осуществлению, когда это в твоих силах. И не мешать во всех остальных случаях.

Наверняка мне известно одно, – говорит Фрида. – Когда мы танцуем, в мире становится больше радости. А радость – идеальный материал для ремонта прохудившегося бытия. И когда в нас ее становится столько, что перехлестывает через край, в ближнем мире латаются дыры, счищается ржавчина и выпрямляются стези. Что именно случится, с кем, где и когда, мы не узнаем. Все к лучшему, не надо нам ничего знать. Мы не благодетели, а облагодетельствованные. Счастье наше столь безмерно и ослепительно, что подробности просто ни к чему.

Я люблю вас, дети, – говорит Фрида, пока ее ученики чеканят пасодобль. – Всех и каждого, сейчас и всегда. Я люблю вас всю жизнь, сколько себя помню. Моя любовь старше вас всех – кроме разве что Арама.

Но кто может поручиться, что я не полюбила его – и всех остальных – еще до собственного рождения.

Моя любовь, – говорит Фрида, – это, конечно, тоже часть магии, ее инструмент и следствие одновременно. Ничего не бойтесь, дети, вы бессмертны, пока не боитесь. Танец – один из кратчайших путей к бессмертию, потому что танцевать и бояться одновременно невозможно.

А теперь, – говорит Фрида, дождавшись, когда последние такты пасодобля сменятся первыми звуками самбы, – танцуем белый.

Над шольским городом наливаются сливовой чернотой тяжелые тучи. Хозяйки поспешино снимают белье, отцы выскакивают во двор за разыгравшимися детьми, прохожие вертят головами, пытаясь заблаговременно сделать выбор между ненадежными тентами летних кафе и хрупкими на-весами троллейбусных остановок.

Высокий, худой, как Дон Кихот, и такой же усатый старик стоит у окна, повернувшись спиной к улице. Его двадцатилетняя внучка сидит на подоконнике. Она специально сбегала на рынок, принесла деду малину, мед и творог, но он опять не хочет есть. И вообще ничего не хочет.

– Когда мы с твоей бабушкой Ириной впервые приехали в Вильнюс, – говорит старик, – было русское Рождество и падал снег – крупные белые пушистые хлопья, как на открытках рисуют. Твоя бабушка всегда обожала зиму, а мне больше нравилось лето, но с того дня я тоже полюбил снег. Мы любили его вместе, радовались каждому снегопаду. Твоя мама уже была взрослая, а мы все еще бегали в парк кататься на санках, как дети, очень она над нами тогда смеялась. В других городах мне по-прежнему нравилось лето, но снег в Вильнюсе – это был наш общий с Ириной праздник, один на двоих, ежегодный и многократный, отмеренный щедрой рукой.

Когда Ирина умирала, – говорит старик, – дала честное слово, что непременно пришлет мне оттуда привет. Чтобы я точно знал, что смерти нет, а жизнь бесконечна, и Ирина ждет меня на пороге. Ну или хоть записку там оставила, если невозможно подолгу на одном месте сидеть.

И я, – говорит старик, – вот уже второй месяц оглядываюсь по сторонам. Все что угодно может быть ее приветом. Облако в форме зайца, клубок цветной шерсти на тротуаре, оранжевые огоньки в небе, старая записка про котлеты в холодильнике, вложенная в книгу вместо закладки. Но я думаю, если бы Ирина и правда передала мне привет, я бы сразу понял, что это он и есть. Не пришлось бы ни гадать, ни придумывать.

– Ну, может быть, надо еще подождать, – рассудительно говорит внучка. – Может быть, там время как-то иначе идет.

Вообще-то она не верит в приветы из загробного царства. И в жизнь после смерти тоже. Ну как – не верит, просто никогда всерьез об этом не думала. И не стала бы, если бы не дед, которого надо приободрить и утешить. Но как, господи, как?!

– Вчера было сорок дней, а Ирина все молчит и молчит, – говорит старик. – Я, честно говоря, думаю, просто некому слать мне приветы. И неоткуда. Ничего там, девочка, нет. И никого. И нас больше не будет.

– Ты посмотри, что делается, – говорит внучка, и голос

ее подозрительно звенит. – Дед! Обернись и посмотри в окно, пожалуйста. Ты только посмотри.

На июльский город падает снег. Крупные белые пушистые хлопья, как на открытках рисуют. Настоящий, холодный, мокрый, совершенно невозможный, но, если высунуть руку в окно, можно стать счастливым обладателем многих тысяч снежинок и владеть ими единолично целую четверть секунды, пока не растают.

Сквер Реформату (Reformatų skveras)

Популярное непознаваемое

– Добрый день. Как поживает ваша мама?

Старушка была очень милая. Кудрявая, улыбчивая, в легком, по сезону пальто песочного цвета, из-под которого выглядывал безупречно завязанный шейный платок. Рута готова была поклясться, что видит ее впервые в жизни. Хотя до сих пор она имела все основания гордиться своей зрительной памятью и способностью безошибочно узнать кого угодно, включая воспитательниц детского сада и соседей, с которыми делили летние домики на море тридцать без малого лет назад.

– Сожалею, но вы обознались. Мы с вами не знакомы, – сказала Рута. И даже выдавила из себя подобие приветливой улыбки. Не бог весть что, но для Руты – великодушный, почти расточительный жест, на улыбки она всегда была скупа.

– Я шила платье у вашей мамы, – объяснила старушка. – В конце прошлого года. Однажды пришла на примерку и встретила вас. Вы как раз уходили. Извините мою назойливость, я только хотела передать Матильдочке привет и еще раз сказать спасибо, прелестное вышло платье, я уже дважды надевала его в театр и один раз в филармонию, на концерт...

– Извините, – повторила Рута, – но вы действительно ошиблись. Моя мама не шьет.

«Уже целых пять лет не шьет», – могла бы добавить она, но не стала. Чего доброго, старушка, услышав, что Рутина мама когда-то шила, решит, что просто перепутала двух разных портних и снова начнет передавать приветы и благодарности, разговор затянется, кому это нужно, тем более, что я действительно эту даму никогда прежде не видела, – думала Рута, сворачивая за угол. – Совершенно точно, никогда.

В этом пустяковом недоразумении был один не то чтобы неприятный, скорее, немного неудобный момент: Рутину маму действительно звали Матильдой. И раньше она шила на заказ дамские платья, не просто женские, а вот именно что *дамские*, парадные, в пол, с помпезными воланами и оборками, в аду такие наверняка всем выдают для пушей торжественности и дополнительной муки, чтобы было неудобно сидеть в котлах. Рута до сих пор с содроганием вспоминала наряд, который ей пришлось надеть на свой выпускной вечер; впрочем, после торжественной части она переделалась в туалете и на дискотеке скакала в пляжной футболке и Пашкиных джинсах, единственная такая крутая оторва – без платья. Нарядные одноклассницы косились на нее со смесью восторга и отвращения, близко не подходили, явно ждали, что потолок актового зала вот-вот разверзнется, и нарушительницу порядка покарает небесный огонь. Смешные были времена.

Но теперь мама не шьет на заказ. Еще чего не хватало! Я, слава богу, достаточно зарабатываю, – сердито думала Рута, шагая по центральному проспекту. – Не надо ей больше горбиться над машинкой. Хватит с нее.

Уговорить маму отказаться от заказов было непросто. Спорила, ныла, доказывала, что шить ей не трудно, а наоборот, приятно. И каждый день заполнен осмысленным делом. И клиентки якобы заменяют ей разъехавшихся и умерших подруг. Хотя ясно же, просто никак не могла поверить, что дочка может ее обеспечить. До сих пор, собственно, не особенно верит, и деньги, которые дает ей Рута, почти не тратит, откладывает на так называемый «черный день». И шьет иногда дурацкие платья, теперь по своей мерке и иногда по Рутиной, хотя знает, что дочь не станет их носить. Говорит, на всякий случай, пусть будут, просто так.

И смех и грех.

– Привет! И до пятницы! – крикнул Руте на бегу какой-то мужчина, скорее симпатичный, чем нет, из таких вечных мальчишек, которые и в двадцать, и в сорок лет в кедах, дурацкой шапке, с рюкзаком и айфоном предпредпоследней модели, потому что «дальше уже не то». Причем скрываться за этим фасадом может все что угодно: пустые карманы и обреченная оставаться недописанной диссертация, бизнес с оборотом, превышающим бюджет небольшой страны, пара дюжин подружек по всему миру, крепкая семья с длин-

ноногой валькирией и целым выводком белобрысых детишек, никем не оцененный гениальный роман столетия, авторская программа на центральном телеканале; то есть делать какие-то выводы, опираясь на их внешность, пустая затея. Кроме одного: это просто такой тип.

Среди Рутиных знакомых таких мальчиков-в-кедах было трое, вернее, даже семеро – это если вместе с совсем давними, давно исчезнувшими из вида считать. Но вот конкретно этого она совершенно точно не знала. И совместных планов на пятницу ни с кем даже отдаленно похожим не строила. И ведь даже не спросишь, с кем он ее перепутал. Уже убежал.

Посмотрев на часы, Рута поняла, что не только не опаздывает, но и рискует прийти на четверть часа раньше назначенного времени, а это нехорошо. Чтобы скоротать время и как-то отвлечься от дурацкой встречи с дурацкой старушкой, свернула в сетевую кофейню, хотя уже давно в такие не заходила, если уж пить кофе вне дома, то что-нибудь эксклюзивное, кому интересен ширпотреб.

Но прямо сейчас, честно говоря, все равно.

– Вам как всегда? – спросил юный бариста с непонятной надписью, вытатуированной на шее.

– «Как всегда» – это как? – растерянно спросила Рута.

Она могла бы поклясться под присягой, что зашла в эту кофейню впервые в жизни. В самый первый раз!

– Флэт уайт с ореховым сиропом, – юноша широко улыб-

нулся. – Вы же где-то с Нового года только его и заказываете. По крайней мере, при мне.

Да что ж за день такой дурацкий, – обреченно подумала Рута. Но спорить не стала. Сказала:

– Ладно, давайте так.

Кофе оказался совсем неплохой – и сам по себе, и в сочетании с ореховым сиропом. Попробовав его, Рута, можно сказать, умягчилась сердцем. А как только перестаешь сердиться, обычно сразу начинаешь лучше соображать. Вот и Рута наконец подумала: похоже, у меня есть двойник.

Встреча с представителями клиента прошла не то чтобы плохо, просто предсказуемо и как-то вяло. Обычно Рута умела добавить в беседу такого специального делового огня, от которого в глазах собеседников тает невидимая паутина, они становятся похожи на живых людей и втайне от самих себя всю наслаждаются такой переменной. Но на этот раз не вышло, вернее, просто не стала стараться. Ей было не до того. Не то чтобы упорно думала о своем гипотетическом двойнике, любительнице орехового флэт уайта, чья мама, по удивительному совпадению, «Матильдочка» шьет нарядные платья интеллигентным старухам. Чего о ней думать, есть и есть, но эта загадочная персона, конечно, все время маячила где-то на втором плане, на дальней окраине ума, где обитают самые несущественные мысли, за ненадобностью не оформленные в слова.

Кроме внезапно обретенной допельгангерши, по этой дальней окраине слонялись, дико озираясь по сторонам, сакраментальный вопрос: «Какого черта столько совпадений сразу, именно сегодня?» – и правильный, но совершенно бесполезный с практической точки зрения ответ: «Просто такой дурацкий день».

Не сказать, что все это всерьез мешало работать, но несколько выбивало из колеи, так что Рута время от времени ловила себя на давно забытом ощущении, преследовавшем ее в первые месяцы работы в инвестиционной сфере: кто эти люди? о чем они мне говорят? что я здесь вообще делаю? Но, конечно, держала себя в руках – и тогда, и сейчас.

Переговоры кое-как доползли до условно успешного финала; Рута вышла на улицу, вполне довольная собой. Тоже очень условно довольная, но все-таки скорее да, чем нет. Решила, в офис сегодня можно не возвращаться. Нет там никаких особо срочных дел. На всякий случай позвонила секретарю, уточнила. Так и есть, ничего безотлагательного. Можно расслабиться и... ну, например, погулять. Забавная идея. Даже не вспомнить теперь, когда в последний раз гуляла по городу просто так. А сейчас все равно ничего путного не делаешь.

Надо же все-таки, какая ерунда может иногда выбить человека из колеи. Даже смешно.

Некоторое время Рута настороженно вглядывалась в прохожих – кто еще полезет передавать приветы маме и прощаться до пятницы? Но желающих больше не нашлось. Постепенно расслабилась, стала смотреть по сторонам: вот дом красивый, похоже, недавно отреставрировали, вот на каштанах уже совсем здоровенные почки, вот влюбленная пара едет по велодорожке, вот повели улыбчивую собаку с закрученным баранкой хвостом, вот в витрине магазина одежды юная продавщица балансирует на стремянке, водружает на голову манекена декоративное гнездо с пасхальной мишурой, вот из кофейни выносят на улицу столы и стулья – опомнились ребята, лучше поздно, чем никогда.

Она еще крутила в уме эту фразу: «Лучше поздно, чем никогда», – когда входила в маленькую книжную лавку. Не с какой-то конкретной целью, а просто так. Вдруг поняла, что уже очень давно не покупала книг, не до них, слишком много приходится читать по работе, а засыпать лучше получается с сериалом, чем с книжкой – ну и вот. А ведь когда-то это была великая мечта, главная цель жизни: вырасту большая, стану зарабатывать много денег, буду покупать книги – да хоть каждый день! А на практике...

Даже немножко смешно.

...Планировала неспешно бродить между полок, рассматривать книги, брать их в руки, открывать, листать, и что еще там делают удивительные люди, у которых есть время ходить в книжные магазины, но обычно нет денег, чтобы покупать,

а у меня сегодня вдруг нашлось и то, и другое, и если это не власть над миром, то что же тогда она.

Но планы нарушила продавщица, миниатюрная женщина неопределенного возраста, от тридцати до пятидесяти, не поймешь, сколько ни смотри. Подошла и тихо, но очень торжественно, как на сцене, спросила:

– Извините, пожалуйста, вы подпишете мне книгу? Мы уже давно все распродали, но я специально принесла свою из дома, так и знала, что однажды вы к нам зайдете, и вот...

Рута оторопела – что за напасть такая? Зачем подписывать? Это что, традиция магазина – брать автографы у покупателей? Или какой-то социальный эксперимент? Не успела прийти в себя, как перед носом у нее материализовалась книга, на матово-черной обложке заголовок пляшущими разноцветными буквами: «Популярное непознаваемое» и имя автора, так и написано – Рута, и ее фамилия, правда, не актуальная, а девичья, которая была до замужества. До последнего, кстати, хотела свою оставить, как чувствовала, что это ненадолго, но соблазнилась тем, что у Марека красивей; ладно, хоть какой-то от него вышел толк... В общем, неважно. Главное, что на обложке книги значилось Рутино имя и ее же настоящая фамилия, от таких сюрпризов чокнуться впору вообще-то, – думала Рута, чувствуя, как учащается пульс, а внутри головы все становится звонким и как бы мятным – господи боже, я никогда в жизни не писала никаких книг, а книга – вот она, и моя фамилия. Очень редкая,

между прочим, у нас даже в городском телефонном справочнике однофамильцев не нашлось – в ту пору, когда он еще был актуален, лет тридцать, что ли, назад.

Маленькая продавщица просительно улыбалась, совала ей в руки ручку и явно не собиралась отпускать. Рута сделала шаг в сторону и одновременно отрицательно помотала головой:

– Это ошибка. Я не пишу книг. И никогда не писала.

– Но я вас помню! – воскликнула продавщица. – Я была на презентации вашей книги в «Титанике»⁶, почти три года назад, сразу начала читать, не могла оторваться, такие сложные вещи, таким простым языком, все, о чем мне с детства не с кем было поговорить. Я хотела взять у вас автограф, но мне позвонили из дома...

Она еще что-то рассказывала, про детей, не желавших ложиться спать, мужа, который не в состоянии с ними справиться, маму, наотрез отказавшуюся помогать, как будто если детально, во всех подробностях объяснить, почему тогда ушла с презентации, Рута сменит гнев на милость, скажет – а, ну, если так, тогда, конечно, – и подпишет эту чертову чужую книжку, как свою.

– Вы не поняли, – мягко сказала Рута, стараясь убедить не столько эту постороннюю женщину, сколько себя. – На

---

⁶ «Титаник» («Titanikas») – выставочный зал Вильнюсской Художественной академии, часто используется для перформансов, лекций и других культурных мероприятий.

презентации была не я. Это не моя книга. Здесь на обложке не мое имя. Я не пишу книг. А если бы и писала, это были бы книги о синдицированных кредитах. Например. Мне очень жаль.

– А как же?.. – начала было маленькая продавщица, но умолкла, поняв, что ее битва проиграна: Рута уже распахнула дверь и выскочила из книжного рая на улицу, туда, где в столбах солнечного света кружилась золотая весенняя пыль.

* * *

– Черт знает что, – сказала Рута. Зачем-то вслух. К счастью, проходим не было до нее никакого дела, они торопливо шли, брели вразвалку, ехали на велосипедах, окликали детей, вели на поводках собак, покупали цветы, говорили по телефонам, ели пирожки, пили кофе, толпились на троллейбусной остановке, в общем, кто во что горазд, и ни одной живой душе не требовался ее автограф. Это умиротворяло.

– Извините, пожалуйста...

При виде приближающегося к ней пожилого мужчины, Рута едва сдержала крик. Не убежала только потому, что ноги стали ватными и отказывались повиноваться. Что он сейчас скажет? Где ее недавно видел? И что в связи с этим намерен предпринять?

– ...который час? – закончил незнакомец. И, истолковав Рутину оцепенение по-своему, объяснил: – В телефоне, ко-

нечно, написано. Да я очки дома забыл. Извините за беспокойство.

– Половина четвертого, – выдохнула Рута. И почувствовала, что по лицу тонкой струйкой течет холодный пот.

Сама удивилась настолько острой реакции. Была уверена, у меня железные нервы. И вот. Такое значит нынче железо, вымоченное в уксусе, по рецепту Ликурга. Вижу тебя я, Ликург⁷.

Чертов Ликург, – с удивившей ее саму нежностью подумала Рута. – А ведь когда-то я хотела написать книгу о тебе, вернее, о спартанской антиутопии, самом кошмарном устройстве общества, до которого не додумался ни один фантаст. Впрочем, я в ту пору много чего хотела. А вместо этого написала какую-то хренотень о непознаваемом. Да и то не я, а какая-то дурацкая тетка. Не пойми кто, невесть откуда взялась.

Зашла в первый попавшийся бар, заказала джин-тоник. А что прикажете делать, если ноги почти не держат, сердце бьется как у раненого зайца, а руки дрожат.

---

⁷ *Ликург* – законодатель древней Спарты, который, согласно легендам, в целях борьбы с алчностью населения ввел неудобные громоздкие железные деньги. Для придания железу необходимой для расчетно-денежных операций хрупкости, его раскаленным макали в уксус. Фраза «Вижу тебя я, Ликург» – начало речи жрицы Дельфийского Оракула, к которому законодатель обращался за пророчеством: Вижу тебя я, Ликург, пришедшего в храм мой богатый Как мне тебя называть, я не знаю: хотя схож с человеком. Все же тебя назову я бессмертным скорее, чем смертным.

Джин-тоник – это было ровно то, что надо. Все сразу пришло в порядок – и руки, и ноги, и сердце. Выпив примерно половину, она положила деньги на стойку, вышла со стаканом на улицу, села на один из стульев, поставленных у входа для курящих. Сидела, наслаждаясь возможностью ни о чем не думать. Ясно, что потом еще буду, до конца жизни небось не удастся забыть этот дурацкий день. Но не прямо сейчас.

Посидев так минут десять, Рута наконец поняла, что умирает от любопытства. В смысле больше всего на свете хочет узнать, что было в той черной книжке, подписанной ее именем и фамилией. Вряд ли это хоть что-нибудь прояснит, но невозможно вот так – жить и не знать.

Отнесла стакан в бар и решительно отправилась обратно. В смысле, в книжный магазин, откуда полчаса назад выскочила как ошпаренная. Очень не хочется заново объясняться с продавщицей, но книга – там.

Маленькая продавщица при виде Руты засуетилась – выскочила из-за прилавка, тут же шагнула назад, открыла было рот, но так ничего и не сказала, отвернулась, начала переставлять с места на место альбомы по искусству, то и дело смущенно, исподтишка оборачиваясь – как там странная писательница? Ушла? Не ушла?

– Извините меня, пожалуйста, – решительно сказала Рута. – Я правда не писала эту книгу. Но если я так сильно похожа на автора, мне хотелось бы ее прочитать. Не целиком,

конечно. Пару страниц достаточно, сколько успею за пять минут. Я вас надолго не задержу. Покажете?

– Так это правда не вы? – продавщица наконец ей поверила. И повернулась к Руте с нескрываемым облегчением. – Боже мой, но вы так похожи! Одно лицо. Только волосы у вас в тот вечер были зеленые, но волосы ерунда, их же хоть каждый день можно перекрашивать...

– Каждый день все-таки вредно, – машинально ответила Рута. И, сама не понимая зачем, добавила: – Если бы не работа, я бы и правда в зеленый покрасилась. В юности пробовала зеленкой, вышло ужасно неравномерно, но с тех пор я точно знаю, что мне идет этот цвет. Но я с инвестиционными фондами работаю, у нас серьезный народ и дресс-код такой, что даже цвет пуговиц регламентирован, какие уж тут зеленые волосы.

– А я в отпуске всегда крашусь в оранжевый, – поведала маленькая продавщица. – У нас не инвестиционный фонд, но почему-то тоже много всего нельзя.

– В первобытной культуре табуирование было призвано компенсировать отсутствие нравственного закона, – мрачно сказала Рута. – С тех пор, по-моему, изменилось гораздо меньше, чем принято полагать.

Наградой ей стала извлеченная из-под прилавка черная книжка с разноцветными буквами. «Популярное непознаваемое» авторства Рутиногo двойника. И одновременно полнoй тезки.

Интересно, – подумала Рута, – а вдруг это все-таки моя книга? Может, я как Джекил и Хайд? По ночам, когда добрый инвестиционный банкир доктор Джекил ложится в постель, злобный мистер Хайд включает компьютер, открывает в тайной директории запароленный намертво файл и пишет книжки? Нет, пожалуй, в таком режиме я бы уже давно сдохла. И потом, если презентация состоялась три года назад, значит, книга написана еще раньше. А еще раньше я была замужем. Марек, конечно, довольно фуфловый муж, но постороннего Хайда за моим компьютером он бы точно заметил. И потащил бы пить пиво и к девкам. Так что не вариант.

Она наконец открыла книгу. Руки почти не дрожали, спасибо джин-тонику. А что перед глазами расстилался цветной туман, так какой с них спрос, зрение в последнее время и так ни к черту, а от стрессов падает еще больше. А сегодняшний день один сплошной бесконечный стресс. Очки тебе давным-давно пора было заказать, если уж линзы, как выяснилось, раздражают. А не ходить подслеповатой курицей, для которой весь видимый мир – сплошная неизреченная слоновья нога, о которой известно только, что она серая, очень большая и есть.

Ничего не видела, но расстаться с книгой никак не могла, листала наугад, кое-как разобрала несколько строчек – что-то там о мистериях в современном мире, о тревожности как антониме магического, об измененном состоянии созна-

ния как входном билете в подлинную жизнь. Наконец поняла, что это издевательство над собой и здравым смыслом, отдала книгу хозяйке. Сказала:

– Даже жаль, что автор не я. Я бы хотела. И в юности, когда поступала на философский факультет, была совершенно уверена, что именно чем-то таким впоследствии займусь. А где-нибудь эту книгу еще можно купить, вы не знаете?

– Не знаю, – вздохнула та. – У нас было, кажется, всего пять экземпляров, больше года лежали, людям, сами знаете, чего бы попроще, и чтобы реклама по телевизору, поэтому когда наконец распродали, не стали делать дополнительный заказ. Может быть, в университетской книжной лавке еще есть? Или в «Титанике», где была презентация? У них там свой книжный киоск, я точно знаю, потому что хотела перейти туда работать, но не получилось, осталась тут...

– Спасибо, – кивнула Рута. – «Титаник» – хорошая идея. Заодно выставки посмотрю. Сто лет не была ни на каких выставках, а когда-то вообще ни одной не пропускала и в другие города специально ради них ездила, в основном, на попутках, денег не было ни черта. А теперь есть, да я облепилась, никуда не хожу, все стало неинтересно. Нельзя так жить.

Нельзя так жить, – повторяла она про себя, пока шла по улице в сторону Художественной академии, сама удивляясь невесть откуда взявшейся ярости. – Нельзя. Нельзя!

Прохожие, наверняка лелеявшие злодейские планы взять пару-тройку автографов у автора не шибко нашумевшего, будем честны, шедевра о непознаваемом, пообещать ей свидание в пятницу, а заодно передать привет маме, расступались перед Руткой, как перед чумным доктором в маске. Впрочем, выражение ее лица сейчас наверняка компенсировало отсутствие клюва и что там еще положено иметь при себе вестнику смерти. Ну или спасителю от нее.

* * *

Книжный киоск в «Титанике» почему-то не работал, зато шли сразу две выставки, по числу этажей. На первом – какие-то невразумительные инсталляции, а на второй Рута так и не поднялась, потому что на лестнице ее заключил в объятия седой здоровяк с лицом отучившегося в дюжине университетов Санта-Клауса, в ярко-лимонном пальто до пят.

– Рутка! – восхищенно орал он. – Куда ты пропала?! Месяц тебя не видел, ни слуху, ни духу. Как ты? А Мишка как?

Господи, какой еще Мишка, – устало подумала Рута, стараясь высвободиться из дружеских медвежьих объятий. Но тут же поняла, какой. И с неожиданной злостью подумала: мало того что эта крашенная зеленая сучка допельгангерша пишет мои книги, так она еще и Мишку моего окрутила. Ну и дела.

С другой стороны, сама виновата. Не надо было без кон-

да морочить ему голову: «Вооот ты сейчас закончишь свою дурацкую магистратуру, и что потооооом? Чем зарабатываааааать? Как мы будем жииииить?»

Как-как, каком кверху. Уж всяко не хуже, чем я все эти годы жила без него. Марек вон отлично зарабатывал, мечта любой босоногой принцессы, настоящий мужик. А толку от того Марека. Ну вот красивая фамилия, это да.

Лимонный Санта-Клаус тем временем отпустил ее, оглядел с ног до головы, озадаченно покачал головой:

– Что с тобой, ребенок? Не заболела? Как у тебя дела?

– Вы меня с кем-то перепутали, – обреченно сказала Рута. И зачем-то добавила: – Но вы такой милый, что мне даже жалко, что я – не она.

– Перепутал? – изумленно переспросил он. – Ну, может быть. То-то я смотрю, Рутка похудела и зачем-то перекрасилась в блондинку... Нет, не подумайте дурного, вам очень идет! Просто не в Руткином это духе – выглядеть, как нормальный человек, вот и все. Но как же вы на нее похожи! Одно лицо. А вы случайно не сестры? Рутка никогда не говорила, но...

– Нет, у меня нет сестры, – сказала ему Рута. Целительное действие джин-тоники закончилось, и теперь она снова едва справлялась с дрожью и лихорадочным звоном, почему-то не в ушах, а в ногах. – Ни родной, ни двоюродной, – зачем-то добавила она. И осторожно держась за перила, побрела вниз. Черт с ней, с выставкой. Сейчас бы домой, открыть бутылку

вина, выпить, прилечь и проснуться когда-нибудь послезавтра. Пусть весь мир сходит с ума без меня.

Разумно было бы вызвать такси, но Рута зачем-то пошла пешком, пересекла Кафедральную площадь, вышла на центральный проспект, в какой-то момент свернула и в конечном итоге оказалась на троллейбусной остановке возле сквера Реформату, хотя непонятно, что ей здесь делать, дом совсем в другой стороне. Ну вот разве что такси все-таки вызвать, нагулялась уже на месяц вперед, даже ноги натерла, вернее, одну ногу, левую, но все равно неприятно. Впрочем, ладно, куда она денется, пройдет.

Но вместо того чтобы достать телефон и вызвать такси, Рута зачем-то стояла на остановке, чего-то ждала. Приехал и угрожающе лязгнул дверями, выпуская пассажиров, троллейбус номер два, до вокзала. За ним четырнадцатый, тоже до вокзала. Шестой и снова второй.

Потом к остановке подъехал элегантный микроавтобус, восемьдесят восьмой маршрут, соединяющий аэропорт со Старым городом. Они на этом маршруте все такие маленькие, чтобы по узким улицам свободно проезжать. Рута очень любила восемьдесят восьмой, но ездила на нем всего пару раз, как-то так всегда получалось, что ей не надо в ту сторону, куда он едет, не кататься же просто так.

И сейчас она не стала садиться в маленький автобус – куда я поеду, зачем? Просто стояла, смотрела, как он подъез-

жает, останавливается, открывает переднюю дверь, никто не выходит, пассажиры сидят на местах, глазуют на улицу из-за толстых стекол, как аквариумные рыбы, и там...

Из окна автобуса на Руту смотрело ее собственное улыбающееся лицо, обрамленное ярко-синими перьями всклокоченных волос.

Черт бы тебя побрал, сучка крашенная, – устало подумала Рута. – Явилась – не запылилась, лично поприветствовать. Что ж за день такой нелепый. Что за день.

Что за день, – думала Рута. – Что за дурацкий день. Голова как чугунная, и сердце не на месте, и мысли какие-то дурацкие в голову лезут, и это гадское чувство, как будто вот-вот случится что-то непоправимое, но с чего бы вдруг? С какой стати чему-то случаться вот прямо сейчас, когда жизнь так ослепительно хороша, как бывает только в начале апреля, за две недели до Пасхи; впрочем, она и после очень даже ничего.

Оставить панику, – думала Рута, – это не настоящее предчувствие, а обычный скачок давления, сахара в крови или еще чего-нибудь, что там может скакать в этом дурацком бескрылом перегонном кубе на двух ногах. По крайней мере, все мои точно в порядке. Маму я только вчера вечером видела, жива-здорова, заканчивает очередной дурацкий балахон, счастлива, как ребенок, каковым, строго говоря, и является, какая разница, кому сколько лет. И студенты мои молодцы,

в смысле, не такие кошмарные дуболомы, как мне казалось в начале учебного года; ай, ладно, мне уже четырнадцать лет одно и то же в сентябре кажется, а потом вырастают такие хорошие дети, жалко отпускать. И Мишка ходит довольный, как всегда после открытия выставки, а в пятницу Томка каких-то важных кураторов туда приведет... может, это я из-за них волнуюсь, что окажутся надутыми дураками? Ну ладно, предположим, окажутся, тоже мне, великое горе, что с того?

Автобус остановился у сквера Реформату; можно было бы выйти сейчас, но от следующей остановки до дома, пожалуй, все-таки ближе, сейчас это было довольно важно, новенькие ботинки весь день вели себя более чем пристойно, но под конец оказалось, что левый все-таки немного натер, поэтому, собственно, и села в автобус, обычно по центру в любую погоду ходила пешком.

На остановке было пусто, ни одного человека, что вообще-то довольно странно, ранний вечер, все едут с работы, а вот поди ж ты, – думала Рута, – вообще никого. Такой уж дурацкий сегодня день.

Улица Руднинку (Rūdņinku g.)

Ловец снов

Ромина сидит на подоконнике и смотрит на улицу.

* * *

У меня самая спокойная кошка в мире, думает Ромас. Я-то волновался, что здесь слишком мало места, ни побегать толком, ни поиграть. А ей для счастья нужно только окно.

* * *

– А у тебя так бывает, что время от времени снится одно и то же место? – спрашивает Ева. – И ты во сне вспоминаешь, что уже там была?

– Конечно, – пожимает плечами Эрика. – Мне школа почти каждый день снится. Одна и та же. Наша. Как будто наяву ее мало.

– Нет, я имею в виду *ненастоящее* место. Которого на самом деле нет. Но во сне оно всегда одно и то же, и порядки там не меняются. Как в какой-нибудь игре, которую хоть на месяц забрось, а всегда можно начать с того места, где остановилась, по уже знакомым правилам.

– А-а-а, – многозначительно тянет Эрика.

Она, честно говоря, так и не поняла, о чем речь. Но надо делать вид, что все понятно. Чтобы Ева не назвала ее дурой. И не перестала с ней дружить.

– А расскажи, – просит она.

Внимательно слушать и кивать – это несложно. А пока Ева будет рассказывать свой сон, Эрика успеет придумать, как будто ей тоже что-нибудь такое снилось. Похожее. Чтобы Еве сразу стало ясно: они почти как сестры. Даже лучше.

– Мне часто снится, как будто в Вильнюсе есть метро, – говорит Ева. – И как будто это не просто метро, а такое особенное место. Там есть станции пересадки, с которых можно выйти в другой город. Я один раз вышла в Москве, там почему-то было очень страшно, я сразу убежала. И один раз в Нью-Йорке, там вполне ничего, я погуляла немножко. А в другой раз мне приснилось, что мы с какими-то людьми с этой же станции специально в Нью-Йорк за хот-догами бежали, потому что там они вкуснее, чем у нас, и я всем дорожку показывала, они еще в Нью-Йорке не бывали, не знали, как туда пройти. И времени почему-то не было, куда-то мы в этом сне спешили. Купили сосиски и быстро-быстро обратно, тем же путем... А еще в этом моем сонном метро есть такая ветка, по которой мало кто ездит, все боятся. Считается, что там на некоторых перегонах люди исчезают, по одному человеку из вагона, и надо ехать обязательно с закрытыми глазами, обеими руками крепко держаться за сиденье

и очень сильно хотеть *не исчезнуть*. Тогда, скорее всего, исчезнет кто-то другой, а ты доедешь до своей станции. Мне иногда снится, что я по этой ветке до конечной ееду. Выхожу на окраине, где-то возле Новой Вильни, там всегда ранняя весна, земля залита водой, под водой еще лед, а прямо из воды растут березы, и на них уже проклюнулись листочки, хотя, по идее, еще рано – если лед не весь растаял. Мне там почему-то так хорошо! Когда была маленькая, думала, это мне рай снится. Никому не говорила, казалось, это – великая тайна. Хотя, по идее, просто сон. Тебе первой, кстати, рассказываю.

Мне первой, думает Эрика. Мне первой! Ну надо же! Значит, мы действительно лучшие подруги, а не просто вместе домой ходим, потому что по дороге. Кому попало секреты не открывают.

Для нее это гораздо важнее, чем все сны в мире, вместе взятые. Но Эрика, конечно, ничего подобного не говорит. А, напротив, восклицает, прижав ладони к щекам:

– Вот это да! А может быть, правда, тебе настоящий рай снится?

– Да нету никакого рая, – смеется Ева. – Ты прям как моя бабушка... Ой, смотри!

– Что?

– Какая кошка на окне сидит! Нет, не туда смотришь. Через дорогу. На первом этаже. Белая. Давай перейдем, пока машины стоят.

Машины действительно стоят перед красным светофором на повороте с Рудники на Пилимо, и девочки быстро перебегают дорогу.

– Какая кошка, – вздыхает Ева. – Какая же, а!

Кошка как кошка, думает Эрика. Белая, гладкая. Вот если бы пушистая!

– Ух ты, смотри какие штуки в окне, – говорит она. – Статуэтки африканские. И барабан. И ловец снов висит. Здесь, наверное, магазин? Типа «Индии», да?

Вопрос повисает в воздухе, Ева сейчас ничего не видит и не слышит – кроме кошки.

* * *

Ромас сразу так решил – если живешь на первом этаже, твое окно, хочешь не хочешь, все равно станет чем-то вроде витрины. И лучше уж самому позаботиться о том, чтобы прохожим, которые, никуда не денешься, будут туда пялиться, было на чем остановить глаз. Он поставил на подоконник яркий керамический горшок с обильно цветущим красным эпифиллумом, окружил его деревянной армией резных индейских богов, маленьких, но чертовски суровых; поразмыслив, добавил пару позолоченных Будд – не помешают. Там же отлично поместились крошечный африканский барабанчик и купленная на Казюкасе дудка, почти безголосая, зато красивая. Сверху свисал самодельный ловец снов, оплетен-

ный оранжевыми нитками, украшенный перьями, в основном из утиных и вороньих хвостов; впрочем, было среди них одно ярко-зеленое – дар дружественного попугая. И самое ценное – голубое перо сойки, его Ромас нашел в лесу еще в детстве и каким-то чудом сохранил.

Он немного перестарался. Теперь прохожие подолгу застывали у его окна, разглядывая расставленные сокровища; впрочем, Ромасу они не мешали. Иногда принимались стучать в дверь, приняв его жилище за новую сувенирную лавку, хозяева которой еще не успели заказать вывеску. Ромасу это даже нравилось: среди любопытствующих было много симпатичных девушек. Не то чтобы он собирался соблазнять их всех без разбору, но было приятно думать, что такая ситуация в принципе возможна.

Чего он совершенно не предвидел – что первая же соблазненная для него индейскими богами и утиными перьями девица окажется усатой блондинкой. Скуластой, как восточная принцесса, с крупными острыми ушами и глазами цвета темного янтаря.

Поначалу белая кошка приходила на его окно ненадолго. Сидела, задрав голову, разглядывала перья на ловце снов. Деликатно царапала лапкой стекло, дескать – я тут. Убедившись, что Ромас ее заметил, спрыгивала и неторопливо шествовала к пешеходному переходу. Дорогу эта кошка переходила исключительно по «зебре». Оказавшись на другой сто-

роне улицы, она сворачивала за угол и скрывалась из поля зрения Ромаса – до завтра. По утрам он ловил себя на том, что то и дело поглядывает в окно: пришла? Не пришла? И когда кошка не приходила, начинал раздумывать почему. Может быть, хозяева на улицу не выпустили? Он был уверен, что кошка домашняя: очень чистенькая, совсем не пугливая, изящная, но явно не тощая.

Осенью белая кошка стала приходиться каждый день и сидела все дольше, иногда с утра до вечера. В любую погоду. Ромас радовался ее визитам, но негодовал, думая о гипотетических хозяевах: как же они ее выпустили в такой дождь? Или сама убежала, не спросив разрешения? А может, нет никаких хозяев? Что же она тогда ест?

Ответ на этот вопрос Ромас получил, нос к носу столкнувшись с усатой блондинкой возле мусорного контейнера. Белая темноглазая принцесса, не теряя достоинства, вылизывала банку из-под дешевых рыбных консервов. На Ромаса она покосилась с явным смущением, как будто он застукал ее за неприличным занятием. Бросила банку и демонстративно отошла в сторону, всем своим видом показывая: и вовсе я не голодная, просто любопытства ради попробовала.

– У меня дома есть курица, – сказал Ромас.

Кошка поглядела на него с некоторым интересом.

– Жареная, – зачем-то добавил он.

Кошка отвернулась, всем своим видом выражая разочарование.

– Ну как хочешь, – вздохнул Ромас. И пошел домой.

Белая кошка, казалось, не обратила не его уход никакого внимания. Но на крыльце каким-то образом оказалась раньше хозяина.

Не то чтобы Ромас собирался оставлять кошку у себя. По-кормлю и выпущу, думал он. Куда мне сейчас ее брать? В этой квартире повернуться негде. И кто будет ее кормить, когда я уеду?

Но кошка все решила сама. Неторопливо, как бы просто из вежливости, умяла здоровенный кусок куриного филе, снисходительно мурлыкнула, не обращая никакого внимания на открытую для нее дверь, вспрыгнула на подоконник, осторожно, ничего не уронив и даже не сдвинув с места, прошла по нему из конца в конец, выбрала более-менее свободный от безделушек участок, уселась и уставилась в окно, за которым как раз завел сиротскую песню холодный ноябрьский дождь.

Можно просто взять ее за шкурку и вынести на улицу, думал Ромас. Расселась как дома – ишь ты! Вот только кошки мне в этой конуре не хватало...

Пока он раздумывал, дождь за окном незаметно превратился в мокрый снег. Ромас вздохнул, оделся и пошел в супермаркет за новой порцией курицы. И за наполнителем для кошачьего туалета.

Она, скорее всего, просто потерялась, думал он. Хозяева

небось скоро спохватятся, начнут искать. Объявления повесят. И я, кстати, тоже повешу: там-то тогда-то подобрал домашнюю белую кошечку, охотно отдам хозяевам без всякого вознаграждения. Не выгонять же ее сейчас, в такую-то погоду.

Он вернулся через час с целым ворохом кошачьего барахла – начиная с громоздкого туалета-домика, который едва поместился в его маленькой ванной, и заканчивая противоблошиным ошейником. Кошка по-прежнему сидела на подоконнике, возле цветущего кактуса, в окружении индейских богов, чьи обычно суровые лица сейчас выглядели вполне умильно. Спорим, пока меня не было, они говорили ей: «котя-котя-котя». И, чего доброго, «кася-мася-бася», обреченно подумал Ромас. Если я ее выгоню, боги меня не простят.

– Хотел бы я знать, как тебя зовут, – сказал он, острым ножом кроша для нее индейку.

Кошка, конечно, ничего не сказала, но оторвалась от окна и задумчиво посмотрела на Ромаса. Дескать, мне и самой интересно.

– Хорошо, – решил он. – Раз не отвечаешь, будешь зваться в честь меня – Ромина. По-моему, я вполне заслужил.

Белая кошка снисходительно мяукнула. Дескать, ладно, сойдет и Ромина, ты давай, режь мясо, не отвлекайся.

На самом деле она была очень довольна.

* * *

Ромина сидит на подоконнике и смотрит на улицу. На улице стоят две девочки и разглядывают сидящую за стеклом белую кошку.

Ромина смотрит на девочку в розовой куртке и равнодушно отворачивается. Скучно. Плохая добыча. Переводит взгляд на девочку в светло-сером пальто. Замирает. Очень интересно. Очень хорошо.

Какая красивая кошка, думает Ева. Изящная. Белая, а глаза темные. И острые скулы. Наверное, из-за них у нее такое выразительное, почти человеческое лицо. А какие большие уши! Интересно, что это за порода?

* * *

Ромас сидит на стуле и, вместо того чтобы работать, смотрит на Ромину. Все-таки потрясающе спокойная у меня кошка, думает он. И вообще – потрясающая.

Ужасно забавно, думает он, что в течение последнего года не только ко мне, но и еще к четверым моим знакомым пришли белые кошки. Никто из нас не собирался заводить кошку, а они сами пришли и остались. Надо же.

Знакомые Ромаса живут в разных городах. Миша, как и

он, в Вильнюсе, Катя в Эдинбурге, Арвидас в Риме, Эдо в Берлине. Белые кошки вездесущи. Они, – на этом месте Ромас улыбается, – явно решили завоевать мир. И почему-то начали с нас. И правильно сделали.

Эдо, который из Берлина, когда узнал о масштабах бедствия, придумал, что белые кошки – ангелы-хранители, спустившиеся с небес. Просто мы пятеро, говорит он, такие разбалбесистые балбесы, что за нами нужен постоянный присмотр. Вот они и пришли к нам жить. Чтобы глаз не спускать.

Ну, не знаю, как остальные, думает Ромас, а Ромина и правда самый настоящий ангел. Уже почти год у меня живет, и до сих пор ничего – не то что не разбила, на пол не уронила. В отличие, кстати, от меня. И по утрам не будит, даже если в миске пусто, терпеливо ждет. Радует, когда я возвращаюсь, но не ластится, пока не переоденусь в домашние штаны. Кошка бережет мою одежду от своей шерсти – уму непостижимо! И в кровать мурлыкать приходит, когда ложусь. И спит потом смирно, свернувшись в изголовье.

И, кстати, это же как раз после того, как она появилась, мне стали сниться сны. Вернее, я наконец-то начал их запоминать – так-то, по науке, считается, будто всем что-нибудь да снится. Хотя до последнего времени поверить в это было очень непросто. Сколько интересного я, получается, пропустил! Зато вчерашний сон про город с синими черепичными крышами и стеклянных птиц я теперь, пожалуй, никогда не забуду. И позавчерашний, про лабиринт из поющих лестниц,

выбраться из которого можно, только полагаясь на любимые мелодии. И еще много всего... Записать, что ли, пока помню?

Но вместо того, чтобы записывать, Ромас снова смотрит на Ромину. Понятно, что кошка тут ни при чем, рассудительно говорит он себе. А все-таки приятно думать, как будто она – очень даже при чем. Нет ничего проще, чем в это поверить. Потому что – ну естественно же ангел.

Но, что бы он там ни думал, Ромина, конечно, вовсе не ангел.

Ромина – кошка.

* * *

Ромина смотрит на Еву. Но вместо растрепанной темно-волосой девочки в сером пальто она сейчас видит Очень Интересное Место. Там много входов и выходов, а еще больше Тайных Лазеек, из тех, о которых хорошо знают кошки, а люди обычно не имеют понятия. Еще в этом Интересном Месте много Неожиданных Возможностей. И две Большие Опасности. И несколько мелких, но они, пожалуй, не в счет. Одна из Тайных Лазеек ведет в Спокойное Сияющее Место; Ромина оно не очень нравится – там слишком мокро. Но определенно понравится Ромасу. Ромина его вкусы уже знает. Интересно, куда ведут все остальные Тайные Лазейки? Очень

интересно!

Будь на месте кошки интеллигентный, совестливый человек, он бы сейчас наверняка оправдывался перед собой: «Ничего плохого я не делаю. Я же не все отбираю. Подумаешь – одна-единственная ночь без сновидений. Девчонка все равно и четверти не запоминает. Тут и говорить не о чем».

Ромина, понятно, ни о чем таком не думает вовсе.

Ромина – охотник. Когда она видит добычу, она берет ее себе. И точка.

* * *

– Ромина, – говорит Ромас, – ангел мой, царевна заморская, а ну дуй сюда, твое высочество. Лопать будем.

Белая кошка спрыгивает с подоконника и неторопливо идет к своей миске.

* * *

– А у меня дома тоже есть кошка, – говорит Эрика. – Сиамская. Ну, ты же видела, да?

– Видела, – рассеянно соглашается Ева.

Она почти не слушает подругу. Думает про Ромину. Какая необыкновенная красавица! Надо будет завтра опять этой дорогой, по Руднику, пойти. Может быть, белая кошка

опять будет сидеть в окне. Ну, вдруг.

* * *

Ромина лежит на подушке, греет теплым пузом бритую хозяйскую макушку. Ромина спит.

Ромас тоже спит. Ему снится, что в Вильнюсе есть метро. Ромас стоит на платформе и ждет поезда. Он откуда-то знает, что ездить по этой ветке опасно, но если закрыть глаза, обеими руками крепко держаться за сиденье и очень сильно хотеть *не исчезнуть*, все будет в полном порядке. Ромас решил рискнуть.

«Интересно, куда я приеду?» – думает он.

Очень интересно.

Улица Русу (Rusu g)

Будем честны

Проснувшись, Беата смотрит в окно.

Нет, не так. Беата просыпается, уткнувшись носом в окно, от прикосновения холодного стекла ко лбу. В этом нет ничего удивительного, потому что кровать стоит возле окна.

Не так, не так. Будем честны, кровать стоит в трех метрах от окна. В трех чертовых метрах от чертова окна стоит эта чертова кровать, но Беата все равно просыпается от прикосновения холодного стекла, пропади оно пропадом, ко лбу и смотрит в окно.

Там, за окном, улица Русу, там идет дождь и, ловко лавируя между струй, плывут небольшие серебристо-зеленые рыбы. Беата смотрит на рыб. «Не проснулась, – думает она. – Так и знала, я просто еще не проснулась».

Беата моргает. Рыбы исчезают. Дождь остается.

Все-таки проснулась. И это, конечно, обидно. Так обидно, что впору расплакаться, но слезы, думает Беата, могут смыть воспоминания, которые еще не ушли, пока совсем рядом, где-то здесь, между лбом и холодным стеклом, поэтому лучше стоять спокойно, не шевелясь, ждать, пока память о сновидениях вернется, не может не вернуться, потому что если нет, зачем тогда все.

– Мне сегодня всякое странное снилось. Очень хорошее. И от этого до сих пор все как-то подозрительно прекрасно. Но при этом очень странно, – говорит Беата, сосредоточенно помешивая кофе деревянной палочкой.

Это, будем честны, совершенно бессмысленное действие. В кофе нет сахара, а значит, и размешивать нечего. Можно было бы предположить, будто круговые движения палочки помогают сосредоточиться. Но нет. Ни черта они не помогают. Скорее наоборот, еще больше рассеивают внимание. А нам того и надо. Сосредоточиться – это значит окончательно проснуться. А пока внимание играет в чехарду, суматошно перескакивая с одного на другое, есть небольшая надежда, что Беата еще спит.

– И теперь все смешалось у меня в голове, – говорит Беата. – И не только в голове, по-моему. Взять хотя бы огурец. Вот этот твой дурацкий зеленый огурец. Какая прекрасная нелепость!

– Почему это вдруг дурацкий? – спрашивает Тома. – И во все он не нелепость. Просто огурец. Обычный овощ. Можно сказать, никакой. То есть, без дополнительных мета-овощных свойств. Или трансовощных. Один черт.

У Тома глаза зеленые, как раз в тон огурцу, высокие скулы и прозрачные руки – словно бы Тома в один прекрасный

день решил стать невидимкой, начал именно с рук, и поначалу дело вроде бы пошло, но в итоге ничего не получилось, пришлось оставить как есть. Рядом с Томой все удивительным образом обретает смысл. Нет, не так. Будем честны, Тома сам по себе – смысл. По крайней мере, здесь и сейчас. В кафе, сегодня в полдень. Для Беаты.

– Верно, – соглашается Беата. – Совершенно нормальный дурацкий огурец без дополнительных свойств... Ну прости, прости, больше не буду тебя дразнить. Просто после всего, что мне сегодня снилось, я никак не могу привыкнуть к обычному порядку вещей. Нет, не так. Не привыкнуть, а стать его органической частью. Например, мне сейчас кажется, что никто в мире кроме нас с тобой не пьет кофе, закусывая его огурцом. Так просто не принято. И в кофейнях никогда не подают огурцы, их там днем с огнем не доищешься.

– Ну как это – не доищешься? – Тома почти всерьез возмущен. – Еще чего не хватало – кофе без огурца пить. Какой в нем тогда смысл?

– Никакого, – кивает Беата. – Но сон есть сон, там все всегда шиворот навыворот, ты знаешь. И у меня такое ощущение, что я еще не проснулась окончательно. Поэтому все перепуталось, особенно простые факты, о которых никогда не задумываешься, потому что они и без наших раздумий есть и будут всегда, сами собой разумеются – небо над головой, земля под ногами, полуденная луна, обязательный огурец к кофе и все в таком роде.

– Значит тебе снился страшный-страшный кошмар о зловещей реальности, несчастные обитатели которой вынуждены пить черный кофе без огурцов, – подытоживает Тома. – Наверное, это был сон про ад для еще не рожденных грешников. Бедная девочка.

И смеется так заразительно, что Беата тоже не может удержаться от улыбки, чего доброго сейчас расхохочется, а это, будем честны, некстати. Рассмеяться – значит окончательно проснуться, в этом смысле, рассмеяться даже хуже, чем сосредоточиться, вот в чем штука.

Поэтому надо держать себя в руках.

* * *

– Тем не менее, это был очень хороший сон, – говорит Беата. – Не то чтобы там происходили какие-то особенные события. Они были вполне обычные, по крайней мере, казались таковыми, пока я спала. Но это совершенно точно был сон про счастье. Просто счастье, и все. Беспричинное. Нет, не так! Не беспричинное. Счастье как норма. Как некоторый обязательный общий фундамент, как способность ходить, или чувствовать ладонью цвет всякой поверхности, к которой прикоснешься, как, не знаю, наличие головы. Родился человеком, значит у тебя есть голова, и ты счастлив, поехали дальше.

– Я знаю такие сны, – кивает Вера. – Я тоже иногда... Ох!

Потом так не хочется окончательно просыпаться. Как же я тебя понимаю.

У Веры ярко-рыжие волосы и такие же вены, не голубоватые, а оранжевые, как будто вместо крови по ним течет апельсиновый сок. Нет, не так. К черту «как будто». Будем честны, густой ароматный апельсиновый сок действительно течет по Вериным жилам, и вот прямо сейчас сочится из правого виска, тонкий ручей впадает в апельсиновую реку, узкую, бурную и ароматную, на ее берегу так сладко дышится, так уютно сидится, так привольно бездельничается в час полудни с чашкой лазурного кофе без молока в холодных от счастья руках.

– Вот-вот, – вздыхает Беата. – Но будем честны, это уже случилось. Я уже проснулась, такие дела... Кстати, ты тоже была в этом сне. Только тебя там как-то иначе звали. И, кажется, ты была мальчиком. Или нет? Ай, неважно. Главное, это была ты, я точно знаю.

– Мальчиком? – хмурится Вера. – Ну хоть красивым, надеюсь?

– Конечно, – улыбается Беата. – Очень. Не факт, что именно мальчиком, но самым красивым в мире, клянусь.

– Тогда ладно, на таких условиях я согласна тебе снится, – смеется Вера, да так заразительно, что Беата тоже не может удержаться от улыбки.

Стоп. Это, кажется, уже было. Или будет когда-нибудь потом? Где, когда, при каких обстоятельствах?

Будем честны, Беата. Конечно, во сне.

* * *

– В самом первом сне было поле, – говорит Беата. – Радостное поле. То есть поле для радости. Люди приходят туда, чтобы радоваться вместе. Это такое особенное непростое занятие «радоваться вместе». Или даже искусство. Ну, как танцевать или петь, только без песен и танцев, ты понимаешь. То есть, там считается, что радоваться в одиночку любой дурак может, а радоваться вместе специально учатся с детства, у кого-то получается лучше, у кого-то хуже, в зависимости от способностей, как в любом деле, но в итоге все этому более-менее обучаются, просто кто-то знает несколько сотен партий, а кто-то две-три; впрочем, неважно. И все регулярно ходят на Радостное поле – чтобы поддерживать форму. Ну и удовольствие от процесса, конечно. Всем нравится радоваться вместе, то есть, это не повинность, а возможность, хотя в каком-то смысле все-таки обязанность... Ох. Я, наверное, совсем ерунду говорю, да?

– Нет, что ты. – для пущей убедительности Йош мотает головой. – Мне очень интересно. Рассказывай, пожалуйста.

У Йоша серые глаза, яркие как речные камни, только они неизменны на его лице, которое всегда течет как речная вода, постоянно меняется, так что и запоминать черты нет смысла.

– Так вот, мне снилось, что мы с тобой гуляем по этому Радостному полю. И не просто гуляем, это и есть наша персональная, годами занятий отработанная партия в общей радости – гулять, держась за руки, глазеть по сторонам. И мы отлично справлялись! Будем честны, ни с одним делом в жизни я не справлялась так хорошо, как с этой прогулкой.

– Еще бы, – смеется Йош. – В этом деле мы с тобой и наяву асы.

– Только в этом сне ты был сам на себя не похож, – говорит Беата. – Ты вообще был девчонкой, представляешь?

– Ну ничего себе, – Йош притворяется возмущенным. – Видит во сне что попало, а я потом расхлебывай. Девчонка-то хоть хорошенькая?

– Очень! Рыжая, золотоглазая, с тонкими цыганскими руками, на которых гремели и сверкали десятки дешевых разноцветных браслетов. Но учти, звон ее побрякушек совершенно не мешал мне знать, что ты – это ты. И любить тебя как саму жизнь. Впрочем, во сне так оно и было, эта девчонка была моей жизнью, а я – ее, уже поэтому нам следовало держаться вместе. И нам это чертовски нравилось.

– Все-таки имей в виду на будущее, в чужих снах я предпочитаю выглядеть как наяву, – ухмыляется Йош. – Если это слишком скучно, можно добавить пару-тройку ангельских крыльев. Или, скажем, сияющий меч в руки и корону на голову – для солидности. И больше никаких отклонений от канона, пожалуйста.

– Я постараюсь, – говорит Беата. – Но во сне, сам знаешь, трудно за всем уследить. Оно ускользает, разбегается и превращается. Черт знает во что оно превращается, дружище Йош. Вот и сейчас...

* * *

Беата просыпается, уткнувшись носом в окно, от прикосновения холодного стекла ко лбу.

Там, за окном, улица Русу, там идет дождь и, ловко лавируя между струй, плывут небольшие серебристо-зеленые рыбы. Беата смотрит на рыб. «Не проснулась, – думает она. – Так и знала, я просто еще не проснулась».

Беата моргает. Рыбы исчезают. Дождь остается.

Будем честны, – думает Беата. – Никакого Йоша нет. И никогда не было. И Веры нет, и Томы. Как бы тебя ни звали, тебя все равно нет, и это, конечно, совершенно непоправимо, потому что без тебя жизнь лишается доброй половины смысла. Нет, не так. Не половины. Без тебя жизнь лишается всего своего смысла сразу, будем честны. Я это, конечно, переживу, не вопрос. Вопрос совсем иной: зачем?

От таких мыслей впору расплакаться, но слезы, думает Беата, могут смыть воспоминания, которые еще не ушли, пока совсем рядом, где-то здесь, между лбом и холодным стеклом, поэтому лучше стоять спокойно, не шевелясь, ждать, пока память о сновидениях вернется, не может не вернуться...

И тут звонит телефон.

Беата берет трубку, слушает. Она все еще стоит, уткнувшись лбом в оконное стекло, поэтому ее улыбка достается серебристо-зеленым рыбам, ловко лавирующим между дождевых струй. Будем честны, это чертовски несправедливо, рыбы не интересуются выражениями человеческих лиц и совершенно в них не разбираются. А улыбка изумительно хороша.

– Представляешь, – говорит наконец Беата, – столько всего мне снилось сегодня, великолепной, неподражаемой божественной ерунды, столько разных вариантов тебя, столько твоих лиц, рук и имен, что проснулась и решила сдуру, что ты – это просто сон. Думала, наяву тебя нет. И не было никогда... Не то чтобы огорчилась. Просто перестала понимать, как и зачем дальше жить.

– Что? – переспрашивает Беата. – Да, – говорит она, – да! Теперь снова все более-менее ясно. По крайней мере, я совершенно точно знаю, с чего следует начать эту удивительную новую жизнь наяву. Мы встретимся в кафе на берегу апельсиновой реки, вытекающей из твоего правого виска, будем пить кофе и закусывать его свежайшими огурцами... Что? Конечно я шучу. Нет, не так. Будем честны, я серьезна как никогда. Просто немного запуталась.

* * *

Проснувшись, Беата смотрит в окно.

Улица Савичяус(Savičiaus g) Хаос и Маргарита

Черный пудель возник перед Тари в ответ на ее молитву. Молитв у Тари было две, на все случаи жизни.

Первую: «Господи, пусть все будет хорошо!» – она всегда бормотала перед сном и сразу после пробуждения. Переход из сна в бодрствование и обратно казался ей не то чтобы по-настоящему опасным, но все-таки непростым моментом. Никогда заранее не знаешь, куда тебя на этот раз забросит, и как там будут обстоять твои дела, поэтому помолиться не помешает. Решать же, что такое «хорошо», а что – нет, Господь должен был самостоятельно. Тари ему доверяла, хотя не очень-то в него верила. А может быть, не «хотя», а именно поэтому. Ясно же, что вымышленные существа гораздо умнее реальных. Иначе какой в них смысл.

Вторую молитву: «Господи, скажи, что мне делать?» – Тари старалась использовать только когда окончательно заходила в тупик, то есть, далеко не каждый день. Думала: глупо получится, если в самом конце выяснится, что Бог все-таки есть, и при этом видеть меня уже не может, так я Его, бедного, заколебала.

Трудно быть рассудительным агностиком с буйным воображением. Но себя не выбирают.

Так вот, черный пудель появился сразу после молитвы номер два, насчет которой у Тари существовала твердая договоренность с собственным скептическим умом: то, что привлечет внимание сразу после ее вознесения, и следует считать правильным ответом. Фраза, сказанная кем-нибудь вслух, песенка из окна проезжающего мимо автомобиля, раскат далекого грома, граффити на стене, вывернувший из-за угла свадебный кортеж, аромат котлет из кухни соседнего ресторана, детский плач, упавшая с полки книга, перебежавший дорогу кот, телефонный звонок, попавшая в глаз соринка, обрывок старого плаката на рекламной тумбе – словом, все что угодно.

В обмен на согласие считать такого рода информацию ответом на вопрос ум получил право интерпретировать ее целиком на свое усмотрение. Как ни удивительно, эта договоренность обычно давала неплохие результаты. Найти мало-мальски вразумительный ответ удавалось далеко не всегда, зато развлечение было гарантировано. Уже хлеб.

Вот и сейчас, еще не дошептав про себя слово «делать», Тари почувствовала деликатное прикосновение к колену, опустила глаза, увидела большую черную кудлатую собаку, опознала в ней нестриженного королевского пуделя – не то чтобы она разбиралась в породах, просто у соседки по коммунальной квартире когда-то был точно такой же пес – и рассмеялась.

– Господи, – сказала она вслух, благо город был совершенно пуст по случаю холодного ноябрьского понедельника, – неужели Ты хочешь сказать, что я должна выгодно продать свою бессмертную душу?

Впрочем, вскоре Тари стало не до смеха. Потому что пудель явно не собирался превращаться в элегантного антропоморфного беса. Что, в общем, еще полбеды. Гораздо хуже, что его гипотетические владельцы так и не объявились, хотя времени догнать и призвать к порядку собаку у них было предостаточно.

При этом пес вел себя так, словно встретил наконец хозяйку своей мечты и теперь твердо намеревался грызть ее домашние шлепанцы долго и счастливо, пока к ним не придет Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. И не унесет, рыдая от жалости, то небольшое, что останется от многострадальной обуви.

Приглядевшись, Тари увидела, что ошейник у пуделя имеется, хороший, добротный, из толстой кожи.

А вот поводка к нему не прилагалось. Не то оборвал, не то просто отстегнули. В самом центре города, где полно автомобилей и бесчисленных соблазнительных подворотен, куда так просто забежать, если хочешь потеряться, отличная идея, хозяйева – молодцы.

– Так ты, получается, сбежал? – укоризненно спросила она. – Взял и сбежал, специально для того чтобы у меня стало одной проблемой больше? Ты ж моя умница.

Черный пудель восхищенно вывалил розовый язык и завилял хвостом. Говорить человеческим голосом он явно не собирался, и это было досадно. Хоть адрес сказал бы. А то совершенно непонятно, что с ним, таким красивым, делать.

«Этого следовало ожидать, – сердито подумала Тари. – День с самого начала не задался».

* * *

Ну как – не задался. Просто нынче утром Тари проснулась в слезах, никогда раньше такого не было. И никак не могла вспомнить, что именно ей приснилось, хотя обычно запоминала сны не хуже событий, случившихся наяву; всякий раз заново удивлялась, выясняя, что другие их часто не помнят – как можно взять и забыть несколько совсем недавних эпизодов своей жизни? Немыслимая рассеянность.

Поэтому неспособность вспомнить сон, который довел до слез, выбила Тари из колеи.

Впрочем, зачем себя обманывать. Колея приказала долго жить гораздо раньше. И черт бы с ней, невелика драгоценность. Но жизнь вне этой постылой и, теоретически, разрушительной колеи почему-то не превратилась в увлекательное приключение.

Смутное недовольство грызло Тари уже не первый день, но уловить и сформулировать его удалось только сегодня.

Подобные неприятные озарения почему-то всегда приходят внезапно и как-то очень уж некстати. Например, когда просыпаешься в слезах и совершенно не помнишь, что случилось во сне. А потом обнаруживаешь, что в доме закончилось молоко, и кофе без него с непривычки кажется таким горьким, что поневоле добавляешь сахар. И попробовав, снова начинаешь плакать, горше, чем в постели, потому что кофе с сахаром пила когда-то очень давно, в студенческой юности, вместо завтрака и обеда. А на ужин в ту пору обычно были чай с бубликом, книга, иногда любовь и всегда надежда, что вот прямо завтра, самое позднее, через неделю начнется настоящая жизнь, наполненная удивительным смыслом и делами, которые пока и вообразить- то невозможно, только предчувствовать.

И вот двадцать лет спустя снова пробуешь этот гадский кофе с сахаром. А сделав первый же глоток, вдруг становишься той девочкой с вечно расширенными от восторга зрачками. И говоришь ей, то есть, себе, скрипучим голосом разочарованной взрослой тетки: «Так и не сбылось». И сколько ни тверди потом с фальшивым оптимизмом: «Эй, мать, не драматизируй на ровном месте», – не помогает.

А потом выходишь из дома, и сразу начинается черт знает что. Пьяная баба с красным, перекошенным от злости лицом заступает дорогу, выкрикивая что-то, судя по тону, оскорбительное на все еще непонятном – за две недели ничего,

кроме «спасибо-здрасьте- до свидания» не выучишь – языке. Из-за угла выворачивает бородатый мужик в розовом, явно женском, с чужого плеча пальто, с топором под мышкой, заговорщически подмигивает, неторопливо удаляется прочь – и думай, что хочешь. В окне первого этажа, где прежде стояли горшки с орхидеями, вместо цветов появляется темное, недоброе старушечье лицо, тонкие губы беззвучно шевелятся за стеклом, брови сурово хмурятся – ох, чур меня! В ближайшем супермаркете, куда привыкла заходить за молоком и хлебом, не то умирает, не то уже умер старик, похожий на Дон Кихота; во всяком случае, он неподвижно лежит на полу, вокруг суетятся врачи. Проезжающий мимо автомобиль с ног до головы окатывает грязной водой, из открытого канализационного люка появляется смуглый, кудрявый, похожий на сказочного черта сантехник, малолетние школьники с ангельскими личиками и новенькими, нарядными, хоть сейчас в рекламный буклет, ранцами тычут друг другу под нос средний палец, восторженно выкрикивают: «fuck, fuck, fuck!» – и хохочут так, что едва держатся на ногах. И, словно этого мало, на месте крошечной парфюмерной лавки на улице Стикло, которую заметила вчера вечером и специально запомнила, чтобы зайти, когда будет открыто, сегодня обнаруживается пустое помещение с заколоченной дверью и темными окнами, за мутным от пыли стеклом томится пожелтевшая картонка с надписью «For Rent». Получается, все-таки что-то перепутала, глупая дырявая голова, где теперь этих

парфюмеров искать? Нет ответа.

Каждый эпизод в отдельности – ничего выдающегося, но все вместе они складываются в явственный призыв: «Убейся отсюда подобру-поздорову. Мы тебе не рады».

Растерялась. Дорогой город, как же так? Еще вчера мне казалось, я тебе тоже нравлюсь.

Не успела подумать, как из ближайшей подворотни выскочил лопухий подросток, сунул в руки желтую хризантему, выкрикнул истошным фальцетом: «Ай лов ю!» – заржал, как молодой конь и умчался прежде, чем успела отдать ему цветов.

Растерялась окончательно. Как все это понимать? Что теперь должен думать и чувствовать человек, который вот уже две недели с утра до ночи задает себе только один вопрос: уезжать, или остаться? Остаться тут или все-таки уезжать? И если уезжать, то что делать с тети Элиной квартирой? Искать жильцов, или сразу продавать? А если оставаться, то как быть со всем остальным?

Можно, конечно, еще какое-то время потянуть с ответом. Отдохнуть, погулять по городу, купить очередную кофточку, поплакать во сне. И даже наяву. Не вопрос.

* * *

– Ты дурак, собака, – сердито сказала Тари. – Зачем удрал от своих хозяев? Теперь мне придется не бросать тебя в беде,

да? Вести домой, кормить, выгуливать дважды в день, клеить объявления на всех окрестных столбах и заваливать твоими фотографиями местные интернет-форумы. Отлично проведем время.

Черный пудель ответил ей очередной белозубой улыбкой. Ну хоть не расхохотался в лицо, и на том спасибо.

– Это, надо понимать, милосердный Господь решил привести меня в чувство старым добрым методом «купи козу», – вздохнула Тари. – Он прав, я уже начинаю думать, что еще пять минут назад никаких проблем у меня не было. И знаешь что я тебе скажу, уважаемый пес? Ты моей проблемой не станешь. И не надейся.

У черного пуделя было на сей счет иное мнение. По крайней мере, когда Тари поднялась со скамейки и зашагала в сторону дома, он пошел за ней, как привязанный. Нет чтобы за хозяевами так ходить. Балбес.

Конечно, она захлопнула дверь подъезда перед его носом. Сказала: «Иди домой. Домой!» Конечно, сразу прилипла к окну: ушел? Не ушел. Вот же зараза. И конечно, даже четверти часа не продержалась, пошла вниз, впустила собаку. Сказала:

– Но учти, я вот прямо сейчас сяду писать объявления. А потом мы с тобой пойдем их клеить. И если твои хозяева не объявятся хотя бы через неделю, я...

Пригрозить «сдам тебя в приют» язык не повернулся. Поэтому буркнула: «.что-нибудь придумаю», – и сердито отвер-

нулась, чтобы не видеть восторженных собачьих глаз.

Тари не очень-то верила, что от ее объявлений, наскоро написанных по-русски и по-английски на линованных страницах дешевого блокнота и наклепленных по всему Старому городу ненадежным клеевым карандашом, будет хоть какой-то толк. Дала себе слово завтра же разобраться с интернетом, но хозяин черного пуделя объявился прежде, чем она успела зарегистрироваться на первом из найденных городских форумов о пропавших животных. Позвонил по телефону, сказал по-русски, без малейшего намека на акцент: «Похоже, вы нашли мою собаку. Когда и куда я могу за ней прийти?»

Ничего себе поворот! В глубине души Тари была уверена, что пес – это внятный и однозначный ответ на ее вопрошающую молитву: «Придется тебе тут остаться». Потому что волоочь здоровенную собаку в съемную московскую клетушку – дурость, граничащая с безумием. А сдать в приют духу не хватит, на этот счет у Тари не было никаких иллюзий.

То есть счастье, конечно, что пес вернется домой – с одной стороны. А с другой, как тебя теперь понимать, дорогой Бог? Сам, что ли, никак не можешь определиться, монетку подкидываешь, или просто считаешь проплывающие мимо Тебя облака: чет – оставляем Тари здесь, нечет – пусть уезжает домой. Или наоборот? И как считать вон то рваное облако – за одно, или все-таки за два? Ой, а сколько их только

что было?

То-то и оно что ой.

Но телефону она, конечно, все это говорить не стала. Назвала адрес и пошла заваривать чай. И кофе, поразмыслив, тоже поставила на плиту. Пусть у гостя будет выбор.

* * *

До сих пор пес совершенно не печалился по хозяину, по крайней мере, никак не проявлял свои чувства. Ходил за Тари по пятам, на улице не отлучался от нее ни на шаг, даром что без поводка, преданно вилял хвостом, ел из рук, а спать улегся рядом с ее диваном. Но после телефонного разговора выскочил на балкон, просунул лохматую башку между прутьев и принялся ждать, всем своим видом демонстрируя преданность. На Тари он больше не обращал внимания, а когда она позвала его в дом, адресовал ей изумленный взгляд: «Да кто ты вообще такая и откуда тут взялась?» Несколько минут спустя пес рванул к дверям, и Тари поняла, что ее избавитель уже в подъезде.

Пошла открывать.

После телефонного разговора ожидала, что обладатель негромкого приятного баритона окажется subtilным интеллигентным дядечкой средних лет, или даже старше, скорее всего, в дорогом когда-то, худо-бедно дожившем до

условно счастливой старости пальто и с аккуратно подстриженной бородкой, хотя тут, конечно, могут быть варианты. Поэтому увидев на пороге верзилу с лицом хищной птицы, в потертом кожаном плаще, тяжелых ботинках и совершенно не подходящей к этому наряду серой шляпе, опешила и даже спросила: «Вы к кому?» Дурацкий вопрос. Чужих людей собаки так не встречают, даже самые дружелюбные.

Тут же исправилась:

– А, ну да. Ясно. Вот и хорошо.

– Здорово, что вы нашли Кота!

Незнакомец улыбнулся так ослепительно, что Тари, околдованная его улыбкой, не сразу осознала несоответствие. Посторонилась, пропуская его в дом, заперла за ним дверь и только потом спохватилась:

– Вашу собаку зовут Кот?!

– Так получилось, – он улыбнулся еще шире, демонстрируя совершенно возмутительные ямочки на щеках, приличествующие разве что юной школьнице, но уж никак не такому здоровенному дядьке. – Могу поклясться, имя ему выбирал не я.

Тари махнула рукой и расхохоталась. Незнакомец доброжелательно взирал на нее с высоты своего роста. Черный пудель по имени Кот с энтузиазмом подпрыгивал, размахивая хвостом.

– У меня есть чай по имени Кофе, – сквозь смех сказала Тари. – И кофе по имени Чай. Что будете пить?

– То и другое, можно без хлеба.

Тоже мне Винни-Пух.

– Боюсь даже спрашивать, как зовут вас, – вздохнула Тари, расставляя чашки.

– Если боитесь, не спрашивайте, – великодушно разрешил гость. – Не настолько важная штука чужое имя, чтобы лиш- ний раз впускать в свою жизнь страх.

Тари так и не поняла, шутит он или нет. И поэтому не нашлась, что ответить. Спросила:

– А вы действительно будете и чай, и кофе? Мне не жалко, просто обычно люди выбирают что-то одно.

– Потому что дураки. Зачем выбирать, когда можно со- гласиться на все?

И то верно.

Усевшись за стол, он наконец перестал улыбаться и начал оглядываться. Не украдкой, как это обычно делают вежли- вые взрослые люди, попав в чужой дом, а откровенно вертя головой по сторонам, как ребенок, которого привели в гости. Это, впрочем, совершенно не мешало ему одной рукой по- мешивать чай, а другой добавлять в кофе сливки. Черный пудель улегся на хозяйскую ногу и умиротворенно затих.

Тари налила себе остатки кофе и опустилась на табурет, мучительно размышляя: «О чем с ним говорить?» Всегда страдала от пауз в беседе с незнакомцами, почему-то соб- ственное молчание казалось ей признаком не то глупости, не

то просто дурного воспитания, зато чужое – исполненным особой тайной значительности, неловко его нарушать. И в то же время, необходимо, вернее, положено. И как быть?!

Поэтому новые знакомства всегда становились для нее мучительным делом.

– У вас очень красиво, – наконец сказал гость.

– Спасибо, – смущенно откликнулась Тари.

По правде сказать, она совершенно не понимала, что такого красивого можно увидеть в тети Элиной кухне, которую она наскоро переделала под себя – насколько это возможно без серьезных затрат. Выкинула жуткий продавленный диван и его задушевную подругу люстру, заменила древние стулья парой строгих черных табуретов, недрогнувшей рукой выкрасила в яркие цвета дверцы кухонных шкафов, добившись вполне внятного сходства с абстракциями Мондриана – технически это проще всего, а смотреть приятно и даже лестно. Варишь суп и одновременно ощущаешь себя без пяти минут европейским интеллектуалом – это, конечно, пока не доберешься до тети Элиной гостиной, которую так просто не одолеть. Поэтому в гостиную Тари практически не заходила, довольствовалась преобразенной кухней и чистенькой аскетичной спальней, обстановка которой не заставляла ее сутулиться от стыда перед невидимыми экспертами – уже немало.

А в коридоре можно просто никогда не включать свет.

Гость тем временем принялся рассматривать Тари – все с

тем же нескрываемым оценивающим интересом, но не обычным мужским, а каким-то отстраненным, словно считал ее дополнительной деталью интерьера, и прикидывал, в каком углу она теперь должна стоять. И должна ли вообще хоть в каком-то.

Под его взглядом Тари почувствовала себя совсем неудобно. Как будто этот самозванный Винни-Пух в шляпе, за собственным псом углядеть не способный, и правда может решить, что хозяйка совершенно не украшает собственную кухню, и вежливо попросить невидимого ассистента вынести ее вон. Заерзала на своем табурете, опустила глаза, отвернулась. Сказала – просто потому, что молчание стало совсем уж невыносимым:

– Похоже, я все-таки угадала.

– Что именно? – заранее обрадовался гость.

– Что черный пудель – это бес, как и сказано в первоисточнике. Только Фауст в данном случае – не я, а вы. Что в общем логично. Он ищет для вас Маргарит, согласно подписанному контракту. Находит, показывает, вы осматриваете находку, говорите ему: «Нет, опять не то». И поиски продолжаются. Интересно, какая я по счету?

– А вас зовут Маргарита?

Тари молча кивнула, с трудом удерживаясь от искушения поведать, что с детства терпеть не могла это имя и все возможные производные от него, включая «Риту» – особенно «Риту»! – но годам к пятнадцати сообразила поменять сло-

ги местами, и в таком виде имя неожиданно село как влитое, никто из новых знакомых не сомневался, что ее именно так и зовут, даже дети в изостудии обращались к ней: «Тари Викторовна», и их родители тоже... нет, стоп, дорогая, стоп! Такие подробности о себе всегда приятно рассказывать, но скучно слушать, поэтому будь милосердна к бедняге, даже не начинай.

– А вас, надеюсь, зовут Иоганн? – спросила она. – Чтобы все по-честному.

– Прототип, насколько я помню, был не просто Иоганн, а Иоганн Георг, – совершенно серьезно возразил гость. – А если верить аббату Тримерию, так и вовсе магистр Георгий Сабелликус. Поэтому возможны варианты; впрочем откликаться на «Иоганна Георга» я бы не отказался, очень уж величественно звучит, хоть на трон с таким именем претендуй. Но важно в данном случае не это. А то, что вы почти угадали. То есть, я, конечно, не коллекционирую Маргарит, но что касается Кота, с ним и правда все довольно непросто.

Чуть было не спросила: «Какого кота? Откуда вдруг взялся кот?» – но вовремя вспомнила, что так зовут собаку.

Кивнула.

– Непросто, ну да. Могу представить. С таким-то имечком.

– Имя – это как раз ладно бы. Штука в том, что время от времени Кот убегает. Не слишком часто, примерно пару раз в год. Потом его кто-нибудь подбирает, развешивает объяв-

ления, я прекращаю пить успокоительное и иду его забирать. И хотите верьте, хотите нет, но все, с кем я вынужденно познакомился по его милости, оказывались важными людьми в моей жизни. Некоторые становились мне друзьями, некоторые – коллегами. А однажды Кота нашла хозяйка квартиры моей мечты, на окна которой я не раз заглядывался, гуляя по улице, и сдала мне ее, не раздумывая, как раз искала нового квартиранта. И вот теперь смотрю я на вас, дорогая госпожа Маргарита, и заранее гадаю: что будет? Какой сюрприз меня ждет? Для чего вы мне пригодитесь?

Тари озадаченно покачала головой.

– Понятия не имею. Квартиру, кстати, тоже могла бы сдать. Но вам, как я понимаю, уже не надо.

– Квартиру? Вот эту? – удивился самозванный Иоганн-Георг. – Слушайте, а не жалко ее сдавать? Такой отличный район, Савичяус одна из моих любимых улиц в Старом Городе... Простите, увлекся. Вечно лезу не в свое дело.

– Да ладно, лезьте на здоровье. Улица мне и самой нравится. И город тоже. Я здесь всего две недели, как раз из-за квартиры. Она совершенно внезапно на меня свалилась. Тетя умерла и назначила меня своей наследницей, что, честно говоря, довольно неожиданно. В последний раз мы виделись, когда мне было лет пять; я сама этого не помню, знаю только с маминых слов. А потом они с мамой поссорилась, понятия не имею, из-за чего, но крепко. С тех пор общение прекратилось. Я тетю Элю даже на мамины похороны не смогла по-

звать – просто не знала ее адреса. И вдруг такой сюрприз. Я пока, честно говоря, совершенно не понимаю, что мне с этим сюрпризом делать. С одной стороны, такая удача привалила, а с другой, как ею воспользоваться? Найти квартирантов и возвращаться в Москву, жить там, да радоваться дополнительному доходу? Или продать и купить жилье, плохонькое, но свое? Самый разумный вариант. Проблема в том, что уезжать отсюда мне уже совсем не хочется.

– Ну так и не уезжайте. Зачем?

– Работа, – пожалала плечами Тари. – Все упирается в работу. Здесь я ее вряд ли найду. Во-первых, язык; в моей профессии он не то чтобы самое главное, но все равно нужен. Во-вторых, разрешение на работу мне тоже вряд ли вот так просто кто-то выдаст. Да и с видом на жительство не все так гладко, как хотелось бы. Владение недвижимостью дает мне право находиться тут всего три месяца каждые полгода, я уже узнавала. Ну и в-третьих, вряд ли моя профессия здесь так уж востребована. Своих, подозреваю, некуда девать...

– А кого именно некуда девать? – заинтересовался он.

– Дизайнеров, – неохотно сказала Тари. И еще более неохотно добавила: – Интерьеров. Без громкого имени и с более чем скромным портфолио. Никогда не умела делать карьеру и уже вряд ли научусь.

Сама не знала, зачем говорит все это совершенно незнакомому человеку. Наверное, соскучилась по собеседникам. Да что там, просто очумела уже от одиночества и молчания

за эти две недели. А человек, который пришел забрать свою собаку, ненастоящий доктор Фауст, условный Иоганн-Георг – это же практически попутчик в поезде. Встретились, поговорили, и прощай навсегда. Кому и пожаловаться на жизнь, если не ему.

– Кот опять не подвел! – воскликнул попутчик, для пущей убедительности воздев к потолку длинный указательный перст. И расхохотался, да так громко, что задремавший было черный пудель проснулся и одобрительно вывалил из пасти розовый язык, что у собак и временно принявших их облик бесов, вероятно, символизирует смех.

– Слушайте, а витрины вы когда-нибудь оформляли? – отсмеявшись, спросил он.

– Неоднократно. Только вы учтите, это были, по большей части, булочные и магазины стройматериалов. Не Hermes, не Bergdorf Goodman, не Bloomingdale. Все очень скромно.

Сказала и тут же пожалела. А вдруг «попутчик» не просто так радуется, а собирается предложить ей работу? Вернее, собирался. Унылое признание «не Bloomingdale» у кого хочешь такую охоту отобьет.

Но Иоганн-Георг театрально всплеснул руками.

– Стройматериалов! – повторил он. – Надо же, стройматериалов! Послушайте... ай, нет, пока не слушайте. Или. Так, стоп. Мне надо подумать. Или не надо? Слушайте, а вы могли бы выйти со мной на улицу? Здесь недалеко, буквально сотня метров.

– Что – недалеко? – опешила Тари.

Гость ее наконец перестал улыбаться и нахохлился, как гигантский голубь. Видимо, именно так он представлял себе серьезность и теперь очень старался соответствовать.

– Понимаете, какое дело. Мне сейчас как раз позарез требуется дизайнер с опытом оформления витрин и интерьеров магазинов. На самом деле, вы правы, специалистов неплохого уровня тут довольно много. Но у нас своя специфика, так сразу и не объяснишь. Непонятно, с чего начинать.

– Да с чего угодно, – почти сердито сказала Тари.

Она только сейчас осознала, как счастлива была бы получить возможность остаться. Причем дело даже не в городе. По крайней мере, не только в нем. А в обещании новой жизни, которую сулил переезд. Вовсе не обязательно лучшей, но, безусловно, не похожей на прежнюю. Одного этого совершенно достаточно, чтобы сказать: «берем». Не задумываясь. Чего тут думать, прыгать надо. А этот... Иоганн Георг, мать его за ногу, жилы тянет. Специфика у него, видите ли. Секс-шоп, что ли, надо оформить? Ну елки, так бы и сказал. Неужели я похожа на трепетную барышню, которую легко смутить?

Вопрос риторический. Тари и сама знала, что совершенно не похожа. На барышню – лет двадцать уже как. А на трепетную, вроде, никогда и не была.

– «С чего угодно» – хороший подход, – кивнул Иоганн-Георг. – И если уж нам обоим все равно, предлагаю начать

с прогулки. Здесь правда совсем близко. Вам же не очень трудно одеться и немного проводить нас с Котом?

– Не очень, – согласилась Тари.

Благо ботинки шнуровать не надо, на молнии они – вжик, вжик, и все. И с курткой то же самое. Даже если окажется, что зря выходила, будет не очень обидно. То есть, конечно, очень, но уж всяко не из-за усилий, затраченных на одевание.

Вышли из дома. Черный пудель Кот первым свернул налево и уверенно потрусил в направлении улицы Бокшто. Последовали за ним.

– А почему вы не берете собаку на поводок? – спросила Тари. – Сами же говорите, он иногда убегает.

– Кот не любит ходить на поводке, – объяснил Иоганн-Георг. – То есть, не просто не любит, а натурально ненавидит. Если взять его на поводок, сразу ляжет на тротуар, и хорошо если не в ближайшую лужу. И с места не сдвинется, пока поводок не отстегнут. Ничего не поделаешь, всем нам время от времени приходится мириться с причудами близких. А им – с нашими... Все, мы пришли. Видите, совсем рядом, я не обманывал.

Они остановились перед запертой дверью, выкрашенной в яркий синий цвет. Можно было бы счесть ее входом в чью-нибудь квартиру, если бы не картонка с написанными от руки словами – одно непонятное литовское, второе «Closed». Закрыто, стало быть. Ценная информация, кто бы спорил,

но сперва хотелось бы понять, что именно закрыто? Магазин? Клуб? Нотариальная контора? Стриптиз-бар? Приемная дантиста? Маникюрный салон? Да что угодно. Ни вывески, ни витрины. Хотя нет, пардон. Вот же она, витрина, справа от входа. Если, конечно, можно назвать «витриной» хаотические кучки редиски, орехов и мандаринов, выставленные на подоконнике за мутноватым толстым стеклом.

Эх. Все-таки не секс-шоп.

«Оказывается, у меня тут зеленная лавка под боком, – подумала Тари. – Странно, что я ее до сих пор не замечала. Лавка по соседству – это всегда хорошо. А недорогая разовая подработка, которую мне сейчас, скорее всего, предложат, тоже неплохо. Гораздо лучше, чем ничего. Всегда надо с чего-то начинать».

Иоганн-Георг достал из кармана увесистую связку ключей, быстро выбрал нужный, вставил в замок, повернул и распахнул перед Тари синюю дверь.

Вошла. Огляделась. Хотела сказать: «Да, у вашего интерьерера не все ладно с ногами»⁸, – но вовремя прикусила язык. Во-первых, людей, способных опознать цитату из «Саги о Греттире», так исчезающе мало на этой планете, что вряд ли у нас есть шанс однажды встретить друг друга и посмеяться вместе. А во-вторых, высказывать мнение до того,

---

⁸ Цитата из исландской «Саги о Греттире». Соль в том, что «у него, по-моему, не все ладно с ногами» там говорят о человеке по имени Энунд Деревянная Нога, то есть об одноногом.

как тебя об этом попросили, дурной тон. Сама такое терпеть не могла и мало кому прощала.

– Да, у нас тут все по-дурацки обустроено, я и сам вижу, – жизнерадостно сказал ее спутник. – Но не понимаю, как это исправить. Никаких идей. Я как те люди с музыкальным слухом, которые чувят чужую фальшь, а сами петь не умеют.

– Было бы гораздо хуже, если бы вы думали, будто все в порядке, – утешила его Тари. – А так все поправимо. Можно придумать очень бюджетный вариант...

– Бюджетный, не бюджетный – это как раз все равно, – отмахнулся он.

Неожиданный поворот. Обычно владельцев таких вот мелких магазинчиков цена наведения красоты беспокоит больше всего. И их можно понять.

– Ладно, – кивнула Тари. – Как скажете. Только. Хотите честно? Работы тут, в любом случае, максимум на пару дней. Держать дизайнера на ставке никакого смысла.

– Конечно, никакого, – легко согласился Иоганн-Георг. – Но штука в том, что. Скажем так, у меня довольно много подобных лавок. И во всех примерно такой же унылый бардак.

«Ого, – подумала Тари. – А вот это уже интересно».

Впрочем, потом она подумала, что этот красавчик, скорее всего, врет. Набивает себе цену, чтобы она захотела на него работать. Сейчас предложит сделать эскизы – на пробу, конечно. Так сказать, вступительный тест. Потом скажет: «К сожалению, не получилось», – вежливо попросается, воз-

можно, даже презентует коробку конфет за тщетные труды и отправится переделывать свою лавку самостоятельно, радуясь, что проект достался ему совершенно бесплатно. Не он первый, не он последний, ох.

Стыдно, конечно, так думать о людях. Но стыд стыдом, а осторожность все равно не повредит. Поэтому давай пока не будем грезить о десятках ужасных овощных лавок, которые так хочется немедленно начать приводить в порядок и грести, грести лопатой гонорары, практически сами падающие в карман.

Уфф. Размечталась.

– Наверное, вы хотите, чтобы я сделала для вас предварительные эскизы? – уныло спросила Тари.

Но Иоганн-Георг снова ее удивил.

– Да нет, – сказал он. – Пока я хотел просто показать вам эту лавку. Чтобы вы, скажем так, знали, что она есть.

– Ладно, – растерянно кивнула Тари. – Буду знать.

– Вот и отлично. Остальное, если не возражаете, обсудим завтра. Я вам позвоню. С которого часа это удобно?

– С девяти, – сказала Тари.

И тут же пожалела о своих словах. Девять утра для нее – рань несусветная. Она и всегда-то предпочитала работать пол-ночи, ложиться часа в три-четыре и вставать, соответственно, не раньше одиннадцати. А здесь, на новом месте, без работы и других обязанностей совсем расслабилась. Какое там «с девяти».

– Ну, раньше полудня я все равно не позвоню, – улыбнулся Иоганн-Георг. – Я ночной человек, по утрам меня, можно сказать, вообще не существует.

«Какой молодец, – подумала Тари. – Обычно люди стесняются признаваться, что поздно встают. И, в общем, правильно делают, доброжелательного понимания это, как правило, не вызывает. Вот и я готова держать телефон под подушкой, подскакивать от его вопля, вежливо отвечать на дурацкие чужие звонки, ненавидеть весь мир, не ощущать свой дом надежным убежищем, лишь бы никто не догадался, что в это время я еще сплю».

Позвонил Иоганн Георг только в половине первого. Спросил непринужденно, как будто они были знакомы уже много лет:

– Вы еще дома?

«Знал бы ты, до какой степени я еще дома», – насмешливо подумала Тари, лежавшая в этот момент в постели и раздумывающая, настолько ли ей хочется кофе, чтобы вот прямо сейчас вылезти из-под одеяла и отправиться его варить.

Вчерашние разговоры о работе взволновали ее куда больше, чем хотелось бы. Насколько, что до позднего ноябрьского рассвета не сомкнула глаз, а купленный несколько дней назад блокнот был весь исчеркан эскизами, сделанными, разумеется, просто так, для себя, а вовсе не в надежде, что однажды пригодятся, и это «однажды» наступит завтра же. Разумеется, нет, чудес не бывает, никто их особо и не ждет. Но

порисовать-то можно, если уж все равно не спится.

Но вслух Тари, конечно, только и сказала:

– Да, дома.

И прикусила язык, чтобы не пуститься в объяснения: дескать, уже выходила по делу и в магазин, и вот как раз вернулась, что вы, что вы, конечно же, я не спала до полудня, как можно такое подумать. Оправдываться, предвосхищая обвинения – скверная привычка, слабая позиция, но как же трудно от нее избавиться, господи, кто бы знал.

– Отлично! – обрадовался он. – Когда соберетесь выйти, пожалуйста, загляните в ту лавку, где мы с вами были вчера. А оттуда сразу мне перезвоните, договорились? И не торопитесь, дело совсем не срочное. Я готов ждать до вечера. Да хоть до завтрашнего утра, мне не к спеху.

– Ну, настолько я затягивать не буду, – невольно улыбнулась Тари. – Поза... пообедаю сейчас и сразу туда пойду.

Так смутилась, перепутав завтрак с обедом, что даже не стала спрашивать, зачем такие сложности, почему непременно нужно перезванивать из лавки? Чего я не успела увидеть вчера?

Впрочем, ладно.

Какое там завтракать-обедать, она даже кофе не стала варить. И одевалась так торопливо, словно Иоганн-Георг велел ей добраться до лавки не позже тринадцати ноль-ноль. А потом – все, бьют часы, кареты стремительно превращаются в

тыквы, на ногах появляются мозоли от тесных хрустальных башмаков, легкомысленные кандидаты в трудовые мигранты остаются без работы мечты. Кто не успел, тот опоздал.

Натянула первый попавшийся свитер, накинула куртку, выскочила из дома. Так спешила, что проскочила мимо лавки, хотя вроде бы всю дорогу внимательно высматривала синюю дверь. Опомнилась уже на углу Бокшто, дальше идти просто некуда, улица закончилась, привет.

Ладно, невелика беда. Пошла назад медленно, разглядывая вывески и витрины. Салон «Le Muse» с самодовольным объявлением на дверях: «Muses are born here», серые ворота, белая дверь вечно закрытой сувенирной лавки, ресторан «Druskos», крошечное бистро... Так, стоп, а это уже мой двор. Именно отсюда я только что вышла. Ничего не понимаю.

Прошла по улице еще раз, просто для очистки совести. Была совершенно уверена, что никак не могла пропустить яркую приметную синюю дверь, разве что, за ночь ее перекрасили. Интересно, зачем? На этот раз совала нос во все окна: где моя знакомая редиска и ее друзья мандарины? Эй! Редиска – где?

Нет ответа. И витрины с овощами и фруктами тоже нет. Нигде. Чокнуться можно.

Точно помнила, что дорогу они вчера не переходили, но все равно прошла по противоположной стороне улицы. Два раза. И только после этого, чуть не плача от обиды, до-

стала из кармана телефон. Заранее представляла, как жалко прозвучит ее лепет: «Я не нашла вашу лавку». И потенциальный работодатель мечты сразу поймет, что связался с полной идиоткой.

Но обещала, значит надо позвонить.

Потенциальный работодатель мечты избавил ее от мук, сразу жизнерадостно спросив:

– Что, нет нигде моей лавки?

Тари, окончательно сбита с толку, промычала что-то вроде «угу». Невнятное, но в целом выражающее согласие.

– Очень хорошо, – сказал Иоганн Георг.

В его голосе было столько неуместного оптимистического злорадства, что Тари впервые в жизни ощутила желание убить малознакомого человека. В идеале, табуреткой. Это ее обескуражило. До сих пор подобные желания посещали ее лишь в отношении близких.

Иоганн-Георг явно почувствовал опасную перемену в ее настроении. Сказал:

– Я понимаю, что моя просьба непременно заглянуть в лавку поставила вас в неловкое положение. Мне очень жаль, но это было совершенно необходимо. Готов загладить свою вину, угостив вас кофе. Заодно посмотрите на мое кафе. И, вполне вероятно, решите, что его интерьеру тоже срочно требуется вмешательство специалиста. Ну или сразу пожар, чтобы не затягивать агонию. Можете прямо сейчас прийти на Стикло? Кафе узнаете по оранжевой доске над входом, у

нас пока цвет вместо названия. Такая идея.

«Ого!» – подумала Тари.

Улица Стиклю была совсем рядом, и Тари проходила там почти каждый день. И успела понять, что лавки и кафе там не простые, а золотые. В смысле, дорогие. Для состоятельных туристов. Неизвестно, насколько хорошо идут их дела, но аренда, несомненно, стоит бешеных денег. И если этот тип может себе позволить держать кафе на Стиклю, то это... Ого! И черт с ней, с пропавшей зеленой лавкой. Тем более, что он сейчас все объяснит.

– Буду через четверть часа, – сказала она.

И пошла домой, чтобы сменить первый попавшийся свитер на второй попавшийся. То есть, более приличный. И умыться. И по-быстрому что-нибудь проглотить. Благо до Стиклю отсюда – минуты три, максимум. Шагом, не бегом.

Такой хороший компактный город. Все рядом, все понятно.

– Ой, так это же здесь! – выпалила Тари, переступив порог безымянного и пока совершенно пустого кафе с оранжевой доской вместо вывески.

И конечно сразу прикусила язык. Но было поздно.

– Что именно – «здесь»? – заинтересовался Иоганн-Георг.

Сегодня он был без шляпы. И без кожаного плаща. В заляпанных краской джинсах и футболке с короткими рукавами.

Волосы цвета выгоревшей травы небрежно связаны в хвост, на ногах тряпичные кеды. Как будто на улице не ноябрь, а июль. И сразу за порогом – пляж.

И ему самому девятнадцать лет, а не в лучшем случае под сорок.

Столь неуместный внешний вид потенциального работодателя произвел удивительный эффект: Тари наконец перестала его стесняться. Можно сказать, прониклась доверием. Я – идиотка, которая не смогла найти нужную лавку на короткой улице, он – идиот, который носит в ноябре тряпичные кеды, оба хороши, стоим друг друга, вполне можно найти общий язык. И говорить потом на этом языке откровенно, не стараясь показаться более вменяемой, чем уродилась. Чего уж тут, все свои.

Поэтому вместо того, чтобы смущенно буркнуть: «Неважно, просто показалось», – она пустилась в объяснения:

– Если я ничего не путаю, еще три дня назад здесь находилась парфюмерная лавка. Я ее заметила вечером, запертой и решила зайти назавтра, когда будет открыто. Но назавтра, то есть, позавчера, как раз перед тем, как подобрать вашего Кота, я снова проходила мимо, и лавка уже была безвидна и пуста. И тьма над бездною, и дух над водами. То есть, не дух, а картонка с надписью «For Rent». И не столько над водами, сколько над заколоченной дверью. Я, честно говоря, ужасно огорчилась, что не успела там побывать, флаконы в витрине были очень интригующие. Но ладно, закрыли и закрыли,

бывает. И вдруг сегодня тут уже кафе! И выглядит, как будто всегда здесь стояло. Потрясающе быстро вы все провернули.

– Да, – согласился Иоганн Георг. – Я шустрый, этого у меня не отнять.

«Надо же, не возражает, – подумала Тари. – Получается, ничего я не перепутала, лавка была именно здесь. Фантастика».

– А парфюмеры куда-нибудь переехали или просто закрылись навсегда? – спросила она.

– Пока не знаю. Но очень здорово, что вы заметили эту лавку.

– Почему здорово?

Иоганн-Георг неопределенно пожал плечами. Как будто и так должно быть понятно любому дураку.

Ну ладно, пусть.

– А как вам это кафе? – спросил он. – Сойдет, или совсем ужас?

– Да ну, совершенно не ужас, – искренне сказала Тари. – Вполне можно не морочить себе голову и оставить все как есть, если только вы не собираетесь полностью сменить концепцию. В смысле, превратить его в детскую кондитерскую, или в бар.

– В детский бар, – кивнул Иоганн-Георг. – Безалкогольный ром со вкусом кока-колы, текила из лимонада «Дюшес», безнаказанная стрельба в бармена из водяных пистолетов. Именно так я всегда представлял себе счастливое детство.

Тари почти поверила. Чего угодно можно ждать от человека, который назвал свою собаку Котом! Но тут Иоганн-Георг рассмеялся. И отправился за стойку делать кофе.

– А зеленую лавку, что возле меня, вы уже закрыли? – спросила Тари. – И дверь перекрасили? Так быстро? А если не секрет, зачем?

Иоганн-Георг молчал. Возился с кофейным аппаратом; судя по его озадаченному виду, это была их первая встреча. Но наконец дело пошло на лад, техника покорила человеческого гению, белая чашка наполнилась дымящейся темной жидкостью, а хищное лицо владельца кафе озарилось победоносной улыбкой.

– Давайте заключим договор, – сказал он, протягивая чашку Тари. – Сейчас я дам вам список... скажем так, некоторых моих предприятий. А вы прогуляетесь и посмотрите. Адресов на самом деле немного, и все в Старом Городе, даже на соседних улицах, так что больше получаса это у вас вряд ли отнимет. Сегодня сможете?

– Смогу, – согласилась Тари. – Прямо сейчас и пойду. Посмотрю. И что еще надо сделать? Зайти, сфотографировать? Зарисовать? Подумать?..

– Ну, думать я вам запретить не могу, – улыбнулся Иоганн-Георг. – Но и принуждать не стану. А фотографировать и рисовать пока ничего не надо. То есть, можете, если хотите, но это необязательно. Просто никому не нужная лишняя работа.

– Ладно, – растерянно кивнула Тари. – Не буду, раз так. А в чем смысл?..

– Смысл в том, чтобы вы посмотрели. А потом вернулись туда завтра. И снова посмотрели. А потом позвонили мне. После этого я охотно отвечу на все ваши вопросы. Про закрытую зеленую лавку, про парфюмеров, про это кафе. И любые другие, сколько бы их ни было. А сейчас пейте кофе. Остынет, будет невкусно. И вы никогда не узнаете, что на самом деле я – бариста от бога. А это было бы обидно. Не так уж много у меня неоспоримых достоинств, чтобы не пытаться при всякой возможности похвастаться теми, которые все-таки есть.

Тари улыбнулась и сделала наконец глоток. Ну надо же, не соврал. Потрясающе. Нет слов.

– Нет слов, – честно сказала она.

Иоганн-Георг натурально расцвел от ее похвалы.

– Я бы с удовольствием составил вам компанию и сам все показал, – сказал он, отбирая у Тари пустую чашку. – Но именно сегодня у меня куча дел. Одно только это кафе чего стоит. Да и одет я, сами видите, не по погоде. Совершенно вылетело из головы, что сейчас ноябрь.

– То есть вы сюда прямо так и пришли? – изумилась она. – Даже без куртки?!

Иоганн-Георг развел руками и ослепительно улыбнулся.

– Задумался, – объяснил он. – Со мной бывает.

Высокий класс.

Тари честно обошла указанные адреса. Их оказалось всего четыре. Сувенирная лавка на улице Диснос; маленькая пекарня на Руднинку, откуда она унесла полдюжины горячих круассанов и большой кусок темной медовой коврижки; магазин «Удивительный мир носков» на Арклю, действительно до отказа забитый разноцветными носками и больше ничем; букинистический подвал на Этмону, где ее добрых полчаса развлекал словоохотливый продавец, похожий на добродушного пожилого Дракулу. Как удалось вырваться из его лап, купив всего две книги, загадка. Обычно от таких уходят, волоча за собой не меньше десяти кило макулатуры, ясно осознавая, что еще дешево отделались.

Одним из ее приобретений стала «Внутренняя Монголия» Бойса, которую Тари давно хотела заполучить в коллекцию, а вторую, с интригующим названием «Неполный каталог незапертых дворов города Вильнюса», она как-то машинально взяла ⁹с полки над кассой, где стояли старые путеводители, открыла наугад и прочитав: *«Неизвестно, из каких практических соображений построили эту ограду, но всем проходим, идущим мимо по улице, кажется, будто там, за стеной в глубине двора, скрываются не деревья, крыши и*

---

⁹ Вероятно, имеется в виду каталог одноименной выставки графики немецкого художника Йозефа Бойса в Русском Музее в 1992 году.

храмы Старого Города, а море», – сразу полезла за кошельком, потому что совершенно точно знала, о каком дворе и о какой стене речь. Это же совсем рядом, на улице Субачюс, сколько там ходила, всякий раз оказывалась во власти этого наваждения. И вдруг выясняется, что кто-то другой об этом уже написал. Невероятно, но факт.

Вернулась домой, оглушенная этим совпадением и совершенно счастливая, потому что если книга, описывающая твои смутные потаенные ощущения – не чудо, то что же тогда оно.

Завалилась с этим «Каталогом незапертых дворов» на диван и пропала навек. В смысле, до позднего вечера. Читала и перечитывала, изумляясь и радуясь, придумывала маршруты грядущих прогулок, прикидывала, сможет ли опознать остальные дворы. И уснула в несусветную какую-то рань, кажется, еще до полуночи. Но проспала все равно до десяти утра. Удивительный на самом деле рекорд.

...Неторопливо позавтракав и еще более неторопливо одевшись, Тари вышла из дома где-то около полудня, благословляя своего нового знакомого, самозваного Иоганна-Георга. Неизвестно, станет ли он в итоге работодателем мечты; честно говоря, не очень верится, не настолько ужасны оказались интерьеры его заведений, чтобы вкладывать в них дополнительные силы и средства, и так сойдет. Но вчерашняя прогулка по его заданию удалась на славу, одна только книжка про незапертые дворы чего стоит. И вообще было здоро-

во. И сегодня наверняка выйдет не хуже. А дальше – ладно, как-нибудь разберемся. Что толку тревожиться о будущем, когда так ясно понимаешь, что на самом деле его, конечно же, нет. Только мысли о нем. И планы. И связанные с ним страхи. Получается, будущее – это просто голоса в голове. Глупо тревожиться из-за них вот прямо сейчас, в неожиданно солнечный и удивительно теплый для ноября день.

Пошла на Арклю – это было ближе всего. И не утратила благодушия даже обнаружив на месте «Удивительного мира носков» лавку с так называемой винтажной одеждой. Иными словами, вполне обычный секонд-хенд, только цены примерно вдесятеро выше, чем принято отдавать за поношенные тряпки.

Вместо благодушия Тари утратила там душевное равновесие. Всего-то. Если учесть, что это состояние и так никогда не было ей свойственно, можно считать, никакого ущерба. Полная ерунда.

«Полная ерунда», – растерянно думала она по дороге на улицу Этмону, к добродушному Дракуле.

Ясно, что этот дурацкий Иоганн-Георг над ней подшутил – вчера с зеленой лавкой, и вот сегодня снова, с носками. Интересно, как он это провернул? И, самое главное, зачем?!

Хотя наверное психам вроде него никаких специальных причин для безумных поступков не требуется. Совершают их просто так, для души.

Но исчезновение букинистической лавки подкосило ее

по-настоящему. Тари раз десять прошлась по улице Этмону, благо та оказалась совсем короткой, а потом развернулась и пошла домой – проверять, на месте ли книги. Это сейчас волновало ее гораздо больше, чем пресловутая работа мечты. Тем более, что с работой уже все ясно: ее не будет. И не предполагалось. Просто какой-то нелепый розыгрыш; ладно, проехали, даже думать об этом не хочу А с книгами не так однозначно. Может быть, они все-таки есть? Если конечно безумный Иоганн-Георг не залез по водосточной трубе в ее квартиру и не утащил их – просто так, для смеха. Ну или чтобы свести ее с ума. Наверное, обидно быть психом в одиночку. Вот и старается довести до этого состояния как можно больше народу, включая свою собаку, а зачем бы еще называть ее Котом?

На этом месте Тари все-таки рассмеялась. Причем вслух. Из чего, вероятно, следовал вывод, что дело уже на мази. В смысле, у Иоганна-Георга все получилось, с ума она уже сходит, как миленькая, добро пожаловать в удивительный мир носков.

– Господи, скажи, что мне делать? – на всякий случай спросила она. Тоже вслух. Психам можно, а Господу приятно, даже если его нет. Особенно если нет!

И тут зазвонил телефон.

«Совершенно зря Ты перепоручил ему эту работу, Господи», – сердито подумала Тари, опознав номер. И снова рассмеялась. Так и взяла трубку, вместо «слушаю» – «ха-ха-ха».

С другой стороны, а как еще с психами разговаривать.

Посмеялась, не слушая, что ей говорят, и убрала телефон обратно в карман. Подумала: «Хватит с меня».

* * *

Но Иоганн-Георг так не считал.

Он подждал ее у подъезда. И выглядел при этом, как совершенно нормальный человек. Снова в пальто и в ботинках, никаких тряпичных кед. Даже шляпа на месте.

Сказал приветливо:

– Я примерно догадываюсь, что сейчас творится у вас в голове. Только один вопрос: вы все четыре адреса обошли? Или одним ограничились?

– Двумя, – неохотно призналась Тари.

– Ну и отлично, – улыбнулся Иоганн-Георг, демонстрируя возмутительные девичьи ямочки на щеках. – Вполне достаточно. Теперь можно поговорить о деле. Но сперва, если не возражаете, кофе. Вчерашнее кофе пока на месте. Специально его оставил. Только для вас.

– Очень мило с вашей стороны, – деревянным голосом сказала Тари.

И пошла за ним, как загипнотизированная. Хотя совершенно не собиралась. Зачем?!

Впрочем, будем честны, любопытства-то никто не отменял.

«В конце концов, будь он хоть сто раз псих и даже маньяк, а все равно вряд ли прирежет человека, который нашел его собаку», – думала по дороге Тари. Это рассуждение казалось ей удивительно логичным и успокаивающим.

На улице Стиклю под оранжевой вывеской кафе сидел белый кот, крупный, с большой головой и тяжелыми лапами, гладкошерстный, но с таким пушистым хвостом, что потраченного на него материала вполне могло бы хватить на изготовление еще одного кота, чуть помельче. Думала, соседский, но кот коротко приветственно взмуркнул и проследовал за ними в помещение.

– Кот непременно хотел присутствовать при нашем разговоре, – сказал Иоганн-Георг. – Чтобы морально вас поддержать. Вы ему очень понравились. Но превращаться в собаку он отказался наотрез. Очень это не любит. И делает только в случае крайней необходимости.

– Что за чушь, – устало вздохнула Тари. Ей как-то вдруг резко надоело быть вежливой. И она с нескрываемым удовольствием повторила: – Что за чушь!

– Ну в общем да, звучит довольно неубедительно, – неожиданно легко согласился Иоганн-Георг. – Тем не менее, это правда. У меня практически вся правда такая... невербальногеничная. В смысле будучи произнесенной вслух, тут же превращается в полную чушь. Но правдой быть при этом не перестает, вот в чем ужас. Ну или не ужас, а просто небольшое техническое затруднение. Обычно я с ним справ-

ляюсь. Но не стану врать, не всегда. С вами, например, у меня почти никаких шансов. Но я все равно решил попытаться. Если не возражаете, начнем с кофе. Попробуйте, я старался.

Поставил перед ней чашку. Тари сперва сделала несколько глотков и только потом подумала: «Ни за что не буду его пить!» Но не смогла остановиться. Все-таки очень вкусно. Этот псих и правда бариста от бога. Обидно, конечно. Мог бы нормальному человеку достаться такой полезный талант.

Белый кот укоризненно мяукнул и боднул ее ногу. Не то в наказание, не то в знак поддержки, поди пойми.

– Ладно, с Котом сами разбирайтесь, – сказал Иоганн-Георг. – Даже интересно, кто первым сдаст позиции: вы опознаете эти хитрющие глазищи, уже не раз умильно смотревшие на вас снизу вверх, или он все-таки даст себе труд превратиться ради вас в собаку. Но заставлять не буду. Принуждение – не мой метод. Мой метод – говорить правду и только правду, сколь бы нелепо она ни звучала. Например, страшную правду о лавках – зеленой, парфюмерной, букинистической и прочих. Будьте спокойны, Маргарита, вы ничего не перепутали, не заблудились, не потеряли память, с лавками все в порядке. В смысле, их действительно нет. И не было никогда. Это просто иллюзии. Хорошие, качественные иллюзии, я – не какой-нибудь халтурщик, а честный трудяга. Вношу в облик города недолговечные изменения, морочу людям голову, как могу. Но не по причине врожденной злокозненности. Штука в том, что всякому городу, если он хочет

оставаться по-настоящему живым, нужна некоторая неопределенность. Небольшая инъекция хаоса, точнее говоря, стохастичности, но вы же гуманитарий, нельзя вас мучить такими терминами, поэтому пусть будет хаос. Тот самый, который на первый взгляд кажется неразберихой, на второй – натуральным бардаком, зато на третий – подлинным дыханием жизни внутри всякой упорядоченной системы. В частности – внутри нашего города. Потому что без этого дыхания жизни любой упорядоченной системе – кранты. А я так не играю. Кранты – это как-то чересчур бездарно и тупо. Мне вечное развитие подавай.

Тари поставила чашку на барную стойку. И адресовала своему собеседнику самый тяжелый взгляд, на какой только была способна.

– Пожалуйста, не надо морочить мне голову, – сказала она. – Бог с ними, с этими лавками. И с вами. И со стохастическими процессами; кстати, я знаю этот термин. Знание не то чтобы совсем неподъемное, даже для гуманитария вроде меня. Но не стану врать, будто мне сейчас хочется об этом поговорить. Розыгрыш ваш, в чем бы он ни заключался, удался. Я – простодушная дура, мне очень страшно, я хочу домой. Давайте заканчивать разговор.

– Ладно, – кивнул Иоганн-Георг. – Заканчивать так заканчивать. Только сперва, пожалуйста, посмотрите в окно.

Не хотела выполнять его просьбу, но все-таки обернулась. И сразу увидела, что там, за окном, на противоположной сто-

роне улицы Стиклю красуется яркая синяя дверь. И пучки увядшей редиски, и мандарины пламенеют за пыльным витринным стеклом. А над следующей дверью яркая вывеска «Удивительный мир носков». А дальше...

Не стала больше смотреть. Отвернулась от окна и заплакала. Просто от беспомощности. И от усталости. И от какой-то отчаянной бессмысленности происходящего. Сколько можно морочить мне голову, а?

– Извините, пожалуйста, – сказал Иоганн-Георг. – Совершенно не планировал доводить вас до слез. Только и хотел наглядно показать, что вы стали не жертвой розыгрыша, а просто свидетельницей небольшого чуда. Это совсем разные вещи, правда?

– Не знаю, – сквозь слезы сказала Тари. – Наверное. Может быть. Теоретически, да.

– Я бы, честное слово, не стал так вас мучить, – вздохнул он. – Просто вбил уже себе в голову, что мне позарез нужен дизайнер интерьеров. Да это и правда так. Я же совершенно не разбираюсь в предмете. Теоретически знаю, что в городах бывают разные лавки – сувенирные, одежные, продуктовые, парфюмерные, музыкальные, посудные и другие, на любой вкус. А еще парикмахерские, рестораны, сапожные мастерские, туристические агентства, нотариальные конторы, солярии, бюро переводов, да чего только нет. Я даже регулярно захожу в некоторые из них, внимательно смотрю, как все устроено, но тут же забываю. Потому что мне, будем чест-

ны, это неинтересно. К тому же, я очень рассеянный. Голова вечно забита черт знает чем. Впрочем, нет, черт-то как раз и не знает, куда ему!

Тари невольно улыбнулась сквозь слезы. Какой же он все-таки феерический болтун. Не хуже, чем бариста.

– И когда выяснилось, что вы дизайнер интерьеров, меня натурально озарило, – сказал Иоганн-Георг. – Вот кого мне всю жизнь не хватало! Человека, который по первой же просьбе нарисует эскиз идеальной кондитерской, или газетного киоска, или цветочной лавки. И все, можно работать! Не надо больше ничего выдумывать, опираясь на свои смутные представления, что эта фигня, вероятно, выглядит как-то примерно так. Я думал мы поладим, если уж Кот привел меня к вам. Вам нравится этот город, и нужна работа, чтобы остаться, а мне позарез требуется именно такой специалист. Дело было за малым – объяснить вам, чем именно вы должны заниматься. Да так, чтобы вы не послали меня подальше после первой же попытки. Сердце подсказывает, что в этом я не очень-то преуспел. Но тут ничего не попишешь, я делаю, что могу. Был, конечно, вариант просто соврать, придумать что-нибудь более-менее похожее на правду, как вы себе ее представляете, заказать вам полсотни эскизов на все случаи жизни, а потом попытаться зажилить часть обещанного гонорара – просто для достоверности, и все путем. Но я так не могу. Вернее, не считаю допустимым. Принимать участие в создании хаоса следует осознанно и добровольно. Да – да,

нет – значит нет, буду искать другого специалиста. Хотя не стану врать, очень хочется взять на работу именно вас.

– А почему меня? – спросила Тари.

Удивительно все-таки устроен человек. Только что хотела сбежать отсюда подальше в надежде, что дома галлюцинации все-таки прекратятся, и жизнь войдет в свое обычное русло. Хотя бы по колено в него войдет, чтобы хватило сил и рассудка заказать в интернете билет на ближайшую дату и осмысленно собрать чемодан. Но стоило этому психу, фокуснику, гипнотизеру, или кто он там на самом деле, стоило ему заговорить о работе и гонорарах, как ей снова стало интересно, что он еще скажет. Ужас, на самом деле. Заранее ясно, что такие разговоры не доведут до добра.

– Почему вас? – растерянно переспросил – ясно, что никакой не Иоганн и, тем более, не Георг. В общем, этот дурацкий тип в серой шляпе.

Переспросил и надолго умолк. Задумался. Наконец сказал:

– Тут много, конечно, причин. Но самый честный ответ: просто так уж сложилось, что на моем пути оказались именно вы. Почему, я и сам пока понятия не имею. Ну и Кот, конечно. Он-то сразу выбрал именно вас. У Кота чутье на неприкаемые души, я ему доверяю. Ну и потом, вас зовут Маргарита, а это отличный повод называть себя Иоганном-Георгом. Мне нравится это имя, не хотелось бы так быстро его потерять... Ох, простите! На самом деле, я толь-

ко сейчас сообразил, что умные люди в подобных случаях говорят: «Я влюбился в вас с первого взгляда», – и это обычно отлично работает. Но не стану вам врать, я не влюбился, хоть и сожалею об этом всем сердцем. Однако по техническим причинам сделать этого все-таки не могу.

Тари судорожно сглотнула, потрясенная его напором. И почувствовала, что заливается краской.

– Просто я же только кажусь человеком, – сказал этот псих. – А на самом деле, выгляжу примерно так.

С этими словами он исчез. И Тари осталась в пустом кафе совершенно одна. Вернее, в обществе белого кота, который сочувственно мяукнул, встал на задние лапы и положил голову ей на колени. Дескать, держись.

Утешение, надо сказать, удалось. Кот был тяжелый и теплый. Совершенно настоящий. И нестриженные когти так достоверно впились в плотную ткань штанины, что это помогло Тари сохранить остатки выдержки. В смысле, не заорать на всю улицу и не выскочить вон, пробив лбом стеклянную дверь.

– Извините, – смущенно сказал самозванный Иоганн-Георг, снова появляясь в центре зала. – Я как-то не сообразил, что ваше восприятие пока не подготовлено к подобным зрелищам. Поэтому с вашей точки зрения, я ничего не показал, а просто исчез, как последний хам.

– Ничего страшного, – сказала Тари. – Мне, в общем, хватило.

И стала потихоньку, бочком отступать к двери.

Человек и кот печально переглянулись, но препятствовать ее продвижению к выходу не стали.

– Вы зря боитесь, что я вас не отпущу, – вздохнул Иоганн-Георг. – Я не мафия и не секта, а просто шанс. Кто угодно имеет право совершенно безнаказанно упустить столько шансов, сколько пожелает.

Я этому не то чтобы рад, но и возражать не стану. Погодите только, отдам вам деньги за книги. А то нечестно получилось...

– За какие книги? – опешила Тари.

– За те, которые вы вчера купили у букиниста. Лавки-то на самом деле не было. А значит, не было и книг. Та, которая про незапертые дворы, вообще пока не дописана, да и напечатывают ли ее хоть когда-нибудь, даже мне не известно. Впрочем, я бы очень хотел. И даже позаботился заранее, опережая события, обзавестись несколькими экземплярами. Это вполне возможно, когда коэффициент вероятности материализации объекта довольно велик. Впрочем, ладно. Хватит морочить вам голову. Вот ваши семнадцать евро. Моя совесть чиста.

– Не знаю, как там дворы, но «Внутренняя Монголия» действительно существует! – почему-то возмутилась Тари. – И художник Бойс жил на свете. И выставка его работ в Русском музее действительно была! И книга.

– Существует, конечно, – согласился Иоганн-Георг. –

Просто мне не хочется с ней расставаться. А она от меня почему-то бежит по всем книжным лавкам, как ни запирай. Друзья смеются, дескать, у меня такой невыносимый характер, что даже книжки из библиотеки разбегаются. Но я с ними не согласен. Характер как характер. И остальные книги спокойно стоят на полках, только этой неймется.

– И ее можно понять, – буркнула Тари, пряча деньги в карман.

А потом открыла стеклянную дверь и вышла на улицу. Прошла несколько метров, не удержалась и обернулась. Объяснила себе: убедиться, что он за мной не погнался. Но и сама понимала, что скорее в надежде, что это случится. Что психованный Иоганн-Георг выйдет следом, чтобы еще раз попытаться ее уговорить.

Но он не вышел. Да и неоткуда было ему выходить. Не было на улице Стиклю кафе с пустой оранжевой вывеской. На его месте располагалось что-то вроде художественной галереи. Специально вернулась, чтобы посмотреть на витрину – так и есть, какие-то странные скульптуры из камней и металла. Вот уж кому, кстати, не нужен дизайнер интерьеров, сами с усами. Так здорово все оформили, что хоть в ученики к ним просись.

Но кому нужна великовозрастная ученица без вида на жительство и хоть каких-нибудь планов на будущее, кроме вполне здоровой идеи продать теткинину квартиру и ехать домой. Ну или даже прямо сейчас ехать, а продавать потом.

Когда забудется эта дурацкая история, и мысль о возвращении в Вильнюс перестанет вызывать нервный тик.

Себе – и то не особо нужна.

Пересекая улицу Диджои, Тари вдруг обнаружила, что плачет. Причем не просто позволяет скупой слезе катиться по щеке, а натурально рыдает в три ручья. Или в четыре. Или даже в шесть, кто ж их сосчитает, эти ручьи.

Дорогу переходила почти вслепую. Сначала посмотрите налево, потом – направо. И там, и там никаких автомобилей, только разноцветный туман. Вполне можно переходить. Уцелела, надо думать, только благодаря деликатности местных водителей, ползающим по улицам Старого Города даже медленней, чем разрешено суровыми дорожными знаками. Привыкли, что всюду бродят туристы, восхищенные, разочарованные, растерянные, а временами рыдающие. Такие, как, например, я.

В общем, дорогу Тари как-то перешла, свернула на свою улицу Савичяус, даже мимо ведущих во двор ворот не промахнулась. Но до подъезда так и не добралась, сбитая с ног черным лохматым вихрем по имени Кот.

– Мяу! – укоризненно сказал ей большой королевский пудель. И тут же лизнул в нос, дескать, не обижайся, что уронил, это я не со зла, а исключительно от избытка энтузиазма. Мир?

– Кот был совершенно уверен, что по дороге вы передума-

ли, – сказал Иоганн-Георг. – А я, честно говоря, сомневался. Мы с ним даже поспорили. Я дал слово, что если он угадал, «Внутренняя Монголия» ваша. Все равно она от меня бежит, куда деваться, отдам.

Тари жалобно, по-детски шмыгнула носом и вполне безуспешно попыталась утереть слезы рукавом, но голос ее звучал твердо.

– И книжку про дворы тогда тоже отдавайте. Иначе не о чем говорить.

Улица Сирвидо (K. Sirvydo g) Байба

Будильник был поставлен на половину седьмого, но Эрика проснулась раньше. Подскочила, как ужаленная: «Сегодня на работу! Уже вот прямо сегодня!»

Глупо так нервничать из-за места в кафе, даже если тебе предстоит самый первый рабочий день. Но Эрика всегда умела себя накрутить, для паники ей даже повод не требовался, предлога достаточно.

«Первый день, – думала она, пока стояла под душем. – Первый раз, мамочки. А я так и не запомнила, где у них что лежит. И что как называется. И буду все время ошибаться. И всех подведу И вылечу еще до конца смены. А если даже не вылечу, на меня весь день будут орать. Или не орать, а просто молча отодвигать в сторону и все за мной переделывать. А я буду стоять как бревно и смотреть, как надо, но все равно ничего не запомню. И даже заплакать будет нельзя. Ох».

Почти решила позвонить и сказать, что передумала, но звонить почему-то оказалось даже страшней, чем идти на работу. Да и рано еще звонить.

Завтрак не лез в горло, пришлось ограничиться кофе. Хоть и глупо это – пить кофе перед рабочим днем в кафе. Где ничего, кроме кофе, до конца смены не предвидится, за-

то его – хоть залейся. Но все равно сварила полную джезву и выпила на балконе, выкурив сразу три сигареты, одну за другой. Говорят, курение успокаивает.

Врут.

Пока шла по мосту, соединяющему Жверинас с проспектом Гедиминаса, а потом по самому проспекту, длинному, как июньский день, думала: «Главное – это, конечно, напарница. Хоть бы хорошая попалась. Добрая. Ну пожалуйста! Чтобы объяснять умела, не кричала и не раздражалась. Такая, чтобы рядом с ней ничего не было страшно, а наоборот, весело, как игра. Тогда справлюсь».

Думала: «Пусть она будет старше меня. И выше. Такая большая, даже немножко полная, как мама. И спокойная-спокойная. И глаза обязательно голубые, и волосы светлые, и румянец, как будто только что с мороза вошла. И ямочки на щеках, когда улыбается. Чтобы совсем-совсем не страшно».

Думала: «Пусть ее зовут Байба, как ту девочку- латышку, с которой мы подружились на море, потому что жили в соседних домиках. Мне было шесть лет, а Байбе восемь, но она совсем не задавалась. Брала с собой гулять, душила своими духами, все время рассказывала, что ей приснилось, рисовала бальные платья для моей бумажной куклы, а еще научила вязать – первую петлю снять, лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная, а потом целый ряд изнаночных, и все сначала. Господи, до сих пор помню, а ведь спицы с тех пор в руки

не брала. Может, зря?»

Так замечталась, сама не заметила, как пришла.

* * *

– Привет, – говорит Байба. – Ты новенькая, да? Волнуешься? Ничего, я тоже волновалась, когда в первый раз на работу вышла. Тут одно плохо: когда человек нервничает, кофе получается невкусный, как ни старайся, а это было бы обидно. Поэтому сегодня работать буду только я. А ты – играть, как будто работаешь в кафе. Если что-то сделаешь не так, не беда, сегодня тебе все можно. Игра есть игра.

Эрика смотрит на нее, открыв рот. «Надо же! Именно такая, как я хотела, – думает она. – Большая, добрая, беленькая, румяная как с мороза и даже ямочки на щеках. Только глаза не голубые, а серые. Но это, наверное, от электрического света».

* * *

Ромас проснулся с мыслью: «Хочу, чтобы моя девушка работала в кафе». Начал думать об этом во сне, а окончательно сформулировал уже наяву, вполне отдавая себе отчет, что к наступившему бодрствованию эта мысль отношения не имеет. Озадаченно улыбнулся – надо же, чего только не приснит-

ся. Встал, радуясь, что сегодня можно никуда не торопиться, отправился на кухню кормить кошку и заваривать чай. Кофе Ромас тоже любил, но варил кое-как, а потому предпочитал пить в кофейнях.

Пока заваривался чай, залил молоком и сунул в микроволновку овсянку, сделал бутерброд с ветчиной. Подумав, соорудил еще один, с холодной курицей. Обычно по утрам есть не хотелось, но сегодня аппетит был зверский. Вот что значит как следует выспаться.

И увидеть хороший сон – это тоже немаловажно.

Вспомнил пробуждение. Сказал вслух:

– Хочу, чтобы моя девушка работала в кафе.

И рассмеялся – просто от избытка сил.

Не то чтобы ему срочно требовалась девушка. То есть, было бы неплохо, но Ромас прожил на свете достаточно долго и успел понять, что такие вещи случаются сами собой, когда пожелают. Нет ничего глупее, чем сформулировать цель и приступить к ее планомерному осуществлению, только дров наломаешь, сам же потом будешь не рад.

Подумал: «А все равно, было бы здорово, если бы моя девушка работала в кафе. И еще чтобы она... Ай, ладно, мечтать, так мечтать».

Пока пил чай, придумал самую лучшую в мире девушку. Веселую, спокойную, немного снисходительную, с ямочками на щеках. Высокую, светловолосую, чуть полнее, чем сейчас модно, мягкие плечи, горячие ладони, а губы всегда

прохладные. И длинные, сильные, мускулистые ноги бывшей спортсменки... Впрочем, ладно, это как получится, все равно, пока она за стойкой, ног не разглядеть, а потом будет поздно, я от одного звука ее голоса влипну, как еще никогда не влипал.

Давно пора.

Чай еще не был допит, а девушка из кафе уже стояла перед внутренним взором как живая. Сам не заметил, как это получилось. Даже огорчился немного – ну вот, теперь у меня есть идеальная дама сердца, в поисках которой я, конечно же, пропущу миллион заманчивых шансов. Впрочем, и черт с ними. Раз так, придется ее искать – до конца жизни, или хотя бы до следующего понедельника. И заодно думать, где я возьму белого коня, корону и камзол с надписью: «Принц». Чтобы она сразу поняла, с кем имеет дело, и не сопротивлялась. Она не прогадает, королевство мое мало и небогато, зато по утрам я буду заваривать ей чай орандж пеко, а по вечерам, за пару часов до закрытия кафе, приносить из дома бутерброд и перчатки, которые она вечно забывает в прихожей, сидеть в углу с книжкой и миндальным латте, ждать.

Запирая дверь, подумал: «А глаза у нее светлые, прозрачные, как вода».

* * *

– Это не страшно, – говорит Байба. – Забыли, и хорошо,

главное, что не потеряли. Все мы хоть раз в жизни забывали дома свои кошельки. Вот ваш эспрессо, деньги потом принесете. Вы же почти каждый день заходите, я вас прекрасно помню.

«Надо же, вы меня помните, а я вас нет, – думает Ромас. – Или все-таки помню? Просто забыл, что помню, так тоже бывает. И теперь ясно, откуда взялся сон про девушку из кафе. У меня самое лучшее подсознание в мире. С таким подсознанием даже в сознание приходиться не обязательно. Я, впрочем, похоже, и не прихожу практически – вот, даже кошелек сегодня забыл. Какое счастье».

Но вслух он говорит:

– Спасибо. А деньги я сегодня же занесу. Буквально часа через два. Я тут рядом...

Байба кивает и ободряюще улыбается, демонстрируя ямочки на щеках.

– У нас в три пересменка, – говорит она. – А если не успеете, можно и завтра.

– Нет-нет, я успею, я даже гораздо раньше... Только если вам вдруг покажется, что я псих, вы, пожалуйста, не пугайтесь, – бормочет Ромас. Залпом, не отходя от стойки, выпивает эспрессо и, решившись, признается: – Просто вы мне сегодня снились, поэтому... И... И, в общем, я скоро вернусь.

«Хоть бы в этом кафе кто-нибудь по-русски говорил, – думает Анна Петровна. – А то молодые уже почти не говорят. И что мне тогда делать?»

Анна Петровна заблудилась. Всегда боялась этого больше всего на свете – поехать за границу и там заблудиться. И дорогу ни у кого не спросишь, потому что не знаешь языка. Страх был абстрактный, все равно что бояться космических полетов, или каких-нибудь африканских термитов – где ты, и где они. Анна Петровна в жизни никуда не ездила, только к родственникам на Украину, но какая же это заграница. И по-русски там все говорят.

И – вот. Поехала к внучке в гости, на свою голову. Как знала, добром эти разъезды не кончатся. А все Танька: «Погуляй, погуляй, погода хорошая, город красивый». Ну красивый, это да. Храмов много, магазины хорошие. Но как теперь дорогу искать? Лучше бы дома сидела.

Анна Петровна очень стеснялась спрашивать дорогу у прохожих. Не только здесь, «в загранице», но и дома.

Со стороны это выглядело как бессмысленное упрямство. Поджимала губы, бурчала: «Я сама», – и бочком, бочком дезертировала из любой ситуации, предполагавшей разговор с незнакомым человеком. А уж тем более просьбу о помощи, даже такой пустяковой.

Но сегодня Анне Петровне пришлось себя пересилить. Целый час готовилась, придумывала вопрос, репетировала выражение лица перед зеркальными витринами, повторяла про себя: «И ничего за это не будет! Всем у всех можно дорожку спрашивать!» Нарочно выбрала в уличной толпе самую пожилую даму, в Литве все старики по-русски говорят, а вот молодежь уже нет, только если кто-то в семье русский, но ведь об этом по лицу не догадаешься.

Впрочем, все равно не угадала, старушка оказалась иностранкой. То есть даже не литовкой, а приезжей. Она улыбалась, бурно жестикулировала, приветливо лопотала по-французски, или еще на каком-то неизвестном языке с картавым, как у певицы Мирей Матье «р», даже сунула под нос Анне Петровне карту, но карта была совсем маленькая, только самый-самый центр, Танькина улица туда не поместилась. А если бы и поместилась, Анна Петровна все равно ничего бы не поняла от страха и смущения. Сама не помнила, как ушла от иностранки, наверное, со стороны это выглядело невежливо, ох, господи, стыдно-то как.

После этой провальной попытки Анна Петровна еще долго бродила по городу. Замерзла, проголодалась и заблудилась окончательно. Тогда придумала: «Надо зайти в кафе». Деньги у нее были, Танька дала с собой бумажку в двадцать литов, это больше, чем двести рублей, вполне можно идти в кафе, на все хватит.

«Куплю горячий чай с пирожком, – думала Анна Петров-

на, – и заодно спрошу дорогу. Вроде как даже не стыдно спрашивать – я же клиент, деньги им плачу. Лишь бы они по-русски говорили, а то опять ничего не получится. Ох, господи».

Долго топталась перед входом, никак не решалась войти. Думала: «Вот бы там сейчас работала какая-нибудь хорошая, добрая девочка. И вот бы она говорила по-русски. Например, у нее мама русская, или папа. Или оба. И чтобы город хорошо знала, чтобы мне, старой дуре, могла объяснить. И вот бы она на мою Таньку была похожа – полненькая, светленькая, спокойная. Таковую и расспрашивать не очень страшно.

Наконец, тайком перекрестившись, вошла.

* * *

– Конечно, я знаю, где улица Йогайлос, – говорит Байба. – Это совсем рядом. Мы с вами на углу Сирвидо и проспекта Гедиминаса, сейчас выйдете на проспект, повернете направо и будете идти, пока не увидите магазин «Маркс и Спенсер». Такой большой, с витринами, не пропустите. Он как раз на углу Гедиминаса и вашей Йогайлос.

– «Маркс и Энгельс»? – растерянно повторяет Анна Петровна.

– Не Энгельс, а Спенсер, – улыбается Байба. – Знаете что? Давайте, пока вы пьете чай, я вам нарисую, как идти. И все-

все надпишу. Тогда точно не заблудитесь.

«Господи, какая хорошая девочка, – умиленно думает Анна Петровна. – Просто ангелочек. И на Танюшку мою похожа, как сестра. Спасибо, что Ты мне ее послал».

* * *

Байба стоит в подсобке, зажмурившись, ощущая коленями жар обогревателя, а затылком – холод стены. Байба делает медленный вдох, потом осторожно выдыхает, чувствуя себя всеми ветрами сразу. Байба открывает глаза, и тусклый желтый свет электрической лампы кажется ей сиянием далекой звезды. Байба улыбается, и от ее улыбки небо обрушивается на землю и земля становится небом, и небо теперь – везде.

«Сейчас, – думает Байба, – сейчас. Еще немножко постою и пойду работать».

И минуту спустя действительно возвращается в зал.

– У тебя все в порядке? – встревоженно спрашивает Эрика.

Байба кивает.

– Просто вдруг так хорошо стало, – говорит она. – Как будто я только что заново родилась. И весь мир – мой. А я – его. Не знаю, как еще объяснить.

Улица Скапо (S. Skaro g.)

Полный перечень примет и чудес улицы Скапо

Как ни старался убедить себя, что все перемены к лучшему, сколько ни напоминал, что жизнь прекрасна, просто потому что она есть, вне зависимости от того, нравятся ли нам составляющие ее эпизоды, а искренне радоваться переезду все равно не получалось.

Новая квартира была вдвое больше и при этом немного дешевле старой, стены – гораздо толще, потолки – выше, ремонт сделан без размаха, зато с любовью, а хозяева оказались не только славными людьми, но и родственниками одного из приятелей. Чего еще желать. Но – подвал вместо мансарды. Но – темный, унылый, без единого деревца двор вместо яблонь и кленов, окружавших дом на Бокшто. Но – вид из всех четырех окон только на потрескавшийся асфальт. А прежде был – на небо, купола храмов и сады Ужуписа за рекой. Практически на весь мир. И терять весь мир было, конечно, жалко до слез. Хоть и осознавал, что глупая это формулировка – «терять». Вот же он, весь мир, никуда не делся – яблони и клены, небо и купола. Просто чтобы увидеть все это, теперь недостаточно просто открыть глаза. Придется встать, одеться, выйти из дома, пройти несколько кварталов.

Совсем не трудно, а все равно уже не то.

Мир останется на месте, просто труднее будет считать его своей собственностью. И это чертовски обидно.

Однако ничего не попишешь, мансарду на Бокшто продали, и новые жильцы намеревались въехать первого августа.

Машину вызвал на двадцать девятое. Воскресенье, город пустой. Ну и вообще, чего тянуть.

Вещи закончил паковать только под утро. Зверски не выспался. Кофе пришлось заваривать прямо в чашке и пить на голодный желудок – заpastись с вечера хлебом и какой-нибудь ветчиной на завтрак просто забыл. Помогать никто не пришел, потому что сам дурак: если уж собрался переезжать летом, да еще в воскресенье, когда все живое сбежало из города и залегло – кто по пляжам, кто по хуторам, – будь добр хотя бы предупредить друзей заранее. А не за два часа до прибытия заказанной машины.

Впрочем, ерунда. Вещей немного, ничего такого, с чем бы не справился прилагающийся к машине грузчик, а таскать картины все равно никому не доверил бы. Друзья были нужны исключительно для моральной поддержки, потому и принялся трезвонить в самый последний момент, когда понял, что чертово настроение окончательно вышло из-под контроля и, повизгивая от ужаса, несется по склону умозрительного холма – вниз. К позорной подростковой отметке «что-то

я у нас совсем бедняжечка». И как, скажите на милость, его хотя бы остановить?

Переезжать в новый дом в дурном расположении духа – что может быть хуже. Поэтому по дороге отчаянно бодрился, развлекал водителя и грузчика беспредельно глупыми, но смешными анекдотами своего школьного детства. Долго, добрую четверть часа, пока раскаленный микроавтобус кружил по Старому Городу, мужественно преодолевая целый километр, разделяющий мансарду на Бокшто и подвал на Скапо – если идти пешком, по прямой.

Вещи выгружали, досмеиваясь, потом покурили во дворе, попивая теплую кока-колу из жестяных банок, обсудили так некстати начавшуюся жару, цены на недвижимость, прелести и недостатки жизни в Старом Городе, преимущество газовых колонок перед центральным отоплением, особенности джазовой вокальной артикуляции, влияние угла наклона скалы на сохранность петроглифов из Астувансалми и другие чрезвычайно волнующие всех собравшихся вопросы. Но тут вмешался неумолимый Кронос и прикрыл лавочку: ребят ждал следующий клиент, а после еще один, в такой работе нельзя выбиваться из графика, минуты опозданий имеют свойство умножаться в геометрической прогрессии, черт его знает почему.¹⁰

---

¹⁰ Речь о знаменитых наскальных изображениях в Астувансалми (Финляндия). По оценкам ученых, возраст старейших из 65 прекрасно сохранившихся петроглифов – около пяти тысяч лет.

Пришлось идти домой.

То есть в аккуратно отремонтированный чистенький прохладный подвал, уставленный коробками и пакетами. На мастерскую, где можно долго и плодотворно работать, это помещение совершенно не походило; на дом, в котором можно счастливо жить, еще меньше, по крайней мере пока. И матрас, распакованный первым, застеленный чистым бельем и заботливо накрытый ярким полосатым пледом, не только не исправил положение, а, напротив, окончательно придал подвалу вид временного пристанища для беженцев. Или погорельцев, один черт.

Сказал себе: «Все поправимо, через несколько дней здесь будет если не уютная, то вполне рабочая атмосфера, и тебе покажется, что жил здесь всегда, ты же очень быстро привыкаешь».

Все это было чистой правдой. Но прозвучало неубедительно.

Это потому что сперва надо пожрать. А потом уже разбираться с метаниями собственной загадочной души. Если вообще останется с чем разбираться. Голодному человеку и без всяких переездов непросто чувствовать себя довольным. К счастью, именно это очень легко поправимо. В двух шагах отсюда пешеходная улица Пилес, в окрестностях которой расположена чуть ли не треть городских ресторанов и кафе. Есть из чего выбирать.

Когда шел через двор, дорогу перебежал тощий черный котенок. Уныло подумал: «Вот только его не хватало. Теперь мой обед будет испорчен каким-то неведомым образом...»

Котенок оказался последней каплей – в том смысле, что наконец-то опомнился.

Сказал себе: «Так, стоп. С каких это пор ты веришь в идиотские приметы? Даже в детстве, когда няня, встретив на своем пути черную кошку, мелко крестилась и сворачивала в сторону, удивлялся: какой вред может быть от такого красивого зверька?»

Сказал себе: «Да что с тобой творится? Ты еще трещинки на асфальте начни перепрыгивать, потому что, если наступишь, непременно помрешь. Совсем чокнулся».

Сказал себе: «Ты же еще в пятнадцать лет решил, что плохих примет не бывает, только хорошие. И, кстати, до сих пор так оно и было».

Сказал себе: «Ишь, расквасился».

Сказал себе: «Я знаю, что с тобой делать. Ты у меня сейчас попляшешь».

И, потирая руки от предвкушения, пошел обратно, в подвал. То есть *домой*. Но не потому, что убоился котенка, а за чистым блокнотом. Благо знал, где его искать – подвернулся под руку в последний момент, когда обтягивал упаковочной пленкой матрас, с ним и поехал. И теперь валялся рядом с наскоро обустроенной постелью. Копеечный линованный блокнот на пружинке, самая нужная в мире вещь.

Вот прямо сейчас – самая нужная.

А карандаш нашелся в кармане. Что неудивительно – зачем вообще нужны человеку карманы, если в каждом из них не лежит по огрызку карандаша.

План был такой: засесть в каком-нибудь кафе и в ожидании заказа изобрести хотя бы полдюжины новых хороших примет. И записать в тетрадку, чтобы не забылись. И распространять потом потихоньку, между делом, в разговорах – «Ух ты, смотри, красное полотенце на веревке висит, моя бабка говорила, это лучшая примета на свете, надо срочно что-нибудь предпринять, сегодня у нас все получится», – и тому подобное.

Когда-то больше всего на свете любил такие невинные розыгрыши; особенно здорово было услышать свою примету несколько лет спустя из уст совершенно постороннего человека. Так случалось всего пару раз, но и это было очень много. И позволяло надеяться, что прочие выдуманные приметы тоже зажили самостоятельной жизнью, передаются из уст в уста и, конечно, регулярно сбываются. Потому что любая примета сбывается, встретившись с человеком, готовым в нее поверить. А проверена она веками или наспех сочинена позавчера – дело десятое.

Очень давно так не развлекался. Лет, страшно сказать, пятнадцать, если не больше. Просто вылетело из головы. Спасибо черному котенку, напомнил, что есть столь простой

и эффективный способ поднять себе настроение. И потом ежедневно поднимать его снова и снова – себе и всем, кто под руку подвернется.

Просто так. Чтобы было.

Идти до Пилес не пришлось, кафе обнаружилось прямо на Скапо, в десятом номере, почти напротив вечно запертых черных ворот, за которыми начинается университетская территория. Никакой вывески, зато новенькая белая дверь гостеприимно приоткрыта, белоснежные тенты полощутся на ветру, на улицу выставлены четыре белых столика – настолько маленьких, что, если сидеть за таким вдвоем, выпить вместе кофе еще худо-бедно получится, а вот есть придется по очереди. Ну, разве что один из сотрапезников возьмет тарелку на колени. Примерно так и поступила пара средних лет в светлых льняных костюмах: поставили на стол напитки, а тарелки держали на весу, ловко орудуя – он одним ножом, она вилкой. Никакого недовольства своим положением не выказывали, скорее наоборот – лучились от удовольствия.

Их можно было понять – из настезь распахнутых по случаю жары окон кухни доносился столь упоительный аромат разогретых пряностей, что согласился бы отобедать здесь, даже сидя на люстре, если бы вдруг оказалось, что таков каприз шеф-повара.

Подумал: «Надо же, в июне кафе здесь еще не было. И даже неделю назад, кажется, тоже. Хотя я что угодно могу

проморгать, когда несусь на всех парусах, с полной башкой ерунды. Ай, да какая разница. Главное, что сегодня кофе – есть».

Три уличных столика были заняты. Один – упомянутой парой в льняных костюмах, второй – почти наголо стриженной женщиной, похожей на красивого мальчика, третий – старичком в потертой ковбойской шляпе и красной футболке с духоподъемной надписью «Stay Wierd». Зато четвертый стол оказался совершенно свободен, даже таблички «Зарезервировано» не было на нем. Повезло – то ли вопреки давешнему черному коту, то ли благодаря ему. Второе – вероятнее.

Уселся, достал блокнот. Быстро, чтобы страница перестала быть чистой, написал: «Приметы». Подумав, исправил: «Перечень добрых примет улицы Скапо». Решил: привязать выдуманные приметы к новому месту жительства – неплохой способ быстро здесь освоиться. И даже полюбить эту улицу. Что, собственно, сейчас и требуется.

– С новосельем, – сказала седая женщина в длинном белом платье из тончайшего хлопка.

И поставила на стол чашку кофе и бокал белого вина.

Уставился на нее, открыв рот. Хотел возразить: «Я же еще ничего не заказывал!» – но она опередила:

– Это подарок. Мы видели, как вы выгружали вещи. И решили: если новый сосед сегодня к нам зайдет, обязательно

его поздравим.

– Боже мой. Спасибо!

Совсем растерялся. Ну надо же – подарок к новоселью. Совершенно незнакомому человеку, который зашел в первый и, возможно, последний раз. Отличное начало жизни в мрачном подвале, который теперь просто обязан оказаться лучшей мастерской за всю жизнь. Еще нигде и никогда так гостеприимно не встречали. Поднос с чашкой кофе и бокалом вина – один из тех пустяков, которые способны навсегда перевернуть мир для того, с кем случились. А не только исправить настроение, которое уже и само готово было принести извинения и начать подниматься.

Женщина в белом улыбнулась и ушла, оставив меню. Но вместо того, чтобы выбирать еду, пригубил дареные напитки и принялся записывать:

«Если, проходя мимо кафе, вы видите, что все места заняты и только один стол свободен, немедленно садитесь туда, даже если не планировали что-либо есть или пить. Этот стол предназначен специально для вас, здесь вас ждет неожиданная радость, способная изменить если не жизнь, то отношение к ней».

– Совершенно верно. Есть такая примета. Лично я услышала о ней от своего шеф-повара, а тот – от прабабки, которая была настолько удачлива, что начала жизнь бедной сиротой, а закончила хозяйкой шести семейных ресторанов

в Провансе. А вы откуда узнали?

Женщина в белом уже вернулась, чтобы принять заказ, и теперь бесцеремонно заглядывала в блокнот.

Ужасно смутился. Она тоже покраснела.

– Ой, извините, пожалуйста. Не подумала, что это может быть секрет. Собственно, я не так уж виновата, все моя даль-
нозоркость. Порой и не хочешь подглядывать, а все равно...

Пробормотал:

– Да нет, какие секреты. Это я просто сочиняю, чтобы раз-
влечься. Ничего серьезного.

– Сочиняете? Какая прекрасная идея! – обрадовалась женщина в белом. – Получается, про пустой стол вы просто нечаянно угадали? Удивительное совпадение! И название отличное: «Перечень добрых примет улицы Скапо». У нашей улицы действительно есть совершенно особые приметы, известные только местным старожилам, которых, по правде сказать, осталось не так уж много. Я сама не раз думала, хорошо бы все записать, пока есть кому рассказывать, но руки не дошли. Да и не любительница я записывать, мне больше нравится просто поговорить.

Не веря своей удаче, спросил:

– А мне расскажете? Я с радостью все запишу. И для вас потом сделаю копию, если захотите.

– Конечно, расскажу. Только сперва отнесу на кухню ваш заказ. Догадываюсь, что вы еще не выбрали, значит, выберу для вас сама. Обычно я не ошибаюсь. Согласны?

Зачарованно кивнул, хотя никогда прежде не доверял принятие столь ответственного решения чужим людям.

– А пока пусть начинают соседи, – сказала она. – Вам повезло, сегодня все клиенты – жители улицы Скапо, наши с вами соседи. По воскресеньям сюда больше никто и не ходит.

Надо же. Был совершенно уверен, что дед в ковбойской шляпе – иностранец, турист. И парочка в льняных костюмах, скорее всего, тоже. Да и стриженная дама – весьма вероятно. Думал так не из-за одежды и манер, по этим признакам отличить местных от приезжих в последнее время становится все труднее. Просто выражение лиц у всех клиентов кафе было примерно одинаковое – радостное, расслабленное и одновременно очень внимательное, в таком состоянии обычно пребывают туристы, для которых весь день – непрерывный праздник, а мир полон мелких неприметных чудес, упустить которые было бы досадно.

Подумал: «Ну, если таковы мои новые соседи, тем лучше для всех нас».

Первым заговорил мужчина – тот, что держал тарелку на весу.

– Вам действительно интересно? – спросил он. Приветливо и немного недоверчиво.

– Вы даже не представляете насколько.

– Хорошо, – кивнул тот. И задумался: – С чего бы начать?

– Со стены, конечно, – подсказала его спутница.

– Да, пожалуй. Ладно, слушайте: во дворе дома номер шесть по улице Скапо есть старая стена. Часть ее выкрашена в белый цвет, а часть – в черный. Двор почти всегда заперт, но, если улучшить момент, пробраться туда и нарисовать что-то черной краской по черной стене, этот предмет, человек или явление непременно появятся в вашей жизни. А если вы, напротив, хотите, чтобы из вашей жизни что-то ушло, вам следует нарисовать это белой краской на белой части стены. Говорят, что, если вы совсем не умеете рисовать, можно просто написать словами, причем на любом языке, стена все понимает.

И, подумав, добавил:

– Но последнее утверждение лично я пока не проверял. А принимать что-либо на веру не в моих привычках.

– Так Аста из восьмой квартиры проверяла, – неожиданно вмешалась стриженная женщина. – Когда свекровь ее совсем допекла. Пошла и написала белым по белому: «Милда». И та...

Ахнул:

– Неужели умерла?

– Да нет, почему сразу умерла. Просто вышла замуж за деревенского. И переехала к нему. Теперь только на праздники в городе появляется, а это вполне можно пережить. У этой стены из шестого вообще хороший характер. Не то что у Серого Инвалида, который одно время подкарауливал про-

хожих у третьего номера.

– У третьего? Ну надо же, именно там я и живу. А что за инвалид? Почему серый?

– Да потому что в любое время года носил серую шляпу и такое же пальто, длинное и бесформенное, как чехол. Ой, только не надо это записывать, его уже давным-давно тут нет, а значит, нет и дурной приметы. На самом деле, старый негодник даже инвалидом не был, коляска то ли осталась от его покойной жены, то ли еще откуда-то взял. Так он что творил – каждое утро эту чертову коляску со второго этажа стаскивал, ставил у ворот, садился и пугал детей. Говорил им: «Твоя мама скоро умрет!» – или еще что-нибудь в таком роде. И не то смеялся, не то просто кашлял. Но дети очень пугались, факт. Ничья мама, конечно, так и не умерла, по крайней мере не так скоро, как он обещал. Но, в любом случае, встретить Серого Инвалида было очень плохой приметой, увидел – и весь день насмарку. Если, конечно, не подпрыгнуть три раза как можно выше, хлопая при этом в ладоши. Дети-то справлялись запросто, но некоторым старикам было затруднительно, а большинство соседей просто стеснялись прилюдно скакать... Но, к счастью, кто-то пробрался в шестой двор и нарисовал этого негодяя на белой стене. Ну и тот, конечно, сразу же продал квартиру и переехал в Пашилайчай, где теперь и...¹¹

– Да не кто-то, – перебил ее старик в ковбойской шляпе, –

---

¹¹ Пашилайчай (*лит.* Pašilaičiai) – спальный район на севере Вильнюса.

а Йонас и Вера. Они тогда еще в школе учились, но рисовали уже неплохо, и все у них прекрасно получилось. Постарались, молодцы.

– Правда? Я не знала. Надо будет их отблагодарить при случае, – обрадовалась стриженная женщина. И заключила: – В общем, Серого Инвалида на Скапо больше нет. С его отъездом на нашей улице не осталось никаких дурных примет и угрожающих знаков.

– Погоди, – задумчиво сказала та, что в льняном костюме. – А Человек С Голубым Фонариком? Он же до сих пор иногда здесь ходит.

– А чем он тебе не угодил? Пользы от него всяко больше, чем вреда. Которого, строго говоря, почти и нет.

– Согласна. Но все равно фигура неоднозначная.

Взмолился:

– Да расскажите же! Что за человек? Что за голубой фонарик?

– Вполне обычный фонарик, просто свет у него не желтый, а такой, знаете, холодный голубой. Было время, когда это казалось удивительным, но сейчас подобный фонарик можно купить почти в любом магазине. Дело, впрочем, не в нем, фонарик – просто вспомогательный инструмент. А вот что за человек с ним ходит – это большой вопрос. Ясно, что не обычный сборщик мусора.

И умолкла, как будто уже все было сказано.

– Факты таковы, – принялась объяснять стриженная. – Вре-

мя от времени по ночам на улице Скапо появляется некий человек. Одет он может быть как угодно, но лицо его всегда скрыто шляпой или кепкой с козырьком. Он ходит по дворам, причем каким-то образом проникает и в закрытые. Рыщет, шарит по всем углам, но особенно внимательно ищет у подъездов и входных дверей квартир, подолгу там топчется, светит себе фонариком. Собственно, только по пятну голубого света его и можно обнаружить, сам-то он неприметен и легок как тень, и шума от его действий никогда не бывает. Всегда уходит с добычей и при этом – с пустыми руками. Потому что его добычу нельзя увидеть. Человек С Голубым Фонариком забирает себе то, что люди никогда не несут в дом. Понимаете, о чем я?

Печально помотал головой:

– Вообще не представляю, что это может быть. В старые времена вроде бы оставляли у входа галоши. Но сейчас так не принято, да и галош никто не носит.

– Да какие галоши. У входа в дом обычно оставляют тайны, – усмехнулся старик в ковбойской шляпе. – Впрочем, тайны – это громко сказано. Скорее мелкие секреты. То, о чем не хотят рассказывать домашним. Причины могут быть самые разные. Кто-то скрывает неприятности, чтобы не огорчать близких, кто-то, напротив, успехи, потому что хочет наслаждаться их плодами в одиночку Дети часто скрывают плохие отметки, подростки – выкуренные сигареты, взрослые – любовников, а некоторые старики – диагно-

зы. И так далее. Ясно, что я привожу лишь самые банальные примеры. Жизнь обычно сложнее и запутанней любого предположения. Но в целом вам теперь хотя бы понятно, о чем речь.

Сказал:

– О чем речь, понятно. Но, слушайте, как он это делает? И что именно забирает? Неприятности? Сигарету? И тем более любовницу? Которая все-таки живой человек, обладающий свободной волей. Как ее можно забрать? И куда?

– Как делает – на этот вопрос нет ответа. Зато доподлинно известно, что, если у ваших дверей покрутился Человек С Голубым Фонариком, секреты, которые вы скрывали от домашних – как бы это выразиться? – перестанут быть актуальными для вас. Неприятности сами собой рассеются, страшный диагноз не подтвердится, значенные деньги пропадут из тайника и даже с банковского счета, любовница захочет прекратить отношения, двойка исчезнет из школьного журнала или будет благополучно исправлена, а сигарета просто забудется, и если хранивший ее в секрете подросток когда-нибудь снова попробует закурить, будет уверен, что делает это впервые.

– Ничего себе. Получается, скрывать от домашних проблемы полезно? А всякие хорошие и приятные вещи – наоборот?

– Ну да. Но только при условии, что под вашу дверь придет Человек С Голубым Фонариком. А в таком деле гарантий

быть не может. Он ходит, где хочет и когда пожелает. К примеру, прошлой зимой его вообще в городе не видели. Весной, напротив, ходил тут чуть ли не каждый день. А в июне, говорят, часто видели его в той части Чюрлёнё, что ближе к парку. Но не у нас.

Вздыхнул:

– Потрясающе. Вот просто потрясающе, слов нет. А можно я эту историю запишу?

– Конечно записывайте, – улыбнулся старик.

Пока писал, женщина в белом платье принесла большую тарелку, содержимое которой благоухало на всю улицу. Сказала:

– Слишком жарко для мяса. Поэтому – форель, рис с пряными травами, немного овощей, белый соус. Ешьте, а я буду вас развлекать. О чем вам уже рассказали?

– О стенах, на которых надо рисовать, Сером Инвалиде и Человеке С Голубым Фонариком. Про инвалида записывать не велели. Я и не стал.

– Правильно сделали. Он вообще никогда не был приметой, просто портил людям настроение, ничего удивительного, что у них потом все валилось из рук.

Кивнул:

– Я тоже так думаю. Плохих примет вообще не бывает, только человеческая способность в них верить. И совершенно самостоятельно устраивать себе собачью жизнь в полном соответствии с инструкцией.

– Целиком разделяю вашу позицию, – улыбнулась она. – Зато хорошие приметы существуют вполне объективно. И некоторые работают даже для тех, кто о них не знает. Как, например, Золотой Заяц.

– Золотой Заяц?

– Ну да, Золотой Заяц улицы Скапо. Просто смешная кукла из папье-маше, выкрашенная золотой краской. Время от времени заяц появляется в одном из окон восьмого дома. В правильном направлении коситесь, именно этого. Что примечательно, Золотой Заяц может показаться в любом окне любого этажа. То есть, получается, кукла каким-то образом кочует из квартиры в квартиру. Впрочем, вполне возможно, соседи так дружат, что обмениваются вещами?.. Ладно, их дела нас не касаются. Важно, что Золотой Заяц – самая лучшая из всех хороших примет нашей улицы. У человека, который его увидит, дела пойдут настолько отлично, насколько это вообще возможно. Знать о примете при этом совершенно необязательно, достаточно углядеть в одном из окон золотое ухо.

– Ого. Теперь все время буду его высматривать.

– И правильно сделаете. Поскольку вы здесь живете и будете пересекать улицу несколько раз в день, ваши шансы весьма велики. И, кстати, тогда заодно высматривайте Зеленый Велосипед.

– Что за велосипед?

– Зеленый, как я и сказала. Целиком, включая колеса, пе-

дали, седло и плетеную корзинку на багажнике. Чаще всего он появляется в самом конце улицы, возле выхода на Пилес.

– В арке?

– Не прямо в ней, но совсем рядом. Впрочем, это не единственное место. Зеленый Велосипед может обнаружиться где угодно – чистенький, аккуратный, в корзинке – пучок мяты да базилик в горшочке. Или еще какая-нибудь трава. Кто на нем приезжает и уезжает, это загадка для всей улицы, мы хотели бы поглядеть на владельца, да как-то не складывается. Зато про Зеленый Велосипед доподлинно известно, что всякому, встретившему его на своем пути, рекомендуется немедленно отправиться в путешествие. Не обязательно далеко и надолго, загородная поездка тоже считается; на худой конец, можно просто поехать в какой-нибудь парк на окраине. И в этом путешествии непременно случится что-то настолько прекрасное, что жалко было бы остаться дома и профукавать такой замечательный шанс.

– Ого. Спасибо, что сказали. Теперь, если что, не профукаю.

– И заодно внимательно следите за колокольчиками. Хотя как раз с ними могут возникнуть трудности...

– Что за колокольчики?

– Самодельные глиняные колокольчики, восемнадцать штук. Очень красивые. Их иногда вывешивают на втором этаже пятого дома, который рядом с вашим. Сейчас колокольчиков там нет, но могут появиться в любой момент. Их

владельцы совершенно непредсказуемы и определенно не ленивы. Очень хлопотное, должно быть, занятие – то снимать эти колокольчики, то снова вешать. Однако факт остается фактом – порой по два раза в день так развлекаются. Иногда, впрочем, забывают о колокольчиках на долгие месяцы. Вот и сейчас – я, кажется, с весны их не видела.

– В мае в последний раз были, – подтвердил мужчина в льняном костюме, ставя на стол опустошенную тарелку.

– А какого рода трудности? Вы сказали...

– Собственно, вопрос лишь в том, есть ли у вас музыкальный слух. И, что еще важнее, хорошая ли у вас память. Потому что колокольчики, как им и положено, звенят на ветру. Но не просто так. Обычно они вызывают какую-то мелодию – теоретически вполне узнаваемую. Уж не знаю, как добиваются подобного эффекта, но это всегда мелодия какой-нибудь песенки, популярной, или малоизвестной, совсем новой, из детства, или вообще довоенной – это как вам повезет. Хитрость в том, что, если вам удастся опознать песенку и вспомнить ее слова, в этих словах непременно будет содержаться ответ на вопрос, который вас сейчас донимает. Насколько прямой и понятный – это тоже вопрос удачи, бывает по-всякому. Но если вы не узнаете песенку, то и говорить не о чем.

– Да, с колокольчиками шансов у меня немного.

– «Немного» – это гораздо лучше, чем никаких.

– Расскажи про почтовый ящик, – посоветовала стриже-

ная женщина. – Им, похоже, давным-давно никто не пользуется. И это досадно.

– Ты права. Даже я о нем забыла, хотя, казалось бы.

– Что за ящик? Где?

– Обратите внимание, когда пойдете домой. Он висит на стене вашего дома, возле входа в лавку с товарами для детей – простой, черный, без надписей. Все соседи уверены, что ящик предназначен для корреспонденции владелицы магазина, и только мы с почтальоном знаем: это не так. Каждый день вижу, как он самолично заносит в лавку письма и рекламные буклеты, а когда там закрыто, сует их прямо под дверь. И правильно делает. Потому что черный ящик – ничей.

Он предназначен для благодарственных писем.

– Именно благодарственных? За что?

– О, за что благодарить, почти всегда найдется. Проснулся живой, сны снились хорошие, погода чудесная или, напротив, совершенно ужасная, зато в доме тепло, и вообще скоро весна – например. Вот вам уже несколько поводов для благодарности.

– Но кого благодарить-то? За погоду и за то, что жив? Кроме Господа Бога вроде бы некого.

– Вот именно. Религиозные люди так и поступают. Но куда деваться, к примеру, агностикам? Которые вовсе не уверены ни в существовании Бога, ни тем более в своей способности как-то с ним связаться. А благодарность, тем не менее,

испытывают. Вот чтобы она не оставалась невысказанной, и существует этот почтовый ящик.

– Ничего себе. Неужели кому-то приходит в голову писать подобные письма?

– Честно говоря, почти никому. Кроме тех немногих, кто знает о существовании и предназначении черного почтового ящика на улице Скапо. Уверена, что он – далеко не единственный в мире, но где висят остальные, я, к сожалению, не знаю. Впрочем, нам-то с вами и одного достаточно.

Сказал:

– Даже если вы меня разыгрываете, все равно прекрасная идея. Непременно напишу такое письмо. Регулярно хочу сказать спасибо, причем именно за то, что проснулся живым. И вообще за жизнь, которая часто не устраивает меня в мелочах, но по большому счету очень хороша. По крайней мере, мне – впору, по росту и по плечу. Именно такая, как надо. Моя. Вот все это и напишу, добавив несколько сентиментальных подробностей. На худой конец, насмешу работников магазина игрушек. Тоже доброе дело.

– Доброе. Но почту из этого ящика они никогда не вынимают, честное слово. Хотя бы потому, что открыть его невозможно, разве только взломать. Можете внимательно его осмотреть и убедиться.

– Считается, будто все благодарственные письма попадают к адресату, – заметила женщина в льняном костюме. – Кем бы или чем бы этот адресат ни был. И даже если его нет

вовсе, все равно – попадают. Каким-то неведомым образом. Все это слишком сложно для послеобеденной болтовни, однако считается, что на этой переписке счастливых людей с чем-то недоступным их воображению стоит мир. Как на китах и слонах. Поэтому лучше бы таких писем было побольше. На всякий случай. Чтобы мир стоял подтверже.

Сказал:

– Можете на меня положиться, напишу.

– Вы напрасно закрываете блокнот, – улыбнулась женщина в белом. – Осталось еще много примет. Например, выходя через арку на улицу Пилес, обязательно следует обернуться. Если увидите, что за вами кто-нибудь идет или едет на велосипеде, знайте, что в этот день общение с людьми принесет радость и пользу. Дружеское или деловое – совершенно не важно.

– А если за вами следует голубь, ожидайте хорошего известия, – ухмыльнулся старик в ковбойской шляпе.

– Верно. А если кот, непременно купите себе мороженое. Или еще что-нибудь вкусное.

– А если позади никого нет?

– О! Это самое прекрасное. Тогда можете смело делать любые глупости, в этот день вам все сойдет с рук.

– То же самое, если к веткам дерева, что растет за синей стеной, привязаны разноцветные ленты, – добавила стриженная. – Правда, это случается нечасто.

– А если, выходя утром из дома, вы услышите птичий ще-

бет, грядущий день сулит вам много хороших новостей. Если же птицы кричат вечером, это будут не просто новости, а чужие секреты, которые вам полезно узнать.

– А если напротив четвертого номера – это где двери с декоративным портиком и колоннами – припаркован желтый автомобиль, вас ожидает неожиданная прибыль. Но запомните, автомобиль любого другого цвета приметой не является. Даже не рассчитывайте!

– Если зимой встретите на улице Скапо девочку в красных сапожках, значит, уже к вечеру будет оттепель.

– А если летом увидите босую старуху, ждите дождя.

– Причем пустой таз у нее в руках сулит грозу. А пакет с продуктами – град.

– Мальчишка на самокате – к удачному приобретению. Причем чего угодно, от башмаков до недвижимости.

– А мужчина с удочкой означает, что вы можете смело заводить новое дело или переговоры, в исходе которых пока не уверены.

– А если мужчин с удочками двое, даже страшно подумать, чего вы сумеете добиться. Видимо, станете президентом.

– И если все-таки станете, имейте в виду: кошка в окне первого этажа седьмого дома означает, что в этот день вы сможете обмануть кого угодно.

– Но если из этого окна выглядывает собака, будьте предельно честны до завтрашнего утра. А еще лучше – до конца

недели.

– А если там стоит клетка с хомяком, вам следует отложить все дела и заняться закупками продовольствия: вечером непременно нагрянут голодные гости. Даже если вы никого не звали.

– Причем это будут хорошие гости. Которых вы, можно сказать, ждали всю жизнь.

– Найти тетрадку с конспектами или хотя бы исписанный листок бумаги – к утрате ненужных иллюзий.

– Зато ручка, даже сломанная, или, скажем, карандаш сулит как минимум неделю вдохновенной работы. Только нужно обязательно унести находку с собой.

– А если из открытого окна доносится оперная ария, значит, в вас кто-то влюблен, ликуйте!

Они говорили, смеясь и перебивая друг друга, явно выдумывали на ходу. Ничего не имел против и все равно конспектировал для памяти: «босая старуха – дождь», «хомяк – вечеринка», «карандаш – вдохновение, подобрать», «открытые ворота – свидание», «плакаты на заколоченных окнах...», «значения рисунков на тротуаре...». Пусть будет.

Домой вернулся уже в сумерках, пьяный от солнца, смеха и усталости. Подумал: «Вещами займусь завтра». Рухнул на постель, некоторое время разбирал свои записки и сам не заметил, как уснул, даже не погасив поставленную в изголовье лампу. Во сне писал благодарственное письмо; как

всякое уважающее себя сновидение, оно то и дело норовило ожить, рассыпаться на сотни овестественных образов, которые тут же затевали веселую чехарду, подбивая своего создателя присоединиться.

Проснулся на рассвете; выключив наконец лампу, подремал еще. Наконец встал, сварил кофе, достал из рюкзака ноутбук и с головой нырнул в блокнот – разобрать вчерашние каракули, записать все подробно, пока оно еще свежо в памяти. Для себя, для друзей и чтобы смастерить красивую самодельную книжку с приметам в подарок седой женщине из кафе. Уж ее-то, в отличие от невыразимого владельца черного почтового ящика, можно поблагодарить лично.

Когда пришли Мартинас и Аста, как раз писал про хомяка. Удивительной магической силы зверь оказался: его, получается, даже видеть в окне не обязательно, достаточно упомянуть, и – бумц! – на тебя тут же валятся долгожданные гости. Правда, не голодные, а, напротив, с гостинцами – свежим домашним хлебом, ярко-зеленым базиликовым сыром и ветчиной. Кормить и спасать. Еще раз поругали, что не предупредил всех заранее. Передали: Айдас приедет сразу после работы, а Янка, возможно, уже через пару часов. Пообещали: к вечеру в этом бомбоубежище вполне можно будет жить.

Сказал, жадно кусая бутерброд:

– Это очень круто. А теперь идем пить кофе. Я бы сам

сварил, мне не лень, но тут вчера обнаружилось лучшее в мире кафе. Прямо у меня под носом, чтобы далеко не бегать. Вы непременно должны там побывать.

Удивились: «Что за кафе? Где? Вот прямо на Скапо? Надо же. Сколько раз тут ходили, а кафе не видели».

Сказал:

– Я тоже не видел – до вчерашнего дня. Видимо, только что открылись, там даже вывески пока нет. Такие хорошие! Принесли кофе и вино бесплатно, в честь новоселья – видели, как мы вещи таскали... А как там готовят рыбу, знали бы вы. И ходят туда исключительно лучшие люди в мире. Я с ними практически до ночи вчера просидел.

Вышли во двор, свернули на улицу, огляделись. Десятый дом – вот он, наискосок. Но ни белых тентов, ни столов, ни стульев, ни даже аромата специй и трав. Белая дверь осталась на месте, но была заперта, на окнах жалюзи, такие пыльные, что ясно – их не поднимали как минимум с самой зимы.

– Ну и где? – хором спросили друзья.

Пробормотал:

– Может быть, я перепутал номер?

Но твердо знал, что ничего не перепутал. Бессмысленно искать кафе с белыми столами в другом доме. Потому что вчера оно было именно здесь, в десятом. А сегодня его нет. И то и другое – факты.

Однако улицу из конца в конец все-таки прошли. И снова

вернулись к запертой белой двери.

Подумал: «Ужасно жалко. Но все это так похоже на самое настоящее чудо, что, может быть, даже и хорошо?»

Поднял голову и увидел, как блестят в окне второго этажа золотые заячьи уши. Подумал: «Кафе нет, а Золотой Заяц, выходит, все-таки есть. Вот это да!»

Сказал вслух, ни к кому не обращаясь:

– Самое поразительное, что я там вчера ел. И, значит, теперь из этой невидимой еды состою. Отчасти. Что ж, уже неплохо.

Мартинас и Аста обескураженно молчали.

...Отложив объяснения на потом, велел друзьям поглядеть на зайца, а сам бросился домой – проверять, на месте ли блокнот. И есть ли в нем хоть одна запись? А вдруг все исчезло?

Блокнот лежал на полу, в изголовье постели, до краев заполненный торопливыми каракулями. Бегло перелистал, проверил – вроде все на месте. Рассмеялся от облегчения. Торопливо записал на самой последней странице:

«Если, проходя по улице Скапо, вы увидите кафе с белыми столами и тентами, бросайте все дела ради возможности там пообедать. Потому что другого шанса получить в свое распоряжение полный перечень добрых примет и прочих чудес улицы Скапо у вас, скорее всего, не будет».

Поставил точку. Улыбнулся топчущимся на пороге и уже практически превратившимся в вопросительные знаки дру-

зьям. Сказал:

– Сейчас сварим кофе, и я все расскажу.

Улица Слушку (Slušku g.)

Ангел смерти и Мак-Кински

Ангел смерти пришел за Марьяной в пять часов утра. Она бы, конечно, проспала это событие, если бы не Мак-Кински.

А так Марьяна проснулась от воплей кота. Не открывая глаз, запустила в него подушкой, попутно высказав все, что думает о матери маленького мерзавца. Мак-Кински пропустил брань мимо ушей: он не ведал родственных привязанностей. И вообще никаких, кроме одной. Его маленькое зловредное сердце было целиком отдано Марьяне, раз и навсегда.

Второй подушки у Марьяны не было. Да и ругательства быстро закончились. В пять утра активный словарный запас до смешного жалок, будь ты хоть трижды интеллектуал. Зато Мак-Кински и не думал умолкать. Что само по себе было довольно странно. Во-первых, при всех своих недостатках, кот знал и строго соблюдал главное домашнее правило: никогда не поднимать шум прежде будильника. А во-вторых, так истошно Мак-Кински на Марьяниной памяти орал только дважды: у ветеринара, который засунул ему в задницу градусник, и в тазу с водой, когда она в первый (и последний) раз в жизни решила его помыть.

Пришлось открывать глаза.

В спальне было предсказуемо светло – прямо перед Марьяниным окном горел фонарь. Марьяне нравился его бледно-желтый свет, поэтому она никогда не опускала до конца оконную штору, оставляла большую щель – отличный ночник. Приятно, когда часть твоих расходов за электричество берет на себя городская казна.

При свете этого фонаря можно было разглядеть все, что происходит в спальне. Не в деталях, конечно, но получить общее представление – вполне. В частности общее представление о том, что Мак-Кински каким-то чудом взобрался на платяной шкаф. В первую секунду Марьяне показалось, что кот вопит, уставившись в совершенно пустой угол, но потом она увидела человеческий силуэт.

Первое, что приходит в голову в подобных случаях, – в дом забрался грабитель. Но для грабителя ночной визитер был чересчур прозрачен. Причем не метафорически, а действительно, по-настоящему прозрачный, обычно такими показывают призраков в кино: туманный антропоморфный силуэт, сквозь который просматривается окружающая обстановка. Например, клочки изодранных обоев. Мак-Кински всегда полагал, что когтеточки – для слабаков. Если ты – уважающий себя кот, отринь иллюзии, найди настоящую твердую гладкую стену, ее и дери!

Однако чем дольше Марьяна смотрела на это туманное недоразумение, тем ярче и плотней оно делалось. Несколько секунд не прошло, а уже стало ясно, что перед ней не

просто платоновская идея человека, а довольно высокий, по-детски тощий мальчишка. Ну, как – мальчишка, юноша, типичный студент-первокурсник, по-детски пухлые щеки, тощая шея, вдохновенно сияющие глаза, она таких навидалась, пока читала курс по матанализу; впрочем, это было очень давно, лет пятнадцать назад, так что вряд ли молодой человек явился уговорить ее подписать зачетку. Если только машину времени не изобрел. Что, кстати, отлично объяснило бы его прозрачность. И ничего, кроме нее.

– Караул, – сказала Марьяна. Почему-то шепотом, зато очень твердо, как будто не звала на помощь, а отдавала приказ.

Вот уж точно, никогда заранее не знаешь, как поведешь себя в критической ситуации. Особенно спросонок.

– И что мне теперь с вами делать? – растерянно спросил прозрачный молодой человек. – Вы должны были умереть в пять ноль восемь, во сне, у меня так записано. Но вы проснулись! И ваш кот так жутко орет. И уже пять ноль девять. Все пошло наперекосяк.

– Должна была умереть?! – ушам своим не веря, переспросила Марьяна. – Вы с ума сошли? Вы вообще кто? А ну уберите отсюда! Или я закричу. На улице знаете, как хорошо будет слышно? А там уже соседи с собаками гуляют...

– Гуляют, – подтвердил прозрачный. – Сам видел. Женщина с лайкой и старик с серой болонкой. – И с неожиданным сарказмом добавил: – И все четверо теперь уверены, что

вы по ночам заживо четвертуете кошек. Я бы тоже так подумал, услышав эти жуткие вопли из вашего окна.

Мак-Кински, притихший было от звуков хозяйского голоса, спохватился – что ж это я не ору? И принялся вопить с утроенным энтузиазмом.

– Цыц! – рявкнула на него Марьяна. – А то действительно четвертую. И вас за компанию, – пообещала она незваному гостю. – Осталось решить, с кого начать.

– Меня нельзя четвертовать, – ответил тот. – Даже если сам захочу, ничего не получится. Я из другой материи.

– Так вы все-таки призрак? – оживилась Марьяна. – То-то я смотрю, обои сквозь вас видно. Всегда хотела встретить настоящего призрака! Но думала, вы только в старых домах водитесь, а этот семьдесят третьего года постройки. Или семьдесят третий – это уже достаточно давно?

– Призраки иногда и в совсем новых домах встречаются, – заметил прозрачный. – Но я не призрак. Я – ангел смерти. Пришел за вами, думал, все пройдет легко и просто, и вдруг этот ужасный зверь, в смысле, ваш кот жутко заорал, и вы проснулись. Послушайте, а может быть, вы попробуете снова уснуть? Не хочу показаться назойливым, но смерть во сне – самая легкая и приятная. Я знаю, что говорю.

– Смерть во сне, – повторила Марьяна. – А вы, значит, ангел смерти. Так. Погодите. Хотите сказать, я сейчас умру? Ну уж нет! Мы так не договаривались.

– Не договаривались? – ошеломленно переспросил ангел

смерти. – С кем?

– С господом нашим, – отрезала Марьяна. – В тот день, когда он милосердно послал мне вот это исчадие ада, – она кивнула в сторону кота. – Думаете, я большая любительница кошек? Ничего подобного! По своей воле ни за что бы не завела. Но этот маленький черный засранец – бывший домашний. То ли потерялся, то ли его выбросили. Такой чистенький был котенок, в противоблошином ошейнике. Доверчивый, сразу в руки пошел. Таких на улице оставлять нельзя, пропадут. А деть его было некуда. И сейчас некуда. У меня здесь ни родственников, ни достаточно близких друзей. Я всего два года как переехала. И совершенно не подготовилась к такому повороту. Мне всего сорок три года, вы в курсе? Какая вообще может быть смерть?!

– Ну слушайте, – растерянно сказал ангел смерти, – можно подумать, это от возраста зависит. Кота вашего жалко, конечно. Но ничего не попишешь. Значит такая у него судьба.

В ответ на столь непродуманное заявление подуставший было от собственных воплей Мак-Кински взвыл с утроенным энтузиазмом. Я тебе дам – судьба!

– Ничего не знаю, – твердо сказала Марьяна. – Пока мой кот не пристроен, я не умру. Дайте мне хотя бы несколько дней. Я поищу, куда пристроить Мак-Кински. Может, его в кошачье кафе жить возьмут? Хотя посетителей он им распугает, конечно. И в первый же день подерет всю мебель. Не смогла его отучить. И вообще, интересно, как это будет вы-

глядеть: «Здравствуйте, за мной вчера приходил ангел смерти, обещал вернуться. Не могли бы вы в связи с этим взять себе моего кота?» Бред какой-то. Черт знает что. Но я все равно постараюсь его пристроить. Сделаю, что могу.

– Несколько дней? – упавшим голосом повторил ее гость. – Но так не положено. Так вообще не бывает!

– Ну что ж вы сразу так – «не бывает»? – горько усмехнулась Марьяна. – Надо верить в чудеса.

Юный ангел смерти уже чуть не плакал.

– Да что ж у меня сегодня все через задницу? – беспомощно спросил он. – Какой дурацкий день, а. И что я ему теперь скажу?..

– Кому – «ему»? Если Господу Богу, то так и скажите: «Это та самая дама, которой Ты полтора года назад послал черного кота. Теперь ей не с кем его оставить, Ты сам виноват».

– Да при чем тут Бог, – вздохнул ангел смерти. – Брату! Я еле уговорил его отправиться в отпуск, обещал подменить, клялся, что все будет в порядке. А сам...

– Брату? У ангелов смерти бывают братья?!

– Конечно бывают, – кивнул тот. – А почему нет?

– Просто из этого следует, что у ангелов смерти есть мама и папа, – объяснила Марьяна. – А это уже ни в какие ворота. Мой разум бунтует, воображение отказывает. Не может такого быть.

– А, вот вы о чем. Успокойтесь, мамы и папы – в том смыс-

ле, какой вы в это вкладываете – у нас конечно нет. «Братьями» считаются те, кто появился на свет вследствие сходных последовательностей более-менее тождественных событий. Такое совпадение рождает между нами привязанность и чувство родства. И некоторую ответственность друг за друга. В этом смысле у нас все, как у людей.

– Ага, – кивнула Марьяна. – Значит, вы обещали брату убить меня во сне, а сами...

– Не «убить», а просто помочь вам покинуть тело в наиболее подходящий для этого момент, predeterminedный совокупностью ваших личных свойств и некоторых внешних обстоятельств, – строго сказал ангел смерти. – Впрочем, этот момент мы с вами уже упустили, – упавшим голосом добавил он. – Да и внешние обстоятельства драматически изменились. Вы не спите. И у вас кот.

– Вот именно! – с нажимом подтвердила Марьяна. – У меня кот. Его надо пристроить. Боюсь, для этого мне понадобится очень много удачи. Потому что обычно даже самой ласковой и милой кошечке хороших хозяев быстро не найдешь. А уж этому сокровищу... Беда в том, что Мак-Кински очень вредный. Если бы он был человеком, я бы сказала, что он обладает нестигаемой волей и твердым характером. Но о котках так обычно не говорят.

– Мааааау! – подтвердил со шкафа Мак-Кински, самым гнусным из своего дежурного набора отвратительных голосов.

– При этом он очень умный, – вздохнула Марьяна. – И человеческую речь понимает до мельчайших нюансов. Однажды я очень ласково назвала его, – она перешла на почти беззвучный шепот, – кровяной колбасой. До вечера со мной не разговаривал! И от еды отворачивался. Пришлось извиняться, он еще немного поломался и наконец простил. Был бы он обычным человеческим мужиком, давным-давно на край света от такого сбежала бы. Но с тем, кто без тебя пропадет, так поступать нельзя.

Ангел смерти слушал ее, похоже, только из вежливости. Вид у него был настолько потерянный, что хоть добровольно ложись и помирай. Чтобы не травмировать молодого специалиста.

– Ваш брат будет ругаться, что вы меня вовремя не уби... не помогли покинуть тело? – сочувственно спросила Марьяна.

– Ругаться? – удивился ее гость. – Нет, что вы! Брат на меня никогда не сердится. Что ни сделаю, говорит: «Вот и молодец».

– Ну и чего вы тогда так расстраиваетесь?

– Как – чего? Он теперь никогда больше не согласится отправиться в отпуск. И очень устанет. И будет ходить мрачнее тучи, но делать вид, что все хорошо. Я – плохой помощник, сам знаю. Но верил, что справлюсь. Оно же совсем не трудно – пока сидишь дома и планируешь. А потом берешься за дело, и все идет кувырком.

– Это вы в первый раз попробовали? – догадалась Марьяна. – И сразу вот так ничего не получилось? Сочувствую. Но умирать все равно не стану. У меня кот.

– Да почему же в первый? – обиделся ангел смерти. – Я уже... – он задумался, что-то подсчитывая на пальцах, – целых двенадцать человек от тел освободил. Всем, между прочим, очень понравилось. Говорили, со мной совсем не страшно. Я уже думал, обрел свое призвание. И тут вы!

– А, так я тринадцатая, – усмехнулась Марьяна. – Ну тогда все в порядке с вашим призванием. Просто тринадцать – несчастливое число.

– Правда? – заинтересовался тот. – Вы серьезно или просто меня утешаете?

– Даже не знаю, – призналась Марьяна. – Я в эту примету про «чертовую дюжину», честно говоря, не верю. Но я ее не придумала. Она объективно есть. Если что, так и скажите своему брату: это только потому, что она была тринадцатой. Других тринадцатых уже не будет, можешь спокойно отдыхать.

– Ладно, попробую так сказать, – просиял ангел смерти. – Вполне может сработать. Он, в отличие от меня, изучает ваш фольклор. И относится к нему с большим уважением. Он вообще очень много знает. И умеет все на свете! И все понимает – не только о людях, а обо всех. Хотя старше меня всего на восемнадцать тысяч лет.

– Действительно, пустяковая разница, не о чем говорить, –

усмехнулась Марьяна.

Сарказма ее гость не заметил. Только кивнул и мечтательно улыбнулся.

– Брат говорит, мы с ним похожи, – сказал он. – Но, по моему, он меня просто утешает. Мне до него – как до неба. На четвереньках. Ползком. И вас бы он сейчас точно не стал слушать. «Какой может быть кот, у нас с тобой неотложное дело, тебе понравится, вот увидишь, пошли!» – и точка. Неумолимый. Поди ему возрази.

– А когда ваш брат вернется из отпуска? – спросила Марьяна. – Я должна знать, сколько у меня времени, чтобы пристроить Мак-Кински. Хоть куда-нибудь. В пустой квартире с моим трупом ему совершенно точно не место. На такой ужас он не нагрешил. Хотя, конечно, старался, поганец. Как мало кто, – нежно добавила она, покосившись на кота.

Мак-Кински выглядел очень довольным. Кот любил, когда Марьяна обзывала его «поганцем» и бранила за дурное поведение. Это льстило его самолюбию куда больше, чем любые похвалы.

– Обещал быть послезавтра. Нет, погодите, у нас уже утро? Значит, завтра вечером. Мне бы очень хотелось покончить с вами до его возвращения. Хотя, глядя на вас, понимаю, что шансы на благоприятный для меня исход невелики.

– Разве что твердо пообещаете забрать Мак-Кински себе. И хорошо кормить, – вздохнула Марьяна.

– Забрать?! – в ужасе переспросил тот. – Вы имеете в ви-

ду, взять жить к себе домой? Вот это кошмарное черное чудовище?

– Вы не любите кошек? – удивилась Марьяна. – Ну надо же! Почему-то была уверена, что ангелы смерти должны быть без ума от котиков. Жаль, что это не так. Но если вдруг передумаете, могу отдать вместе с ним переноску, туалет-домик и почти полный мешок сухого корма, очень хорошего. Мак-Кински ужасно капризный, но этот как раз вполне охотно ест...

– Мы же из разных материй, – укоризненно напомнил ангел смерти. – Я его не то что на руки взять, а даже погладить не смогу.

– Это как раз только к лучшему. Мак-Кински никому, кроме меня, таких вольностей не позволяет. Да и мне, честно говоря, через раз... Ладно, с вами все ясно: вы его не возьмете. Остается Мантас. И кошачий форум. И... нет, больше никаких идей.

– Вы все-таки постарайтесь, – попросил ее ангел смерти. – Очень хочется как-то это дело закрыть. А поскольку идеальное время мы с вами уже упустили, лучше бы мне заручиться вашим согласием. Без него нам обоим будет очень тяжело.

– То есть без моего согласия вы меня теперь не убьете? – обрадовалась Марьяна. – Ничего не получится? Я что, теперь никогда не умру, если сама не соглашусь?

– Я не убиваю, – напомнил он. – А просто помогаю сознанию покидать тело. И вполне могу обойтись без вашего со-

гласия. Но не хотелось бы понапрасну вас мучить. Все-таки в сложившейся ситуации я сам виноват: испугался кошачьих воплей, растерялся, когда вы проснулись, упустил момент. Поэтому готов пойти вам навстречу. Пристраивайте своего кота.

Проснулась Марьяна только в половине одиннадцатого. Впрочем, в последнее время ей случалось вставать и позже: со старой работы она уже уволилась, а выходить на новую только через неделю, когда еще и отсыпаться впрок, если не сейчас.

Мак-Кински, спавший у нее в ногах, встрепенулся, спрыгнул с кровати и помчался на кухню, предвкушая утренний ритуал кормления его величества завтраком: «Ну, маленький, ну слопай кусочек, да что ж тебе снова не так, зараза ты такая? Ладно, не хочешь, не жри, ходи голодный до вечера... А может, тебе паштета баночку открыть? Будешь паштетик, маленький? Эй, ты куда побежал, скотина неблагодарная?» – и так далее, в том же духе, примерно на четверть часа, пока в джезве на медленном огне томится Марьянин кофе. Как только кофе будет готов, кот усядется возле кормушки и примется жевать. Мак-Кински хорошо знал, что у хозяйки есть ценности, на которые даже любимчику в его лице лучше не посягать: сон и первая утренняя чашка кофе в блаженной тишине.

Но на этот раз Марьяна не спешила на кухню. Стояла воз-

ле окна, смотрела вниз, на тихую улицу Слушку, которую успела полюбить. Привычно пожалела, что квартира всего на втором этаже, и отсюда не видно реку, скрытую за соседними домами. А с пятого такой отличный обзор! Надо, что ли, не полениться туда подняться. Посмотреть на все... напоследок.

Тьфу ты черт. Почему «напоследок»?! Мало ли, какая глупость под утро приснилась. Совсем чокнулась, мать? Что с тобой?

Мак-Кински устал ждать хозяйку, вернулся, возмущенно держа хвост трубой. Вспрыгнул на подоконник, требовательно мякнул, но тут же поймал Марьянино настроение, встревожился, боднул ее в плечо своей смешной черной башкой.

– Балбес ты дурацкий, – вздохнула Марьяна, положив руку на его теплую спину. – Представляешь, мне приснилось, что я из-за тебя не умерла.

В ответ на это откровение Мак-Кински взвыл – так же невыносимо громко, как ночью. И птицей взлетел на шкаф.

– Эй, ты чего психуешь? – потрясенно спросила его Марьяна. – Хочешь сказать, оно не приснилось? Да ну, не выдумывай. Просто ты тоже видел мой сон. Для кота вполне обычное дело; по крайней мере, так о вас говорят. Пошли лучше жрать.

От еды Мак-Кински на этот раз не отказывался. Вернее, отказывался не так, как всегда. Уткнулся в миску, что-то по-

клевал для приличия и тихонько, боком вышел из кухни. Марьяна не стала его уговаривать. Делай, как хочешь, радость моя.

На этот день у нее была запланирована генеральная уборка – весна на дворе, перерыв между работами, когда, если не сейчас? Но все валилось из рук, так что через час Марьяна благоразумно свернула мероприятие. Зачем вообще возиться, все равно умирать – самое позднее завтра, когда старший брат моего недотепы вернется и начнет наводить порядки. Вот если не умру, тогда и помою эти чертовы окна. И плиту, и ванну, и унитаз, – мрачно думала она.

Любви к жизни эти планы не особо способствовали, зато влечение к смерти росло на глазах. Натурально по Фрейдю. Интересно, как он догадался? Вряд ли ему хотя бы раз в жизни доводилось драить унитаз.

Сама по себе смерть, как ни странно, Марьяну больше не пугала. Потому что одно из двух: или это был идиотский сон, и тогда бояться нечего. Или не сон, но тогда, получается, ангелы смерти есть взаправду? И значит, все остальные загробные развлечения тоже; ладно, может не все, но что-нибудь точно там есть. И тогда смерть, получается, просто что-то вроде переезда в другую страну: неизвестно, как там все сложится, понравится ли, удастся ли освоиться, но все-таки это не повод ложиться на пол и кричать от ужаса. На самом деле даже интересно, как оно повернется и к чему приведет.

В общем, если бы не Мак-Кински, можно было бы мах-

нуть на все рукой и расслабиться. Но кот! Вредный, дурацкий, никому в целом мире больше не нужный кот.

– Ни за что! – вслух сказала Марьяна. И повторила, очарованная не столько смыслом, сколько самим звучанием фразы: – Ни за что!

* * *

Едва дотерпела до обеда, чтобы позвонить Мантасу. Он сейчас работал в ночную смену и в первой половине дня спал. Позвонила в три, судя по голосу, вроде не разбудила. Хотя поди догадайся, как оно там на самом деле, Мантас всегда ей рад.

– У меня вопрос, – Марьяна сразу взяла быка за рога. – Дебильный, но очень важный. Скажи, если со мной что-нибудь случится, ты заберешь Мак-Кински?

Мантас предсказуемо всполошился.

– Господи, да почему с тобой что-то должно случиться? Ты... погоди, ты что, была у врача? И?..

– Никаких врачей. Зачем мне к ним ходить, у меня даже голова в последний раз не помню когда болела. Просто... ну знаешь, весна, мысли разные в голову лезут, сны дурацкие снятся. Видимо, я из тех несчастных придурков, которые без работы сходят с ума. Но ты все равно ответь. Только честно. Возьмешь?

– Мак-Кински я готов взять в любой день, – сказал Ман-

тас. И, не дав ей толком обрадоваться, добавил: – Но только в комплекте с тобой. Он же меня не любит. Едва терпит – только ради тебя.

– Справедливости ради, других он даже ради меня не терпит, – заметила Марьяна. – Норовит оставить без штанов и колготок. В лучшем случае, прячется под кровать и оттуда шипит.

– Это да. Но «терпит» – недостаточное условие для счастливой совместной жизни, ты знаешь.

Он не сказал: «И поэтому не выходишь за меня замуж». Но это подразумевалось. Висело в воздухе, невыносимо звенело, как всегда в разговорах с Мантасом. Так жаль. Нет, правда, ужасно жаль, что не получается влюбиться в Мантаса. Да хотя бы спяну его захотеть. Проклятая химия – всем хорош человек, а тебе не подходит. И сам это понимает, но все равно на что-то надеется. Такая дурацкая жизнь.

– На самом деле, если бы с тобой действительно что-то случилось, я бы взял твоего кота, – сказал Мантас. – А куда деваться. Не выкидывать же на улицу. Но ты постарайся, пожалуйста, чтобы оно не случилось еще хотя бы два года. Потому что я уезжаю.

– Куда? – удивилась Марьяна, сама не зная, огорчаться или радоваться. – И когда?

– Через две недели. В Англию. Помнишь, говорил тебе, что мне предлагают контракт в Бристоле? И ты сама сказала, что дураком буду, если откажусь. Ну вот, не отказался. Но,

кстати, еще могу.

– Не надо отказываться, – поспешно сказала Марьяна. – Отличный же контракт, жалко его упускать. Лучше давай я к тебе в гости буду приезжать. Часто. Хочешь?

– Конечно, хочу, – она почувствовала, как Мантас улыбается. – А как же Мак-Кински? А твоя работа?

– Пока не знаю, – призналась Марьяна. – Но теоретически, на работе бывают выходные и праздники. А Кински... Ай, да придумаю что-нибудь.

На самом деле, она, конечно, просто рассчитывала, что Мантас вскоре перестанет ее приглашать. На расстоянии легче выбросить из головы несбыточные надежды. Глядишь, найдет себе там какую-нибудь прекрасную англичанку. Или не англичанку, но все равно прекрасную. И настанут блаженные времена, когда с ним можно будет просто дружить, для начала – по переписке. Шансов на это, будем честны, немного, но можно же помечтать.

* * *

– Мантас отпадает, – сказала она коту, сунув в карман телефонную трубку. – В Англию собрался. Очень некстати. Это был наш с тобой единственный приличный вариант.

Мак-Кински приоткрыл один глаз и посмотрел на нее так внимательно и печально, что Марьяне захотелось перекреститься. Все-таки удивительно умный кот. Откуда только

взялся на мою голову.

– Откуда ты вообще такой взялся? – вслух спросила она.

Ответа не последовало – как всегда в таких случаях. Если Мак-Кински и знал историю своего происхождения, то тщательно ее от Марьяны скрывал.

Сон в эту ночь не шел к Марьяне, что в общем неудивительно. Ворочалась с боку на бок, пялилась то на ободранные котом стены, то в потолок, ждала неизвестно чего. Ну то есть как – неизвестно. Очень даже известно. Просто кому охота признаваться себе: лежу тут, как дура, жду ангела смерти. А он, зараза такая, все не идет.

Кое-как задремала и почти сразу подскочила от воя Мак-Кински. Молодец, что тут скажешь. Хороший сторож. Предупредил.

– Ну как? – с порога спросил ангел смерти.

Строго говоря, не с порога, а из угла, в котором он материализовался. Но не один ли черт.

– А никак, – мрачно откликнулась Марьяна. – Мой друг, единственный человек на свете, которого Мак-Кински худо-бедно терпит, уезжает буквально на днях. На форумах мрак и ужас, даже не ожидала. На одном мне вообще написали: «Да вы не переживайте, если что, его усыпят». Их счастье, что взглядом через экран не убивают... хотя я все-таки надеюсь, что убивают, просто с отложенным эффектом. Не описать, как я зла. Утешили, благодетели! Ну правда, одна

девочка дала мне ссылку на сайт приюта. Вроде вполне ничего, кошки там сытые и ухоженные. И не в клетках сидят, а валяются на диванах, как домашние. А по стенам специальные полки развешаны, чтобы лазать, и домики, чтобы прятаться – красота! Была бы кошкой, лопнула бы от зависти. У них там¹² веб-камеры в каждой комнате, так я целый час смотрела, не могла оторваться... Ладно, неважно. В общем, действительно неплохой приют. Я им сразу позвонила. Соврала, что умерла старушка соседка, остался кот, некуда девать. Но у них сейчас ни одного свободного места, даже на трех кошек больше, чем они объективно могут содержать. Сказали: «Позвоните через неделю-другую, может, появится место, у нас часто кого-нибудь забирают». Но, сами понимаете, никаких гарантий. В общем, я – пас.

– Я так и думал, – вздохнул ангел смерти. – С самого начала все было ясно. Чего уж теперь.

– Слушайте, – сказала Марьяна, – неужели я одна такая? А как же другие одинокие люди, у которых коты, собаки, или там, не знаю, аквариумные рыбки, и никого, чтобы за ними присмотреть? Как они соглашаются умереть? Это же безответственно!

– Так их никто и не спрашивает, – пожал прозрачными плечами ангел смерти. – И вас бы никто не спросил, если бы не досадное стечение обстоятельств. В смысле, если бы ваш кот меня не учуял и вас не разбудил. А я оказался недоста-

---

¹² Судя по описанию, речь о вильнюсском приюте для животных «Lesè».

точно убедителен, чтобы повернуть все по-своему. В нашем деле нужна харизма. Вот у моего брата ее столько, что на сотню ангелов смерти хватило бы! Можно сказать, из одной харизмы и состоит. И еще из неумолимости. А у меня того и другого – ноль.

– Да ладно вам! – возмутилась Марьяна. – Не наговаривайте на себя. Вы очень обаятельный. И вызываете доверие. Я сегодня весь день думала, что смерть, оказывается, совсем не страшная штука. Даже интересно теперь, куда бы вы меня увели. Если бы не Мак-Кински, пошла бы с вами, подпрыгивая от нетерпения. Хотя раньше ужасно боялась умирать – как наверное все нормальные люди. Но вы полностью изменили мое отношение к этому вопросу; надеюсь, навсегда.

– Правда? – улыбнулся ангел смерти. – Вы после встречи со мной перестали бояться смерти? Спасибо. Очень приятно об этом узнать. Значит, кое-что у меня все-таки получается! – и, внезапно помрачнев, добавил: – Хотя, по большому счету, полный провал.

– Просто я – тринадцатая, – напомнила Марьяна. – И еще у меня Мак-Кински, страшный черный кот. Тоже, между прочим, плохая примета. Просто ужасная! Так и скажите своему брату. Не горюйте, все у вас будет хорошо.

– Муааааау! – подтвердил со шкафа Мак-Кински. Довольно противным голосом, но далеко не худшим из возможных. Видимо, решил тоже проявить сочувствие и симпатию к юному ангелу смерти. Ну и проявил – как смог.

Спала Марьяна после этого визита, как ни странно, крепко. То ли уже привыкла болтаться между жизнью и смертью, то ли просто устала переживать. А проснувшись и выпив наскоро кофе, принялась за уборку, хоть и говорила себе, что это неблагоразумно: наверняка отсрочка окажется совсем короткой. Нынче вечером вернется из отпуска этот хваленый старший брат, а я тут, как дура, стараюсь.

С другой стороны, надо же чем-то себя занять.

...К вечеру ее осенило: надо постоянно держать открытым хотя бы одно окно. На улице уже довольно тепло, а МакКински, небось, не дурак, не выскочит. Вот прямо сейчас точно не выскочит – пока у нас все хорошо. На всякий случай, провела разъяснительную работу. Подозвала кота, усадила на подоконник, сказала, указывая на щель:

– Если вылезешь и сбежишь, будешь распоследним дураком. Ничего особо хорошего на улице нет, ты это должен помнить. Как был рад, когда я забрала тебя оттуда в дом! Но если я все-таки умру, пусть у тебя будет выход. А то действительно еще усыпят, придурки. Чем так, лучше и правда во двор.

Кот внимательно ее слушал, но на слова «если умру» ответил таким душераздирающим воем, что Марьяна даже немного испугалась. Хотя давно могла бы привыкнуть к его вокальным возможностям. Но свою речь довела до конца. Пусть орет сколько хочет, а на ус все равно мотает. Благо

есть, на что намотать.

В эту ночь неумолимый старший брат ангела смерти за ней не явился. То ли задержался в отпуске, то ли слишком много пришлось исправлять за помощником, и до Марьяны у него просто руки не дошли.

Не пришел он и на следующий день. И в выходные. И первая Марьянина рабочая неделя на новом месте прошла без помех. Понемногу она почти перестала вспоминать об удивительном происшествии с ангелом смерти, а когда вспоминала, думала: «Мне приснилось. Да, два раза подряд. Ну и что».

Однако окно в доме постоянно держала открытым, даже когда в конце апреля ненадолго вернулись холода. Это ее успокаивало. Из любой ситуации, включая квартиру, всегда должен быть выход. Хотя бы для отдельно взятого кота.

Ангел смерти посетил Марьяну только в начале мая. В субботу, в пять часов – пополудни, а не утра. Зато не стал таинственно мерцать в углу прозрачным туманом, а просто позвонил в дверь.

Марьяна как раз ждала курьера из магазина, поэтому открыла, не спрашивая, кто там. Но когда увидела своего гостя, сразу поняла, кто он. А еще прежде, чем поняла, почувствовала, как волосы встают дыбом. И сразу захотелось вспрыгнуть на шкаф и заорать – по примеру героического

Мак-Кински. Ясно теперь, почему он тогда так выл.

Впрочем, на этот раз кот не вопил, а спокойно сидел в коридоре и внимательно разглядывал высокого темноволосого мужчину в длинном черном пальто, в отличие от своего брата, почему-то совсем не прозрачного. Зато загорелого, сразу видно, что хорошо отдохнул. И, пожалуй, слишком красиво для своей профессии. Или ангелам смерти, наоборот, положено быть красавчиками, чтобы жертвы поменьше сопротивлялись? Значит, младший действительно не дотягивает. Только и счастья, что прозрачный, а так-то – обычный пацан.

– Тоже мне защитник, – укоризненно сказала Марьяна ко-ту. И обернулась в сторону гостиной, проверила, открыто ли окно. Подумала: «Ладно, Мак-Кински у меня злющий, как-нибудь и на улице справится. А вот окрестным котам крупно не повезло».

Но все равно, конечно, хреново, что о ней вспомнили. Надеялась, пронесло.

– Спокойствие, только спокойствие! – копируя интонации Карлсона из старого мультфильма объявил незнакомец в черном, запирая за собой дверь. – Танцев не будет. В смысле никто никуда не умирает, проехали, можете не переживать. Ваше дело закрыто. Временно, но готов спорить, надолго. В истории уже было несколько случаев, когда людям удавалось отбрехаться и не пойти с ангелом смерти; все эти упрямыцы потом прожили очень долгую жизнь. Подозреваю, просто потому, что никто из наших не хотел с ними связываться.

Вот и тянули с этими красавцами до последнего, ждали, пока им самим надоест эта волынка... Кстати, вы совершенно напрасно радуетесь. На самом деле, вы, можно сказать, проиграли в лотерею. Вернее, своими руками порвали и выбросили выигравший билет. Мой младший братишка – самый добрый ангел смерти, какого только можно вообразить, так что вы много потеряли. Я сто раз советовал ему пойти учиться на ангела-хранителя – вот к чему у него настоящий талант! Но мальчик уперся: хочет быть таким, как я, и точка. С младшими братьями часто возникают подобные проблемы. Я в свое время много об этом читал, но так и не понял, что с ним делать. Может, еще передумает, как считаете? Вы же преподаватель, должны знать психологию молодежи...

– Бывший преподаватель, – вставила ошеломленная его напором Марьяна. – Очень устала от молодежи и ее психологии. Больше никогда!

Но гость не стал ее слушать. Аккуратно отодвинул Марьяну в сторону, чтобы не загораживала проход, и сел на корточки перед Мак-Кински. Смотрел на него, как будто никогда раньше не видел котов. И Мак-Кински отвечал ему полной взаимностью. В смысле, тарасился во все глаза. И, что самое поразительное, не рычал. Даже не шипел.

Наконец незнакомец протянул руку и положил ее на загривок Мак-Кински. Марьяна невольно зажмурилась, представив, что сейчас будет. Весь коридор в крови ангела смерти – интересно, она вообще отмывается? И не ядовита ли

для кота?

Но ничего страшного не случилось. Мак-Кински сохранил олимпийское спокойствие, обычно ему не свойственное. Ну и гость не особо наглед. В смысле, не стал фамильярно тискать малознакомого кота. Осторожно погладил и сразу убрал руку. Сказал:

– Рад с тобой познакомиться, Мак-Кински. За этим собственно и пришел, – добавил он, обернувшись к Марьяне. – Не хотел вас зря беспокоить, но, в конце концов, как видите, не удержался. Никогда прежде не видел котов, способных отменить человеческую смерть самым фактом своего существования. А я любопытный. При этом о котах знаю непростительно мало, хотя в юности мечтал стать ангелом именно кошачьей смерти. Но не прошел собеседование. Там очень строгий отбор.

– Строгий отбор? – растерянно повторила Марьяна.

– Строжайший! А как вы думали? Меня признали недостаточно ласковым и терпеливым. Хотя до сих пор уверен, что у меня могло бы получиться. Кошки меня обычно любят. Даже ваш Мак-Кински, как видите, согласен иметь со мной дело. Огромная честь!

– Слушайте, – наконец опомнилась Марьяна, – а как вы смогли его погладить? Вы же состоите из другой материи. Мне ваш брат так сказал.

– Ну так он совсем молодой еще, – отмахнулся гость. – Неопытный. Не освоился с многообразием возможностей.

Лично я состою из той материи, из какой захочу. Вернее, из какой надо для дела. Или просто удобней в данный момент лично мне. У плотной материи есть свои достоинства: некоторых удовольствий в другом состоянии не испытать. Кстати, об удовольствиях. Могу показать отличный фокус. Готов спорить, вы еще никогда не видели, как ангелы смерти пьют чай с конфетами. Так вот, чай за вами. А конфеты у меня есть.

Обнаружив себя у плиты с заварочным чайником, Марьяна окончательно поняла, что имел в виду юный ангел смерти, когда рассказывал о неумолимости своего старшего брата. Такому и правда не возразишь, сделаешь все, что потребует. Скажет: «Пора умирать», – ляжешь и помрешь, как мильенькая. Потребует чаю – пойдешь заваривать чай. И даже Мак-Кински на него не шипит. Ужасный человек. Ладно, не человек, но все равно совершенно ужасный. Таких надо запретить.

– А вы мне нравитесь! – одобрительно сказал гость. – Отлично держитесь в непростых обстоятельствах. И Мак-Кински у вас – что надо. Не кот, само совершенство. И чай завариваете по-человечески, почти как я. В наше время это большая редкость. Люди так привыкли к якобы удобным пакетикам с чайной пылью, что утратили элементарные навыки. Например, ополаскивать заварочный чайник кипятком.

И лить воду на чайные листья длинной струей, чтобы остывала до нужной температуры, попутно насыщаясь кислородом. И переливать потом чай из чайника в чашку и обратно, три раза, потому что три – счастливое число. А вы молодец, все сделали правильно. Я теперь даже рад, что братишке не удалось вовремя оборвать вашу жизнь. По ту сторону выдающихся личностей и без вас полно, а мире живых каждый человек, способный хорошо заварить чай, на счету. Так что все к лучшему. Впрочем, все вообще всегда к лучшему, судьба умнее любого из нас. Я мелкому это уже раз сто говорил, но не помогает. Он очень расстроен неудачей с вами. Ходит как в воду опущенный. Не знаю, как с ним быть!

– Просто еще раз съездите в отпуск, оставив его работать за вас, – посоветовала Марьяна, разворачивая уже третью по счету конфету. Они оказались какие-то невыносимо прекрасные: мягкий черный шоколад в твердом черном шоколаде. Неизвестно, каков этот тип в качестве ангела смерти, но в радостях жизни он определенно знает толк.

– В отпуск? – удивился тот. – Но я совсем недавно вернулся. И отлично отдохнул.

– Ну так не в вас же дело. Просто ваш брат переживал, что вы больше не сможете ему доверять. И поэтому никогда не поедете в отпуск. И ужасно устанете. И все из-за него.

– Ну и каша у него в голове!

– Да не то слово, – согласилась Марьяна. – Но в его положении это нормально. Быть вашим младшим братом – то

еще везение. Я имею в виду, на вашем фоне легко ощущать себя никчемностью. Вы очень яркая личность. К тому же, старше, а значит, гораздо больше знаете и умеете. Что естественно, но совершенно невыносимо, особенно когда ты молот и обожаешь свой недостижимый идеал.

– Но на самом деле он в сто раз лучше меня! – горячо сказал ее гость. – Добрей и гораздо талантливей. И...

– И способен одним своим присутствием отменять страх, – кивнула Марьяна. – Это я на своей шкуре поняла. Он говорит: «Вы должны умереть», – а у меня ни страха, ни паники. Если бы не Мак-Кински, с удовольствием бы умерла.

– Вот именно! Но когда я его хвалю, он не верит. Думает, я просто из жалости. А я... – он осекся и махнул рукой. Дескать, что толку объяснять.

– А он знает, что у вас тоже не все всегда получается? – спросила Марьяна. – Например, что когда-то вас не взяли учиться на кошачью смерть.

– Нет конечно. Кто же станет в здравом уме младшему брату о своем позоре рассказывать?

– А откуда ему еще узнать, что ошибки и неудачи это совсем не такая катастрофа, как кажется? Вы как раз отличный пример. Можно сказать, ходячая реклама житейских поражений: хочешь быть так же хорош, как я? Провались пару раз на важном экзамене, и дело в шляпе!

– Справедливости ради, я не провалился на экзамене, а

всего лишь не получил нужное число рекомендаций при собеседовании. Да и то только потому, что господина Мак-Кински в приемной комиссии не было, – подмигнул ей гость, показывая под стол.

И правда, было на что посмотреть. Гордец и мизантроп Мак-Кински лежал на ноге ангела смерти и почти беззвучно, но сладострастно урчал.

– Да, собеседование вы, пожалуй, прошли, – согласилась Марьяна. – Задним числом, зато строжайшее. Но как раз об этом вашему брату лучше не знать: еще больше расстроится. Мак-Кински на него страшно рычал.

– Ну так это потому, что он пришел вас забирать. А я – с дружеским визитом. Но вы совершенно правы, не буду хвастаться. И насчет провала на собеседовании подумаю. Может и расскажу, если гордыня позволит. На самом деле ясно, что вы абсолютно правы. Я слишком старательно изображаю из себя сияющий идеал. И всем от этого только хуже.

– Я бы рядом с таким великолепным братом с ума сошла, – подтвердила Марьяна.

Допив чай, гость еще некоторое время сидел, не решаясь потревожить Мак-Кински. Наконец кот почувствовал, что тот хочет уйти, недовольно мяукнул и убежал в спальню. Зная его, Марьяна могла спорить, что кот смертельно обиделся и провожать гостя не придет. Но Мак-Кински все-таки явился в коридор и по-свойски боднул ангела смерти в

голень – дескать, ладно, вали, если надо, я не сержусь.

– А можно я еще как-нибудь зайду навестить Мак-Кински? – спросил тот. – И вас, если позволите. Не так уж много у меня знакомых, к которым можно запросто заглянуть на чай. Иногда этого очень не хватает. И о мелком, получается, кроме вас не с кем поговорить. Вы все очень правильно понимаете. И советы у вас толковые. Великое дело – профессиональный педагог.

– В данном случае я просто профессиональная младшая сестра, – рассмеялась Марьяна. – Сама была в его шкуре, правда, недолго. Ну и сестрица моя старшая не такой уж сияющий идеал. Но все равно было непросто... А вы заходите, конечно. Но только с конфетами.

– Понравились?

– Не то слово. Неужели не заметили, я семь штук смела. И уже хочу еще.

Он улыбнулся, достал из кармана пальто пригоршню конфет, высыпал на тумбочку, немного подумал, снова полез в карман, добавил еще пару штук.

– Больше не дам, самому мало. Здесь такие не продаются, я из отпуска привез. В следующий раз возьму побольше. С расчетом на вас.

Когда он уже стоял на пороге, Марьяна спросила:

– А как вас зовут?

– Вы и сами должны понимать, что в человеческом языке никаких аналогов моего имени нет, – вздохнул ангел смер-

ти. – И фонетически оно невоспроизводимо, потому что состоит не из звуков, вернее, не только из них. Я, конечно, мог бы соврать, придумав первое попавшееся имя, но это, по моему, глупо. Давайте попробую вам его описать. – Он ненадолго умолк, задумался, наконец сказал: – Представьте, что теплой летней ночью вы вошли в прохладную реку. Довольно быстро, но не настолько, чтобы вас сразу унесло. Стоите в воде, примерно по грудь, с заметным усилием сохраняете равновесие, поднимаете лицо к небу, видите там совершенно незнакомые созвездия и так удивляетесь, что перестаете сопротивляться течению, оно подхватывает вас и несет, но настолько бережно, что сразу становится ясно: в лице этой реки вы обрели очень близкого друга. Представили?

– Да, – кивнула Марьяна, совершенно загипнотизированная нарисовавшейся ей картиной.

– Сумму всех ваших ощущений в этот момент, включая шум воды и чьи-то тихие голоса на берегу, можно считать более-менее точными синонимом моего имени, – заключил он.

Взмахнул рукой, улыбнулся и вышел. А Марьяна с котом еще долго стояли в коридоре, уставившись на закрытую дверь.

– По-моему, мы с тобой крупно влипли, Мак-Кински, – наконец сказала Марьяна. – По уши влюбились в малознакомого ангела смерти, такие молодцы. Но ладно, по крайней мере, мне он оставил конфеты, а тебе – свой запах на кухон-

ном табурете. Неплохо для начала. А там – поглядим, как пойдет.

Улица Сметонос (A. Smetonos g.)

Гест

Новый жилец не понравился Маржане со второго взгляда.

С первого взгляда он ей как раз очень понравился. Приятный человек средних лет: высокого роста, крепкого сложения, в явно недешевом пальто и безупречно чистых ботинках, с элегантной сединой в густых волосах и очаровательной улыбкой, мгновенно преобразившей его заурядное круглое лицо. Пока поднимались по лестнице на второй этаж, Маржана успела сказать, что если его все устроит, договор можно будет подписать прямо сейчас, бланки у нее с собой. В ответ будущий жилец улыбнулся еще шире, посмотрел ей в глаза, и Маржана невольно поежилась под его взглядом, тяжелым и темным, как туча, несущая град.

Но он уже стоял в коридоре и с любопытством оглядывался по сторонам. Вдруг спросил:

– Такой тускло-желтый свет – это нарочно?

– Нарочно? – растерянно переспросила Маржана. – Ну да, можно сказать и так. Экономичная лампочка, в коридоре больше света не надо. Зачем зря...

– Вы читали «Тибетскую Книгу мертвых»? – перебил он. И, не дожидаясь ответа, добавил: – У тибетцев тускло-желтый свет символизирует мир претов, вечно голодных духов.

Перерождаться там действительно не рекомендуется, совсем паршивая будет жизнь. Счастье, что я не покойник. А ваш коридор – просто коридор.

И посмотрел на нее вопросительно, словно бы ожидая согласия или опровержения.

– Просто коридор, – зачем-то подтвердила Маржана. И, спохватившись, напомнила: – Вы еще не представились. Как вас зовут?

– Гест.

Маржане сперва послышалось guess, и она автоматически перевела: «Угадай»?

– Тоже неплохо, – рассмеялся новый жилец.

Смех его оказался неожиданно громким, грубым, почти нахальным, как у подростка, который веселится всем назло, напоказ.

– Но все-таки нет, – наконец сказал он. – Не «Гесс», а «Гест». У людей начитанных это обычно вызывает некоторое недоверие, и тут я достаю документы. Один – ноль.

И сунул под нос Маржане бледно-зеленую пластиковую карточку. «Виктор Гест», – прочитала она и уже открыла рот, чтобы спросить: «А почему ваша фамилия должна вызывать недоверие?», но тут вспомнила, что в исландских сагах, которые читала в рамках программы по зарубежной литературе – очень давно, невнимательно, лишь бы скорее отделаться, сдать и забыть – Гестом представлялся каждый, кто хотел скрыть свое настоящее имя, начиная от силача Греттира

из одноименной исландской саги и заканчивая самым богом Одином.

Вот оно что.

– Да, повезло вам с фамилией, – согласилась Маржана. – Но сомневаюсь, что в наше время часто встречаются люди, способные оценить ее по достоинству. Разве только в самой Исландии; говорят, они там в начальной школе изучают происхождения своих богов.

В общем, кое-как сошла за образованную. И новый жилец опять начал ей нравиться – как когда-то в университете нравились преподаватели, которым удачно сдавала экзамен или зачет.

– Ну, значит, мне до сих пор просто везло, – пожал плечами Гест. – Потому что удивлялись довольно часто. Покажете мне квартиру? Как тут все устроено, где у вас что, как выглядит моя комната. Идемте!

И, не дожидаясь приглашения, даже не спросив, надо ли разуваться, пошел по коридору, внимательно разглядывая каждую дверь. Маржана окончательно поняла, что кандидат в жильцы ей неприятен. Ишь – раскомандовался. И не возразишь, все правильно он говорит, прежде, чем принимать решение, надо осмотреть будущее жилье. А все-таки очень уж он властный и самоуверенный. Перебор. Человеку, который в таком солидном возрасте вынужден снимать комнату в общей квартире, потому что не может позволить себе отдельное жилье, следует быть скромней.

Хотя кто его знает, что он на самом деле может, а чего нет.

Скорее всего, ему не подойдет, – утешила себя Маржана. – Комната все-таки слишком маленькая. И ремонт я там после Илзе не сделала. Вот и хорошо.

– Какая маленькая комната! – одобритительно сказал Гест, остановившись на пороге. – Именно то, что надо. Мне тяжело работать в больших помещениях, все отвлекает. А это – в самый раз.

Маржана растерянно моргнула. Ну надо же. От этой восьмиметровой комнаты, отказались уже четверо кандидатов в жильцы, она почти решилась снизить цену с полутора до одной сотни евро, и вдруг отыскался любитель тесноты. Обрадоваться бы, да не выходит.

– Идемте покажу вам кухню, – сказала она в надежде, что кухня ему не понравится. Нечему там особо нравиться, честно говоря.

На пороге кухни Гест остановился, принялся, покачал головой – Маржане показалось, неодобрительно. Спросил:

– У вас в кухне курят?

Ну слава богу. Сейчас скажет, что это возмутительно, и уйдет.

– Совершенно верно, в кухне можно курить, – сказала она. – В квартире нет ни одного балкона, курить в подъезде запрещают правила, а если вынудить людей выходить на улицу, они начнут тайком курить в комнатах. Сама на их ме-

сте начала бы. Как по мне, лучше уж тут. По крайней мере, здесь неплохая вытяжка.

– Очень разумное решение, – одобрительно кивнул Гест. Вот же черт.

– Хотите я сварю кофе, пока вы читаете договор? – спросила Маржана.

До сих пор на этом месте все ее будущие постояльцы смущенно отказывались – ой, что вы, мне ничего не надо, нет-нет-нет! – и Маржана с чистым сердцем пила кофе одна. Но этот, конечно, кивнул:

– Давайте.

Как будто весь мир существует исключительно для его удовольствия. Такой нахал. Но формально придаться не к чему: сама предложила. Кто тебя за язык тянул?

Вежливость. Просто вежливость, чтоб ее.

Договор Гест просмотрел бегло, насмешливо поджав губы, положил на стол:

– Обычный стандартный документ.

– Ну да, – согласилась Маржана. – Зачем что-то придумывать, когда существует общепринятая форма.

Налила кофе в чашки. Джемма, которую она держала в этой квартире, была маленькая, на одну порцию, пришлось разделить ее пополам, в итоге вышло совсем понемногу. Ни сливок, ни сахара не предложила, злорадно подумала: обойдется. Я вообще не обязана поить его кофе. Хочет – пусть

пьет так.

Выпил залпом и не поморщился. Но и не похвалил. Достал из кармана серебряный портсигар, из него – какую-то пижонскую черную сигарету, щелкнул зажигалкой, и кухня тут же наполнилась неожиданно приятным ароматом, словно он благовония воскурил. Заметил Маржанино удивление, сказал:

– Если вы сами курите, угощайтесь. Очень хороший табак. Но крепкий, имейте в виду.

Хотела сухо поблагодарить и отказаться, но не удержалась, взяла. Табак и правда был слишком крепкий, но удивительно приятный на вкус. От этой сигареты Маржана словно бы опьянела, по крайней мере, утратила обычную сдержанность. Спросила с несвойственной ей прямоотой:

– А почему вы снимаете комнату? Явно же можете позволить себе отдельную квартиру. А то и целый дом. Извините за откровенность, но это довольно заметно. Я бы сказала, бросается в глаза.

– Квартира у меня уже есть, – Гест в очередной раз улыбнулся этой своей невыносимой лучезарной улыбкой, словно бы специально отрепетированной для рекламных съемок. – Довольно большая, на целый этаж. И семья тоже большая. Знали бы вы, как они невыносимо галдят! Хуже чаек. А я не то что пальбу открыть, даже прикрикнуть толком не могу – любовь зла. Но любовь любовью, а работать надо. И офиса мне не положено, я сценарист. Да и толку от того офиса, да-

же если бы был. Лучше всего мне работается в крошечных, аскетично обставленных комнатах – вроде той, какую снимал в юности. Вдохновения мне тогда было не занимать, и сейчас в соответствующей обстановке оно снова появляется. А в своем просторном кабинете двух слов связать не могу. Самому смешно, но это так.

– Так вы для работы комнату снимаете? – обрадовалась Маржана.

В голове у нее сразу прояснилось. Все встало на свои места. Непонятное пугает, зато понятное успокаивает, а только что понятное – окрыляет. Теперь Виктор Гест снова ей нравился. Ну, как минимум больше не раздражал.

– Для работы, – подтвердил он. – Но спать я тут тоже буду. И готовить. В смысле кофе варить, на большее меня вряд ли хватит. Я, можно сказать, запойный трудоголик. Пару недель работать, не разгибаясь, пока не упаду на диван, а потом несколько дней отдыхать, даже не вспоминая о работе – оптимальный для меня режим. Не очень удобный, особенно для близких, но уж какой есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.